

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

**РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

*Основан в июле 2004 года
Выходит 6 раз в год*

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

*В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
М. А. ХОМЯКОВА, ответственный
секретарь*

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

*Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.*

*Использование материалов возможно то-
лько с письменного согласия редакции*

*Фотографии, использованные в номере, пре-
доставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий*

*Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции*

СОДЕРЖАНИЕ

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

- Федорова М. Ю.**
Конституционализация правового
регулирующего социальной защиты
в Российской Федерации 4
- Маматказин И. Р.**
Вопросы структурно-функционального
анализа в праве социального обеспечения 19
- Смирнова Т. О.**
Формирование инициативы в трудовом праве:
соотношение воли и волеизъявления 32

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- Крылатова И. Ю.**
Междисциплинарный подход
к соблюдению баланса частных
и публичных интересов при использовании
генетической и геномной информации 40

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Кравцова Е. А.**
Взаимодействие законодательных
(представительных) органов субъектов
Российской Федерации с населением 52

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Харинов И. Н.**
Проблемы защиты права
на комфортную городскую среду 58
- Вербицкая Ю. О.**
Обеспеченность нестационарными
торговыми объектами как гарантия
разнообразия услуг
на озелененных территориях 65

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. Д. Перевалов, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажеев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чепотарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

- Карпухин М. Ю., Хомякова М. А.**
Уголовная ответственность за порчу земли в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации 73
- Кургузиков М. С., Петри В. А.**
Об экологических правах будущих поколений 79
- Листопад О. Ф.**
Обеспечение комфортной среды проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на исконных территориях 85

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Тараборин Р. С.**
Московское правовое наследие в гражданском праве Российской империи первой половины XIX в. 92

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

- Tomuyuk O. N., Diachkova A. V., Kerimov A. A.**
Media Transformation of the Legal Culture of an Individual in the Context of Global Digitalization 100

- ИНДЕКС СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ОБРАЗОВАНИЕ, ПРАКТИКА, НАУКА» в 2021 г.** 111

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

Fedorova M. Yu. Constitutionalization of the Legal Regulation of Social Protection in the Russian Federation	4
Mamatkazin I. R. Issues of Structural and Functional Analysis in the Social Security Law	19
Smirnova T. O. Formation of an Initiative in Labor Law: the Ratio of Will and Expression of Will	32

LEGAL BASIS FOR GENOMIC RESEARCH

Krylatova I. Yu. The Interdisciplinary Approach to Balancing Private and Public Interests in Using Genomic and Genetic Information	40
---	----

CONSTITUTIONAL LAW

Kravtsova E. A. Interaction of Legislative (Representative) Bodies of Subjects of the Russian Federation with the Population	52
---	----

URBAN PLANNING LAW

Kharinov I. N. Problems of Protecting the Right to a Comfortable Urban Environment	58
Verbitskaya Yu. O. Provision of Temporary Retail Facilities as a Guarantee of a Variety of Services in Green Areas	65

ENVIRONMENTAL LAW

Karpukhin M. Yu., Khomyakova M. A. Criminal Liability for Damage to Land in an Environmental Disaster Zone or in an Environmental Emergency Zone	73
Kurguzikov M. S., Petri V. A. On the Environmental Rights of Future Generations	79
Listopad O. F. Providing a Comfortable Living Environment for the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East in the Ancestral Territories	85

HISTORY OF STATE AND LAW

Taraborin R. S. Moscow Legal Heritage in the Civil Law of the Russian Empire in the First Half of the 19 th Century	92
---	----

SOCIOLOGY OF LAW

Tomyuk O. N., Diachkova A. V., Kerimov A. A. Media Transformation of the Legal Culture of an Individual in the Context of Global Digitalization	100
Index of Articles Published in the Journal in 2021	111

М. Ю. Федорова

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Переход к рыночной экономике, многообразие форм собственности и форм реализации права на труд обусловили невозможность защиты от социальных рисков посредством традиционных видов социального обеспечения. Возникла необходимость формирования новой теоретической модели защиты от социальных рисков, которая охватывала бы более широкий спектр мер по сравнению с социальным обеспечением. В современной России эта модель формируется посредством развития системы социальной защиты, а также социального законодательства и практики его применения.

Главным направлением такого развития является конституционализация. Автор предлагает рассматривать структуру конституционализации правового регулирования социальной защиты через ее объекты, субъекты и содержание. Объектами конституционализации выступают социальная защита в качестве конституционной ценности, социальное законодательство и правоприменительная практика, субъектами можно считать конституционного законодателя и Конституционный Суд РФ. В период своего существования функцию конституционализации выполняли также конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

На примере конституционных новелл 2020 г., а также решений Конституционного Суда РФ по вопросам социальной защиты раскрывается содержание конституционализации правового регулирования социальной защиты. Обозначаются перспективные направления научных исследований по анализируемой проблематике.

Ключевые слова: Конституция, конституционализация, социальное государство, социальная защита, социальное обеспечение, социальный риск, Конституционный Суд Российской Федерации, конституционный нормоконтроль, законодательство, судебная практика

Для цитирования

Федорова М. Ю. Конституционализация правового регулирования социальной защиты в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 4–18. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_4.

УДК 342.7

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_4

Проблема конституционализации правового регулирования различных сфер жизни российского общества приобрела особую актуальность. Конституционные поправки стали катализатором научных изысканий, в том числе в социальной сфере, существенные преобразования которой под влиянием политических и экономических реформ начались на рубеже 1980-х – 1990-х гг.

Распад СССР, появление центробежных тенденций в российской государственности, переход к рыночной экономике, многообразие форм собственности и форм реализации права на труд обусловили возникнове-

ние новых социальных рисков (безработица, миграция, межнациональные конфликты и т. п.). Ослабление государства с одновременной попыткой идеологического обоснования «всевластия» рынка как социального регулятора в условиях переходного периода привели к кризису системы социального обеспечения. Требовалась разработка новых подходов к ее организации, которые были бы адекватны условиям рыночной экономики и при этом отвечали бы ожиданиям российского общества.

Основы правового механизма новой системы защиты от социальных рисков заложила

Конституция. Система социальной защиты создавалась в условиях отсутствия серьезных теоретических разработок. Во многих случаях корректировать законодателя приходилось Конституционному Суду РФ. За тридцатилетний период его деятельности сформировалась обширная и весьма содержательная практика по вопросам социальной защиты. Многие его решения стали источником развития не только законодательства и правоприменительной практики, но и доктрины права социального обеспечения. Свой вклад в укоренение конституционных принципов в региональном правовом регулировании социальной защиты внесли органы конституционной (уставной) юстиции субъектов РФ.

Новый импульс для развития конституционные основы социальной защиты получили в 2020 г., когда российская Конституция была дополнена рядом важных положений, конкретизирующих отдельные аспекты правового регулирования в данной сфере. Тем самым были обозначены новые перспективы и для научных изысканий, посвященных конституционализации правового регулирования социальной защиты.

Проблематика конституционализации исследуется в науке конституционного права, но результаты этих работ носят универсальный характер и могут применяться различными отраслевыми юридическими науками для обоснования необходимости усилить конституционные начала в правовом регулировании соответствующих общественных отношений. Такое взаимодействие отражает специфическую роль конституционного права как ядра системы права и его влияние на отраслевое регулирование.

Основы теории конституционализации права (в том числе отдельных элементов правовой системы) сформулировал В. И. Крусс. Он выделяет разные «границы» конституционализации (гносеологию, герменевтику, технику, а также аксиологические аспекты), анализирует ее доктринальный формат, исследует в заданном контексте конституционное правопонимание и правопользование. Автор определяет конституционализацию как «процесс надлежащего качественного объективирования и оформления национальной правовой материи во всех конституционно признанных и допустимых для нее первичных (спекулятивно-умозрительных) и вто-

ричных (материально-письменных) формах». Объектом конституционализации он предлагает считать правовую систему в единстве ее компонентов: правового сознания, системы права и юридической практики [Крусс 2016: 16, 74].

Опираясь на выводы В. И. Крусса, можно исследовать конституционализацию правового регулирования социальной защиты. В самом общем виде ее можно понимать как последовательное усиление конституционных основ правового регулирования социальной защиты. Она может осуществляться посредством установления соответствующих принципов и предписаний в Конституции, их последующего закрепления и конкретизации в социальном законодательстве, а также воплощения в правоприменительной практике. В необходимых случаях конституционализация правового регулирования может достигаться путем корректировки положений социального законодательства и практики его применения по результатам конституционного нормоконтроля. С этой точки зрения структура конституционализации правового регулирования социальной защиты может быть представлена ее объектом, субъектами и содержанием.

Отличительной особенностью конституционализации указанной сферы можно считать то, что ее объектом должна была стать и фактически стала сама категория «социальная защита» (как и совокупность мер, которые ею обозначаются). Она начала широко использоваться в общественно-политической практике в 1990-х гг., зачастую в разных значениях, но всегда применительно к социальной сфере.

При этом первые случаи употребления данной категории в отечественном законодательстве относятся к 1920–1930-м гг. Любопытно, что по отраслевой принадлежности эта категория была в тот период уголовно-правовой. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г.) предусматривали, что защита государства от общественно опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок, осуществляется путем применения к правонарушителям мер социальной защиты. Они были направлены на предупрежде-

ние преступлений, лишение общественно опасных элементов возможности совершать новые преступления, исправительно-трудовое воздействие на осужденных. Меры социальной защиты подразделялись на меры судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера (преамбула, ст. 4 и 5). Следовательно, мерами социальной защиты именовали то, что сегодня называют уголовными наказаниями и иными мерами уголовно-правового характера. Акцент при таком подходе, очевидно, был сделан на необходимости защиты общества и его членов от преступных посягательств.

Уголовно-правовая концепция социальной защиты развивалась постепенно: если на начальном этапе социальная защита отождествлялась с наказанием за преступление, т. е. рассматривалась как защита общества от преступника путем его наказания, изоляции, то в дальнейшем в ее содержание стали включать также предупреждение преступлений и исправительное воздействие на преступника [Ансель 1970: 19–28].

Смещение отраслевого акцента в понимании социальной защиты было связано с началом социально-экономических и политических преобразований в СССР, а после его распада – с продолжением этих процессов в Российской Федерации. Социальная защита стала рассматриваться как инструмент осуществления социальной политики [Социальная защита населения в регионе 1999: 50] и ассоциироваться с такими социально значимыми отраслями экономики, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т. д. Термин «социальная защита» начал использоваться в законодательстве, причем в разных значениях, в зависимости от того, был ли он применен в названии нормативного акта либо его раздела (главы), отдельной статьи или фигурировал в тексте. С учетом подобной технико-юридической дифференциации к социальной защите можно было относить разные по правовой природе и адресованные отдельным категориям населения меры: обеспечение жилыми помещениями, медицинское обслуживание, оплату труда, компенсации в случае гибели в связи с исполнением профессиональных обязанностей и т. д.

В попытке определить, что же собой представляет социальная защита, ученые рассма-

тривали ее в широком или узком смысле слова, в первом случае ассоциируя социальную защиту с достижением достойного уровня и качества жизни [Социальное управление 1994: 56; Мачульская 1998: 4], а во втором – с социальным обеспечением [Фалин 1994: 5] либо с экстренными мерами по поддержанию материального положения граждан в условиях реформ [Бернацкая 1992: 18–19]. Некоторые авторы усложняли теоретический поиск, предлагая использовать категорию «социально-правовая защита» [Глущенко 1998: 23].

В науке права социального обеспечения получила поддержку трактовка социальной защиты как деятельности органов публичной власти, общественных организаций и хозяйствующих субъектов по улучшению условий труда и быта широких слоев населения. Такой подход был предложен В. Ш. Шайхатдиновым, который включал в систему социальной защиты меры по охране окружающей природной среды, охране материнства и детства, оказанию помощи семье, охране здоровья граждан, профессиональной подготовке и обеспечению занятости граждан, охране труда, регулированию заработной платы и доходов населения, обеспечению граждан жильем, регулированию права собственности, материальному обеспечению и обслуживанию нетрудоспособных [Шайхатдинов 1996: 5, 9]. Этот взгляд разделяет Т. К. Миронова [Миронова 2008: 63]. В отраслевой науке было достигнуто единство в вопросе о том, что социальная защита регулируется нормами различных отраслей права, а соответствующее понятие по объему является более широким, чем традиционное понятие «социальное обеспечение».

В значительной степени подобное единодушие можно объяснить тем, что Конституция Российской Федерации придала понятию социальной защиты определенность, в том числе в соотношении с понятием социального обеспечения. Термин «социальная защита» употреблялся в первоначальной редакции Конституции дважды – в ст. 7 и 72. Статья 7 входит в главу 1 Конституции, которая закрепляет основы конституционного строя России и не может быть пересмотрена Федеральным Собранием Российской Федерации. Названная норма провозглашает принцип социального государства, раскрывает его содержание и закрепляет открытый перечень гарантий социальной защиты. Следовательно, по смыс-

лу данного положения, социальная защита охватывает меры по реализации политики социального государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В перечне гарантий социальной защиты названы разные по своей правовой природе меры: охрана труда и здоровья людей; установление минимального размера оплаты труда; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развитие системы социальных служб; установление государственных пенсий и пособий. Значит, и правовое регулирование социальной защиты осуществляется нормами разных отраслей права: права социального обеспечения, трудового, жилищного, семейного, административного права и т. д.

Пункт «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, не претерпевший в этой части изменений, относится к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов социальную защиту, включая социальное обеспечение, и тем самым формализует соотношение названных понятий. Очевидно, что первое является понятием более широким по сравнению со вторым, и система социальной защиты наряду с традиционными видами социального обеспечения (пенсиями и пособиями) охватывает также иные меры (охрану труда и здоровья, политику доходов и т. п.). Этот вывод получает дальнейшее развитие в науке права социального обеспечения, в частности в концепции социального риска [Истомина 2021].

Под социальными рисками принято понимать возможность возникновения социально неблагоприятных ситуаций, которые обуславливают необходимость оказания гражданину поддержки со стороны государства и общества посредством предоставления пенсий, пособий, компенсационных выплат или социально значимых благ и услуг. При этом с точки зрения внутренней структуры социальный риск включает в себя, во-первых, рисковые события – обстоятельства экономического, физиологического и демографического характера, могущие привести к социально неблагоприятным последствиям (например, к болезни, инвалидности, безработице и пр.), и, во-вторых, собственно такие последствия, выражающиеся в отсутствии или снижении дохода, потребности в медицинской помощи

или иных видах социального обеспечения. Взятые в единстве рисковые события и их последствия образуют ситуацию социального риска (социально-рисковую ситуацию), которая, будучи представлена как совокупность соответствующих юридических фактов, служит основанием для возникновения материальных социально-обеспечительных правоотношений, т. е. для предоставления социального обеспечения.

Однако при углубленном рассмотрении феномена социального риска можно убедиться в том, что его структура является более сложной, а механизм развития социально-рисковой ситуации может быть не только внутренним, но и внешним, представленным совокупностью факторов риска, т. е. рисковых обстоятельств. Предопределяя те или иные направления развития человеческого общества, они могут стать прямой или косвенной причиной возникновения рисковых событий, которые, в свою очередь, способны привести к социально неблагоприятным последствиям.

Если посмотреть на соотношение социальной защиты и социального обеспечения под таким углом зрения, то можно констатировать, что более широкий объем первого понятия обусловлен функциональной направленностью социальной защиты не только на возможную компенсацию последствий социального риска, но и на предупреждение его возникновения. Наиболее показателен в данном контексте пример из сферы содействия занятости: если безработица выступает социальным риском, то пособие по безработице является видом социального обеспечения (наряду с материальной помощью, досрочным назначением пенсии лицам предпенсионного возраста и т. п.), а меры по содействию занятости (трудоустройство, выделение субсидии на организацию самостоятельной занятости и т. п.) выступают мерами социальной защиты.

Кроме того, соотношение указанных терминов можно определить по кругу субъектов, которые реализуют соответствующие меры: социальное обеспечение исходит от публичного субъекта и подчиняется преимущественно публично-правовому режиму, в то время как социальная защита может предоставляться общественными объединениями, коммерческими организациями (к примеру, негосударственными пенсионными фондами или страховыми компаниями), в том числе на ос-

новании договора. Социальная защита охватывает более широкий перечень социальных услуг (например, единовременные компенсации гражданам, пострадавшим от чернобыльской катастрофы, за имущество, утраченное в зонах радиоактивного загрязнения; единовременные пособия военнослужащим, уволенным со службы вследствие признания их негодными к службе в связи с военной травмой, и т. п.) в сравнении с традиционными видами социального обеспечения.

Социальная защита располагает широким инструментарием, позволяющим не только предупреждать возникновение социальных рисков, но и дополнять традиционные виды социального обеспечения специальными мерами

Таким образом, и социальное обеспечение, и социальная защита являются механизмами защиты от социальных рисков. При этом социальная защита располагает более широким инструментарием, позволяющим не только предупреждать возникновение социальных рисков, но и дополнять традиционные виды социального обеспечения специальными мерами. Тем самым защита от социальных рисков дифференцируется в зависимости от различных критериев – степени социального риска; категории, к которой относится гражданин, и др. Чем более полно и последовательно отражаются в правовом механизме социальной защиты конституционные принципы и предписания, тем эффективнее будут соответствующие меры и тем выше будет их поддержка обществом, проявляющим солидарность со своими членами, которые не в состоянии самостоятельно предупреждать или преодолевать социально-рисковые ситуации.

Результаты социологических опросов граждан Российской Федерации, проводимых, в частности, Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и размещаемых на его официальном интернет-сайте, свидетельствуют о том, что общество понимает высокую значимость социальных прав. Так, в составленном в 2009 г. рейтинге важности для российских граждан различных конституционных прав и свобод праву на социальное обеспечение было отведено место

во втором эшелоне, а самым важным было признано право на жизнь (61 %). Первостепенное значение россияне придали также праву на свободу и личную неприкосновенность (54 %), на труд, на охрану здоровья (по 51 %). Далее по степени значимости были указаны право на жилище (43 %), на отдых (40 %), на социальное обеспечение (38%).

Аналогичные результаты в части социальных прав показал опрос, проведенный ВЦИОМ в 2018 г. Наиболее важными правами и свободами из числа провозглашенных в Конституции были названы право на охрану здоровья (49 %), на образование (45 %), на труд (40 %) и на социальное обеспечение (38 %). При этом личный интерес россияне в первую очередь проявляют к законам, связанным с социальным обеспечением (54 %), сферой охраны здоровья (46 %) и защитой трудовых прав (41 %).

В 2020 г. ВЦИОМ осуществил мониторинговое исследование важности для россиян поправок, предлагаемых для внесения в Конституцию Российской Федерации. Абсолютное большинство поддержало необходимость изменений, касающихся социальной сферы: обеспечения государством доступности и качества медицинского обслуживания (95 %), признания детей важнейшим приоритетом государственной политики России и обеспечения их социальной поддержки (94 %), обязательной ежегодной индексации пенсий (92 %) и др.

Новые нормы о социальной защите, появившиеся в Конституции Российской Федерации (в ред. от 4 июля 2020 г.), можно условно разделить на три группы.

Первая включает поправки, характеризующие структуру социальной защиты, прежде всего с точки зрения ее основных организационно-правовых форм и видов социального обеспечения, а также в качестве элемента политики доходов. Это положения чч. 6 и 7 ст. 75, гарантирующие обязательное социальное страхование и адресную социальную поддержку граждан (их можно рассматривать как организационно-правовые формы социальной защиты), индексацию как способ поддержания покупательной способности пенсий, пособий и иных социальных выплат в условиях инфляции, а также предусматривающие поддержание эффективного функционирования системы пенсионно-

го обеспечения граждан (с учетом признания пенсий основным видом социального обеспечения).

Во вторую группу могут быть включены положения, конкретизирующие принцип социального государства [Скачкова 2021] и устанавливающие базовые принципы социальной защиты и социального обеспечения определенных видов. Это, в частности, ст. 75.1, которая перекликается со ст. 7 и предусматривает создание в Российской Федерации условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества; гарантирует защиту достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечение сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства, а также экономической, политической и социальной солидарности. К этой группе конституционных новелл можно отнести также ч. 5 ст. 75, согласно которой Российская Федерация уважает труд граждан и обеспечивает защиту их прав, а гарантированный государством минимальный размер оплаты труда не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации. Сюда же могут быть включены положения ч. 6 названной статьи, предусматривающие всеобщность, справедливость и солидарность поколений в качестве принципов пенсионной системы.

Третья группа объединяет поправки, отражающие категориальный подход в организации системы социальной защиты, который предполагает установление отдельных категорий населения, нуждающегося в повышенной социальной защите в силу особенностей правового статуса, обусловленных состоянием здоровья, наличием семейных обязанностей и т. п. Таковы, к примеру, положения ч. 4 ст. 67.1 о детях как важнейшем приоритете государственной политики России; п. «ж» ч. 1 ст. 72 о создании условий для достойного воспитания детей в семье, а также для выполнения совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях; п. «в.2» ч. 1 ст. 114, возлагающей на Правительство РФ обеспечение функционирования системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина, их

социальной интеграции без какой-либо дискриминации, создание доступной среды для инвалидов и улучшение качества их жизни.

В науке высказаны прямо противоположные мнения о так называемых социальных поправках, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. (от признания их «средством легитимации» основных новелл, касающихся формы правления [Соболева 2020: 83], до позитивной оценки в аспекте более глубокой конституционализации социальных прав [Колотова 2021: 63], конкретизации базовых конституционных положений и возможности их последующей интерпретации Конституционным Судом РФ [Пресняков 2020: 23]). Можно согласиться с Л. В. Зайцевой и О. В. Алиевой в том, что оценка конституционных новаций 2020 г. в перспективе может быть дана с учетом их влияния на реальное состояние социальной сферы [Зайцева, Алиева 2021: 79–80].

При этом сейчас можно утверждать, что конституционные поправки 2020 г. стали важным элементом конституционализации правового регулирования социальной защиты. Они углубили содержание принципа социального государства и возвели в ранг конституционных принципы организации системы социальной защиты и социального обеспечения. Принятие этих поправок можно рассматривать как второй этап конституционализации социальной защиты в качестве объекта правового регулирования, расценивая при этом само принятие Конституции в 1993 г. как первый этап указанного процесса.

Одно из особых свойств конституции заключается в том, что она выступает ориентиром для развития отраслевого законодательства. Обладая высшей юридической силой, конституция требует, чтобы законы и другие нормативные правовые акты ей соответствовали. При этом конституционный текст, будучи очень абстрактным, оставляет большой простор для интерпретации [Tribe, Dorf 1991: 15]. Можно предположить, что чем сложнее структура объекта правового регулирования, тем масштабней и глубже должна быть интерпретация конституционных принципов и предписаний, которые касаются соответствующей сферы.

Следует также подчеркнуть, что отнесение социальной защиты, включая социальное обеспечение, к предметам совместного

ведения Российской Федерации и ее субъектов означает, что социальное законодательство должно иметь двухуровневую структуру. Более того, поскольку ряд полномочий в сфере социальной защиты осуществляют органы местного самоуправления, принятие ими нормативных правовых актов тоже может рассматриваться как отдельный уровень нормотворчества публичной власти в данной сфере (конечно, при широкой трактовке термина «законодательство» как совокупности всех нормативных правовых актов, действующих в стране). После реформирования в 2005 г. системы социальных льгот и передачи нормативного регулирования социальной поддержки населения отдельных категорий (одновременно с ее финансовым обеспечением) на региональный уровень объем законодательства субъектов РФ о социальной защите значительно увеличился. Кроме того, конституции и уставы субъектов РФ вслед за Конституцией РФ устанавливают ряд социальных прав и основных принципов их реализации.

Так, Устав Свердловской области включает главу 15 «Социальная защита населения, защита семьи, материнства, отцовства и детства, защита института брака, охрана и укрепление здоровья граждан, охрана окружающей среды», Устав Московской области – главу 7.3 «Социальная защита». Статья 23 Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) предоставляет каждому право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, рождения ребенка, полной или частичной утраты трудоспособности, безработицы, потери кормильца и в иных случаях, установленных законом. Перечень примеров можно продолжить. Проверка соответствия регионального социального законодательства конституциям или уставам тех субъектов РФ, в которых создавались конституционные или уставные суды, стала возможной в рамках конституционного (уставного) правосудия.

С 1 января 2023 г. вступит в силу положение Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ, исключющее конституционные (уставные) суды из перечня судов субъектов РФ, закрепленного в ч. 4 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Во многих субъектах РФ названные суды уже упразднены. Практика конституционных (уставных)

судов субъектов РФ свидетельствует о том, что значительная доля обращений граждан в эти органы была посвящена вопросам социальной защиты, в частности тем ее мерам, которые устанавливаются региональным законодательством [Колесников 2019]. Речь идет прежде всего о мерах социальной защиты, адресованных населению отдельных категорий (ветеранам труда, многодетным семьям и т. п.) и в ряде случаев дополняющих пенсии и другие выплаты, предоставляемые системой социального обеспечения.

К примеру, Конституционный суд Республики Татарстан рассматривал вопросы об условиях предоставления земельных участков многодетным семьям в Казани (постановление от 26 декабря 2017 г. № 77-П), Конституционный суд Республики Дагестан – вопросы о мерах социальной поддержки медицинских работников, проживающих в сельской местности (постановление от 10 декабря 2013 г. № 4), Уставный суд Свердловской области – порядок подтверждения права на меру социальной поддержки по оплате в размере 50 % стоимости проезда по территории Свердловской области на железнодорожном транспорте пригородного сообщения в период с 1 апреля по 31 октября (постановление от 28 октября 2013 г.) и др. Вынесенные по таким вопросам решения способствовали конституционализации социального законодательства субъектов Российской Федерации и практики его применения.

При этом региональные законы, регулирующие отношения по социальной защите граждан отдельных категорий, могут проверяться и на предмет соответствия Конституции Российской Федерации. Эту проверку осуществляет Конституционный Суд РФ.

Например, в Определении от 1 апреля 2008 г. № 479-О-П Суд признал недопустимой дифференциацию объема социальной поддержки ветеранов труда в Калининградской области в зависимости от даты присвоения данного звания.

Предметом рассмотрения Конституционного Суда стало также положение закона Ставропольского края от 2 декабря 2015 г. № 127-кз «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края», которым с 1 января 2016 г. была признана утратившей силу норма краевого закона от 27 декабря 2012 г. № 123-кз

«О мерах социальной поддержки многодетных семей», предоставлявшая многодетным семьям право на получение при рождении третьего ребенка или последующих детей материнского (семейного) капитала в размере 100 тыс. руб. Постановлением Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 13-П оспариваемое положение было признано соответствующим Конституции РФ, поскольку установленное им правовое регулирование принято в рамках дискреционных полномочий законодателя субъекта Российской Федерации и согласуется с правовой природой материнского (семейного) капитала как дополнительной меры социальной поддержки, предоставляемой многодетным семьям за счет собственных средств субъекта Российской Федерации. Одновременно данное положение было признано неконституционным в той мере, в какой, исключая материнский (семейный) капитал из числа мер социальной поддержки, предоставляемых многодетным семьям Ставропольского края, оно не предусматривало какой-либо компенсаторный механизм, позволяющий смягчить неблагоприятные последствия отмены данной выплаты для тех семей, в которых третий ребенок или последующие дети родились в период с 1 января 2011 г. по 31 декабря 2015 г.

Решений, в которых оценивается конституционность норм регионального социального законодательства, в практике Конституционного Суда РФ немного. Наиболее значимые решения приняты им по вопросам социальной защиты, устанавливаемой на федеральном уровне. В этих решениях были сформулированы конституционно обусловленные принципы правового регулирования социальной защиты, в том числе ее отдельных организационно-правовых форм. В первую очередь речь идет о социальном страховании, для которого характерно наличие обособленного от федерального бюджета фонда финансовых средств, формируемого в основном за счет страховых взносов, уплачиваемых на обязательное социальное страхование. При этом объем уплаченных за застрахованное лицо страховых взносов прямо или опосредованно учитывается при определении размера страхового обеспечения (пенсий и пособий). Конституционным Судом был обоснован ключевой для социального страхования принцип соотносимости страхового обеспечения

со страховыми взносами (Постановления от 24 февраля 1998 г. № 7-П, от 29 января 2004 г. № 2-П, от 23 декабря 2004 г. № 19-П, от 10 июля 2007 г. № 9-П и др.).

Универсальный характер имеет выработанный в практике Конституционного Суда принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также в случае необходимости – предоставление гражданам возможности, в частности посредством установления временного регулирования, в течение разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям, в том числе при решении вопроса о выборе места жительства и работы. Названный принцип был впервые сформулирован в Постановлении от 24 мая 2001 г. № 8-П при проверке Судом конституционности некоторых положений законодательства о жилищных субсидиях для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Впоследствии он был положен в основу конституционно-правовой оценки изменения правового регулирования предоставления социального обеспечения других видов, адресованного гражданам различных категорий (инвалидам-чернобыльцам, ветеранам боевых действий и т. д.).

Сегодня этот принцип может рассматриваться как легальный, поскольку он был воспринят законодателем при осуществлении реформы социальных льгот и при установлении системы социальной защиты граждан, проживающих в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе (Федеральные законы от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов „О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”“ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“», от 21 июля 2014 г. № 208-ФЗ „Об особенно-

стях пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя», от 1 декабря 2014 г. № 398-ФЗ «Об особенностях пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»).

Важнейшая подсистема социального обеспечения, устанавливаемая в основном на федеральном уровне, – это пенсионное обеспечение (исключения составляют лишь пенсии или доплаты к пенсиям для государственных гражданских служащих субъектов РФ, муниципальных служащих, а также региональные социальные доплаты к пенсиям). Поскольку пенсия выступает для неработающих пенсионеров если не единственным, то основным источником дохода, выплачивается большинству пенсионеров пожизненно, а пенсионные права формируются в течение продолжительного времени, существуют риски нарушения прав граждан в сфере пенсионного обеспечения.

В связи с этим в практике Конституционного Суда был выработан ряд правовых позиций, послуживших цели конституционализации пенсионного законодательства. В частности, это позиции о недопустимости приостановления выплаты пенсии гражданам, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы (Постановление от 16 октября 1995 г. № 11-П) и неконституционности ограничений по выплате пенсии пенсионерам, выезжающим на постоянное место жительства за границу (Постановление от 15 июня 1998 г. № 18-П), о зачете в страховой стаж периодов работы, за которые работодатель не перечислил за работника страховые взносы в Пенсионный фонд (Постановление от 10 июля 2007 г. № 9-П); о назначении пенсии на ранее установленных условиях гражданину, который выработал предусмотренную измененным законом продолжительность специального стажа во вредных условиях труда, но пенсионного возраста достиг, когда изменилось регулирование (Определение от 5 ноября 2002 г. № 320-О), и др.

В ряде случаев сформулированная Конституционным Судом правовая позиция была воспринята законодателем в качестве модели для соответствующего правового регулирования. Так, в Определении Конституционного

Суда РФ от 15 февраля 2005 г. № 17-О было дано конституционно-правовое истолкование п. 8 ст. 14 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» как допускающего установление лицам, приобретшим право на получение трудовой пенсии по старости в полном размере до вступления названного Федерального закона в силу (когда законодательство прямо предусматривало определенное соотношение минимального размера пенсии с величиной прожиточного минимума пенсионера), а также являющимся инвалидами II группы, ветеранами труда и тружениками тыла, минимального размера трудовой пенсии по старости, который в совокупности с иными видами социального обеспечения и с учетом применения механизма своевременной индексации пенсионных выплат был бы во всяком случае не ниже величины прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации. Впоследствии Федеральным законом от 24 июля 2009 г. № 213-ФЗ была введена социальная доплата к пенсии, порядок определения размера которой был установлен с опорой на приведенную правовую позицию Конституционного Суда.

Для российской системы социальной защиты характерна развернутая категориальная дифференциация. При этом для граждан некоторых категорий социальные выплаты и меры социальной поддержки предусматриваются если не исключительно, то преимущественно нормами федерального законодательства. В числе таких граждан, например, военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, конституционализация социальной защиты которых во многом была обеспечена благодаря решениям Конституционного Суда РФ. Одним из примеров может служить введение ежемесячных денежных компенсаций в возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью лиц названных категорий при исполнении служебных обязанностей (Постановления от 5 июля 2009 г. № 13-П, от 20 октября 2010 г. № 18-П, от 17 мая 2011 г. № 8-П и др.).

Особый социально-правовой механизм возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью, предусмотрен на федеральном уровне также для лиц, пострадавших вследствие воздействия радиации, в частности в связи с аварией на Чернобыльской АЭС,

которая произошла 26 апреля 1986 г. Тенденции развития законодательства о социальной защите таких граждан во многом определены решениями Конституционного Суда. Вместе с тем в зонах радиоактивного загрязнения по мере стабилизации радиационной обстановки появляются основания для ужесточения условий предоставления мер социальной поддержки, в том числе путем изменения границ соответствующих зон. Не всегда обеспечивается стабильность правового регулирования социальной защиты инвалидов Чернобыльской катастрофы, хотя сама по себе такая защита не может быть подвержена влиянию динамики радиационного фактора. В подобных случаях Конституционный Суд принимает решения о неконституционности норм, уменьшающих объем возмещения вреда, причиненного воздействием радиации в связи с Чернобыльской катастрофой (Постановления от 1 декабря 1997 г. № 18-П, от 19 июня 2002 г. № 11-П, от 20 декабря 2010 г. № 21-П, от 8 февраля 2018 г. № 7-П и др.).

Кроме того, с жалобами в Конституционный Суд обращаются граждане, пострадавшие вследствие иных аварий и событий, сопряженных с воздействием радиации (например, вследствие аварии на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча, участия в действиях подразделений особого риска и т. д.). На таких граждан в порядке, определенном специальными нормативными актами, распространяется действие Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Однако пределы его действия не всегда устанавливаются четко, поэтому граждане обращаются в Конституционный Суд, который вынужден корректировать решения законодателя, например, в части предоставления гражданам из подразделений особого риска, ставшим инвалидами, ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием (Постановление от 1 июля 2014 г. № 20-П); обеспечения жилыми помещениями граждан, добровольно выехавших вследствие аварии на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча из населенных пунктов, где средняя годовая эффективная доза облучения превышает

1 мЗв (0,1 бэр), независимо от даты принятия на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях (до 1 января 2005 г. или после этой даты) (Постановление от 30 января 2013 г. № 3-П), и др.

Следует подчеркнуть, что конституционализация правового регулирования социальной защиты осуществляется не только путем признания нормы полностью или частично недействующей. Иногда Конституционный Суд ограничивается выявлением конституционно-правового смысла оспариваемого положения. В отличие от решений, которыми норма социального законодательства признается не соответствующей Конституции РФ (полностью или в части) и которые подлежат исполнению путем внесения в данную норму изменений или дополнений, вытекающих из соответствующего постановления Конституционного Суда, решения, содержащие истолкование оспариваемой нормы, в большей степени адресованы правоприменителю, поскольку, по существу, предусматривают алгоритм применения таких норм. Согласно ч. 5 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с тем, которое дал Конституционный Суд.

Важно и то, что при рассмотрении дел после вступления в силу постановления Конституционного Суда (включая дела, производство по которым возбуждено и решения предшествующих судебных инстанций состоялись до вступления в силу этого постановления) ординарные суды не вправе применять соответствующие нормы, придавая им иной смысл, нежели выявленный Конституционным Судом.

В системе социальной защиты имеются примеры, когда правоприменительные органы руководствуются конституционным истолкованием тех или иных положений законодательства, которое было дано Конституционным Судом в так называемых позитивных определениях в тот период, когда подобные решения принимались достаточно часто. Один из примеров – Определение от 4 апреля 2007 г. № 331-О-П, в котором было дано конституционное ис-

толкование положений Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», устанавливающих размер ежемесячной денежной выплаты женам военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы, которым согласно нормам, действовавшим до реформирования системы социальных льгот путем их монетизации, т. е. до 1 января 2005 г., было предоставлено право пользования льготами, предусмотренными для участников Великой Отечественной войны из числа военнослужащих. Пенсионный фонд Российской Федерации в письме от 28 января 2008 г. № КА-28-25/718 разъяснил своим территориальным органам порядок применения данного решения Конституционного Суда и оспоренных норм, указав на необходимость назначения гражданам данной категории ежемесячной денежной выплаты в размере, предусмотренном для участников Великой Отечественной войны.

Анализируя конституционализацию правового регулирования социальной защиты в отношении таких объектов, как законодательство и практика его применения, необходимо подчеркнуть единство ее правовой природы и, соответственно, в известной мере абстрактный характер выделения ее структурных элементов в зависимости от названных объектов. В рамках механизма правового регулирования невозможно отделить друг от друга норму права и практику ее применения. Их тесная взаимосвязь прослеживается и в сфере конституционного нормоконтроля: при выработке правовой позиции по делу оценивается как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой. В настоящее время конституционные жалобы часто обусловлены изменением правоприменительной, а именно судебной практики. При этом предметом конституционного контроля становятся положения как процессуального законодательства (Постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П), так и законодательства о социальном обеспечении (Постановление Конституционного Суда от 16 марта 2018 г. № 11-П и др.).

Отсутствие единообразия в судебной практике по делам соответствующих категорий,

с точки зрения Конституционного Суда, подтверждает неопределенность нормативного содержания оспариваемого положения. На этом основании оно признается не соответствующим Конституции Российской Федерации со ссылкой, в том числе, на возможность его произвольного применения и отступление от конституционного принципа равенства (Постановление от 22 апреля 2020 г. № 20-П и др.). Принимая подобные решения, Конституционный Суд содействует обеспечению единообразия и стабильности судебной практики. Это имеет большое значение и для социальной защиты, поскольку должны быть созданы равные условия защиты от социального риска и компенсации его неблагоприятных последствий для всех граждан, находящихся в одинаковом или сходном с точки зрения социального риска положении.

Таким образом, конституционализация правового регулирования социальной защиты в сравнении с аналогичными процессами в других сферах характеризуется определенными особенностями. Прежде всего к объектам такой конституционализации помимо социального законодательства и правоприменительной практики могут быть отнесены сама категория социальной защиты и общественные отношения, составляющие ее содержание. При этом конституционализация данных объектов осуществлялась в два этапа, первый из которых связан с принятием Конституции РФ в 1993 г., а второй – с внесением в нее в 2020 г. поправок, углубляющих конституционные основы социальной защиты. Субъектом конституционализации правового регулирования социальной защиты в этой части можно считать конституционного законодателя. Такая конституционализация может именоваться первичной, поскольку предполагает первоначальную формализацию в Конституции соответствующей социально-правовой категории наряду с принципами регулирования возникающих в социальной сфере отношений (в частности, принципом социального государства).

Последующую конституционализацию, направленную на воплощение конституционных принципов правового регулирования социальной защиты в отраслевом законодательстве и практике его применения, осуществляет Конституционный Суд РФ, который, по утверждению В. И. Крусса, должен считаться

единственным легитимным субъектом конституционализации в строгом значении этого понятия применительно к правовой системе Российской Федерации [Крусс 2016: 87]. Одним из самых свежих примеров последующей конституционализации может служить Определение Конституционного Суда от 24 июня 2021 г. № 1139-О. В нем в системном единстве со ст. 7 анализируются положения ст. 75 и 75.1 Конституции РФ при решении вопроса о конституционных основаниях индексации пенсий для работающих пенсионеров.

Мировой практике конституционного контроля известны разные модели участия судебных органов, наделенных соответствующими полномочиями, в конституционализации национальной правовой системы, включая социальные права [Колотова 2019], в поиске конституционного баланса интересов государства, гражданского общества и

отдельного гражданина [Сох 1987: 25–27]. Каждая страна выбирает свой маршрут для достижения названной цели, формирует уникальный опыт конституционализации, в том числе отдельных областей правового регулирования. С этой точки зрения российский опыт конституционализации правового регулирования социальной защиты может представлять интерес не только для отечественных правоведов, но и для зарубежных исследователей, в частности в таких аспектах, как понятие социальной защиты и ее соотношение с социальным обеспечением; структура системы социальной защиты в Российской Федерации и ее развитие; конституционные и отраслевые (межотраслевые) принципы правового регулирования социальной защиты; законодательство о социальной защите как объект конституционного нормоконтроля и др.

Список литературы

- Cox A. The Court and the Constitution. Boston: Houghton Mifflin Company, 1987. 434 p.
- Tribe L. H., Dorf M. C. On Reading the Constitution. Cambridge; London: Harvard University Press, 1991. 144 p.
- Ансель М. Новая социальная защита: гуманистическое движение в уголовной политике / под ред. А. А. Пионтковского. М., 1970. 312 с.
- Бернацкая Е. Г. Территориальное регулирование доходов населения (на примере РФ): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: МГУ, 1992. 21 с.
- Глуценко П. П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (теория и практика). СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1998. 375 с.
- Зайцева Л. В., Алиева О. В. Конституционные новации и социальные ценности государства в контексте развития прекаризованной занятости // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 78–94. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-1-78-94.
- Истомина Е. А. Влияние концепции социального риска на правовое регулирование социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 500 с.
- Колесников Д. А. Роль практики конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в защите и развитии социальных прав человека и гражданина // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 60–68. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.060-068.
- Колотова Н. В. Конституционализация социальных прав – тенденция развития современного права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 5–9.
- Колотова Н. В. Конституционные новеллы социального характера и перспективы развития законодательства // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 2. С. 44–68.
- Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма, 2016. 240 с.
- Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения: учеб. пособие. М.: Кн. мир, 1998. 202 с.
- Миროнова Т. К. Право социального обеспечения и современные тенденции правового регулирования отношений в сфере социальной защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: МГУ, 2008. 365 с.
- Пресняков М. В. Проблема содержательной определенности и конституционной защиты социальных прав // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 16–23. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-6-16-23.

Скачкова Г. С. Развитие идеи социального государства и новации статьи 75.1 Конституции Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 86–97. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-3-86-97.

Соболева А. Социальные права в контексте новых полномочий Президента // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 82–96. DOI: 10.21128/1812-7126-2020-3-82-96.

Социальная защита населения в регионе: учеб. пособие / под общ. ред. В. Г. Попова, В. Ш. Шайхатдинова, Ю. А. Ермакова и др. Екатеринбург: УрАГС, 1999. 352 с.

Социальное управление: словарь / под ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 198 с.

Фалин В. Ю. Содержание понятий «социальная защита», «социальное страхование» и «социальный риск» // Труд за рубежом. 1994. № 3. С. 3–8.

Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения Российской Федерации: учеб. пособие. Екатеринбург: УрАГС, 1996. Вып. 1. 93 с.

Марина Юрьевна Федорова – доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, Комсомольская, д. 21. E-mail: fmulawkc@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3680-759X

Constitutionalization of the Legal Regulation of Social Protection in the Russian Federation

The transition to a market economy, the variety of forms of ownership and forms of realization of the right to work have made it impossible to protect against social risks through traditional types of social security. There was a need to form a new theoretical model of protection against social risks, which would cover a wider range of measures compared to social security. In modern Russia, this model is formed through the development of the social protection system, as well as social legislation and the practice of its application.

The main trend of such development is constitutionalization. The author suggests considering the structure of the constitutionalization of the legal regulation of social protection through its objects, subjects and content. The objects of constitutionalization are social protection as a constitutional value, social legislation and law enforcement practice. The constitutional legislator and the Constitutional Court of the Russian Federation can be considered as the subjects. During its existence, the constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation also performed the function of constitutionalization.

On the example of the constitutional novels of 2020, as well as the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on social protection issues, the essence of the constitutionalization of the legal regulation of social protection is revealed. Promising directions of scientific research on the analyzed problems are indicated.

Keywords: constitution, constitutionalization, social state, social protection, social security, social risk, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional compliance assessment, legislation, court practice

Recommended citation

Fedorova M. Yu. Konstitutsionalizatsiya pravovogo regulirovaniya sotsial'noi zashchity v Rossiiskoi Federatsii [Constitutionalization of the Legal Regulation of Social Protection in the Russian Federation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 4–18, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_4.

References

- Ansel' M. *Novaya sotsial'naya zashchita: gumanisticheskoe dvizhenie v ugolovnoi politike* [The New Social Protection: the Humanist Movement in Criminal policy], Moscow, 1970, 312 p.
- Bernatskaya E. G. *Territorial'noe regulirovanie dokhodov naseleniya (na primere RF)* [Territorial Regulation of Income of the Population (on the Example of the Russian Federation)]: autoabstr. of cand. econ. sc. thesis, Moscow, MGU, 1992, 21 p.
- Cox A. *The Court and the Constitution*, Boston, Houghton Mifflin Company, 1987, 434 p.
- Dobren'kov V. I., Slepencov I. M. (eds.) *Sotsial'noe upravlenie* [Social Management], Moscow, Izd-vo MGU, 1994, 198 p.
- Falin V. Yu. Soderzhanie ponyatii «sotsial'naya zashchita», «sotsial'noe strakhovanie» i «sotsial'nyi risk» [The Content of the Concepts of «Social Protection», «Social Insurance» and «Social Risk»], *Trud za rubezhom*, 1994, no. 3, pp. 3–8.
- Glushchenko P. P. *Sotsial'no-pravovaya zashchita konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan (teoriya i praktika)* [Social and Legal Protection of Constitutional Rights and Freedoms of Citizens (Theory and Practice)], Saint Petersburg, Izd-vo Mihajlova V. A., 1998, 375 p.
- Istomina E. A. *Vliyanie kontseptsii sotsial'nogo riska na pravovoe regulirovanie sotsial'nogo obespecheniya* [The Impact of the Concept of Social Risk on the Legal Regulation of Social Security]: doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2021, 500 p.
- Kolesnikov D. A. Rol' praktiki konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub'ektov Rossiiskoi Federatsii v zashchite i razvitiu sotsial'nykh prav cheloveka i grazhdanina [The Role of Practice of Constitutional (Charter) Courts of Constituent Entities of the Russian Federation in Protection and Development of Social Rights of a Man and Citizen], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2019, no. 5, pp. 60–68, DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.060-068.
- Kolotova N. V. *Konstitutsionalizatsiya sotsial'nykh prav – tendentsiya razvitiya sovremennogo prava* [Constitutionalization of Social Rights as a Modern Law Development Tendency], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2019, no. 1, pp. 5–9.
- Kolotova N. V. *Konstitutsionnye novelly sotsial'nogo kharaktera i perspektivy razvitiya zakonodatel'stva* [Constitutional Innovations of Social Nature and Prospects of Legislative Development], *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 44–68.
- Kruss V. I. *Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii* [Constitutionalization of Law: Fundamentals of Theory], Moscow, Norma, 2016, 240 p.
- Machul'skaya E. E. *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social Security Law], Moscow, Kn. mir, 1998, 202 p.
- Mironova T. K. *Pravo sotsial'nogo obespecheniya i sovremennye tendentsii pravovogo regulirovaniya otnoshenii v sfere sotsial'noi zashchity* [Social Security Law and Current Trends in the Legal Regulation of Relations in the Field of Social Protection]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, MGU, 2008, 365 p.
- Popov V. G., Shaikhatdinov V. Sh., Ermakov Yu. A. et. al. (eds.) *Sotsial'naya zashchita naseleniya v regione* [Social Protection of the Population in the Region], Ekaterinburg, UrAGS, 1999, 352 p.
- Presnyakov M. V. Problema soderzhatel'noi opredelennosti i konstitutsionnoi zashchity sotsial'nykh prav [The Issue of the Substantive Certainty and the Constitutional Protection of Social Rights], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2020, no. 6, pp. 16–23, DOI: 10.18572/1812-3767-2020-6-16-23.
- Shaikhatdinov V. Sh. *Pravo sotsial'nogo obespecheniya Rossiiskoi Federatsii* [Social Security Law of the Russian Federation], Ekaterinburg, UrAGS, 1996, 145 p.
- Skachkova G. S. Razvitie idei sotsial'nogo gosudarstva i novatsii stat'i 75.1 Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii [Development of the Idea of a Social State and Innovations of Article 75.1 of the Russian Federation Constitution], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 86–97, DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-3-86-97.

Soboleva A. Sotsial'nye prava v kontekste novykh polnomochii Prezidenta [Social Rights in the Context of New Powers of the President], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 82–96, DOI: 10.21128/1812-7126-2020-3-82-96.

Tribe L. H., Dorf M. C. *On Reading the Constitution*, Cambridge, London, Harvard University Press, 1991, 144 p.

Zaitseva L. V., Alieva O. V. Konstitutsionnye novatsii i sotsial'nye tsennosti gosudarstva v kontekste razvitiya prekarizovannoi zanyatosti [Constitutional Innovations and Social Values in the Context of the Precarious Employment Development], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 78–94, DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-1-78-94.

Marina Fedorova – doctor of juridical sciences, professor of the Department of labour law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: fmulawkc@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3680-759X

Дата поступления в редакцию / Received: 08.11.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 03.12.2021

И. Р. Маматказин
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Пермь)

ВОПРОСЫ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Традиционное понимание функций права, сформулированное в науке права социального обеспечения, приобретает несколько иное значение при рассмотрении проблем структурно-функционального анализа. Если в теории функций функция права определяется как воздействие права, при этом внимание акцентируется на активной роли права по отношению к системам окружающего мира, то предметом структурно-функционального анализа выступает непосредственно правовая система, сформировавшая функцию. Наличие у системы социального обеспечения определенных элементов, структура, системные связи являются определяющими факторами при формировании правовой функции.

В основу исследования положено, в частности, суждение о том, что функция – это свойство, выражающее сущность правового явления, даже если оно выступает элементом системы более высокого порядка. Кроме того, функцию нельзя отделить от явления и нельзя изменить, не изменяя правового явления, ее сформировавшего. Данные соображения обосновывают необходимость структурно-функционального анализа правовых систем, включая право социального обеспечения. Применяя метод структурно-функционального анализа, автор исследует зависимость динамики функции от структуры правовой системы, ставит вопрос о природе внутрисистемных связей и приводит аргументы в пользу того, что внутрисистемные связи между элементами выступают проявлением свойств этих элементов, их функций.

Ключевые слова: функции права социального обеспечения, структурно-функциональный анализ, правовое явление, сущность социального обеспечения, системные связи в праве социального обеспечения, процедурные правоотношения, структура страховой пенсии

Для цитирования

Маматказин И. Р. Вопросы структурно-функционального анализа в праве социального обеспечения // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 19–31. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_19.

УДК 349.3

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_19

Сегодня накопленный опыт и теоретические знания позволяют проводить исследования функций права на новом качественном уровне. Этим новым уровнем, возможно, станет структурно-функциональный анализ правовых систем. В настоящее время в юридической науке используются категории «правовые функции», «правовые системы» и «структурно-функциональный анализ». Существует относительно самостоятельная правовая теория функций, а вот вопросы, касающиеся остальных категорий, изучены меньше, хотя тоже являются актуальными.

Можно отметить, что одно из последних исследований структуры права социального обеспечения было проведено А. Л. Благодир, при этом структурно-функциональный анализ вывел автора на изучение проблем функций права социального обеспечения, которые разделены на общесоциальные (экономическая, социальная, политическая), собственно юридические (регулятивная, охранительная) и межотраслевые (демографическая) [Благодир 2014: 55–88].

Действительно, в правовой науке сформировался подход, при котором близкие по

смыслу категории «функция», «функциональный анализ» («структурно-функциональный анализ») и «система» рассматриваются обособленно друг от друга. Функция отделяется от сформировавшей ее правовой системы и рассматривается автономно от нее. У такого подхода есть определенный минус, связанный с переводом функции как свойства в категорию «явление» [Рассолов, Малахов, Иванов 2011: 164]. Необходимо всегда помнить, что функция выступает свойством и только свойством правового явления. Причем это свойство сущностное, т. е. раскрывающее сущность правового явления, его особенность по сравнению с иными схожими категориями. Этим функция важна для правовой науки, поскольку изучить правовое явление, раскрыть его сущность можно только через его свойство, и функция как сущностное свойство в данном случае играет первостепенную роль.

Теория функций изучает взаимоотношения явлений, в том числе явлений, представляющих собой системы. Взаимоотношение осуществляется через воздействие, когда правовое явление, имея определенные свойства, воздействует на другое явление, например на общественное отношение, изменяя его характеристики. В частности, система пенсионного обеспечения с помощью своих свойств воздействует на общественные отношения, т. е. проявляет свою функцию. Объект воздействия – отношения, предусматривающие предоставление материального содержания, как правило, связанного с трудовой деятельностью. Предоставляя материальное содержание, пенсионные нормы формируют и регулируют пенсионные правоотношения. Таким образом, происходит то, что описывается как «функционирование» системы. По существу первая система и исполняет роль функции, но в теории права функцию не принято отождествлять с правовой системой, поскольку под функцией понимают именно проявляющееся свойство правовой системы.

Пенсионная система, приведенная нами в качестве примера, представляет собой правовое явление системного характера. Функция, сформированная пенсионной системой, представляет собой системное свойство. Характеристика системы осуществляется через ее структуру и внутрисистемные связи. Следовательно, наличие структурных элементов и их свойств будет непосредственно влиять

на формирование функции как системного свойства. Если учесть, что носители функций часто представляют собой системные правовые явления, то вполне обоснованно можно говорить о том, что важность проблем, связанных с исследованием систем для изучения правовых функций, очень велика. Но структурно-функциональный анализ направлен на изучение не только структуры системы, но и ее функционирования (вопросов о том, почему в одних случаях правовая система выполняет возложенную на нее задачу, достигая при этом цели, а в других – нет, и какие необходимы изменения с целью коррекции функции как системного свойства). В связи с этим актуальным вопросом функционального анализа системы является изучение свойств элементов структуры и их взаимодействия внутри системы.

Любая система имеет свойство, функцию, но и элемент системы тоже обладает свойством. Каждый элемент системы выполняет свою функцию внутри данной системы, и правовые системы не исключение. Невверно полагать, что связи между элементами системы появляются извне. Эти связи имеют внутрисистемную природу, они порождаются элементами системы. Элементы системы как относительно самостоятельные явления имеют свою сущность, которая проявляется в их свойствах. Элементы также могут иметь системный характер, а могут быть однокомпонентными, но их сущность, выраженная в их свойстве, представляет собой функцию данного элемента. Именно таким образом раскрывается взаимодействие элементов внутри системы (через их функции). Следовательно, природа внутрисистемных связей правовых систем есть проявление функций элементов данных систем. Более того, от функций элементов, вероятнее всего, зависит и структура системы, поскольку неправильно полагать, что элементы системы могут произвольно менять функциональные связи или воздействовать одновременно на всю структуру системы.

Например, система обязательного пенсионного страхования в качестве элементов включает в себя подсистему отношений по пенсионному обеспечению и подсистему финансовых отношений, обеспечивающих взимание страховых взносов [Федорова 2000]. Обе подсистемы отношений регулируются

нормами своей отрасли права и не меняют отраслевой принадлежности при объединении их в систему обязательного пенсионного страхования. При этом и пенсионные отношения, и финансовые имеют свои сущность, свойства и функции, которые позволяют им сформировать внутрисистемные связи. Тем не менее свойство или функцию системы обязательного пенсионного страхования нельзя сводить ни к функции финансовых отношений, ни к функции пенсионных отношений.

Взаимодействие систем, при котором одна система функционально воздействует на другую, проявляя свои свойства, выступает предметом теории функций. Иными словами, предмет теории функций – это те изменения, которые происходят в социальной, экономической, демографической и иных общественных системах при воздействии на них права. Не случайно именно в теории функций были сформулированы такие наименования функций, которые отражают свойства объектов воздействия: социальная, экономическая и демографическая функции. Именно объекты воздействия, а не явления-носители функции находятся в фокусе внимания при изучении функционального воздействия [Проблемы теории государства и права 2008: 203].

Значение теории функций в праве достаточно велико, и его нельзя принижать. Современное понимание функции права было сформировано именно в теории функций, собственно оно является основой теории функций, представляя функцию как направленное воздействие системы права на определенные стороны внешнего мира. При этом некоторые авторы ограничиваются понятием воздействия, другие подчеркивают, что между двумя системами существует зависимость. Т. Н. Радько в большей степени обращает внимание на компенсационную, восстановительную и ограничительную функции права, имеющие, по его мнению, универсальный характер и проявляющиеся с учетом особенностей в каждой отрасли права [Радько 2015: 228–256].

Функциональный анализ касается иных аспектов сферы действий функций. Например, В. П. Реутов уделял большое внимание вопросам взаимосвязи правовых систем, их соотношению друг с другом, а также особенностям их структур и функциям, порождаемым этими системами. На многочисленных

примерах им показано, как структурные изменения системы влияли на динамику функций. Но если структурные изменения влияют на динамику функции, то по характеру функции можно судить и о структуре той системы, которая сформировала функцию, в данном случае – правовой системы. Для этого нужно принять за основу следующие положения: функция – свойство правового явления, функцию нельзя отделить от правового явления, функцию нельзя изменить, не изменяя правового явления.

Фактически функция отражает и структуру правового явления, и свойства его элементов. Конечно, изучать структуру правовой системы можно и «изнутри», рассматривая систему правовых норм, систему связей между государственными структурами и прочее; это традиционный подход к изучению права. Но возможен и другой подход, поскольку право для общества в целом важно именно с точки зрения проявления свойств, своих функций. Причем на разных этапах развития обществу важны именно определенные свойства права, его конкретные функции. Соответствует ли система права ожидаемым от нее свойствам, что нужно изменить в правовой структуре, чтобы изменилась и функция, причем в нужную сторону, – эти вопросы решаются посредством функционального анализа, т. е. изучения правового явления на основе изучения функции, им порождаемой. Несмотря на то что функция проявляется во взаимодействии систем, прежде всего она есть свойство правового явления, а не порождение взаимодействия систем. Соответственно и изучение функции в конечном счете представляет собой изучение системы-носителя функции. Если теория функций посвящена вопросу функционального взаимоотношения систем, то функциональный (структурно-функциональный) анализ должен быть направлен на изучение той системы, которая формирует функцию.

Данное положение подтверждается мнением, высказанным В. Б. Исаковым. С его точки зрения, в наиболее общем виде функция проявляется и как воздействие системы на явления внешнего мира, и как воздействие друг на друга элементов системы; в последнем случае функция позволяет выявить функции, которые осуществляет каждый элемент по отношению к другим элементам системы

и к системе в целом. Следовательно, по его мнению, структурно-функциональный анализ должен выявить функции элементов правовой системы, т. е. их свойства, сформированные правовым явлением [Исаков 1984: 57]. С данной аргументацией следует согласиться, но добавить, что функции элементов можно раскрыть, только поняв сущность элементов.

В частности, понять сущность пенсии по обязательному пенсионному страхованию можно, только изучив сущность ее элементов: страховой пенсии и фиксированной выплаты. Страховая пенсия, формируемая за счет уплаты страховых взносов, отражает прошлую трудовую деятельность застрахованного лица. Другой элемент, фиксированная выплата, не обусловлен уплатой страховых взносов, хотя и финансируется из солидарной части тарифа на обязательное пенсионное страхование, и устанавливается в твердом размере. На основании этого пенсию определяют как выплату, представляющую собой основной источник средств к существованию, связанный с прошлой трудовой деятельностью. Свойства элементов пенсии разные, и внутрисистемное взаимодействие между ними достаточно высокое.

Вместе с тем размер фиксированной выплаты может варьироваться в зависимости от различных обстоятельств. Во-первых, это обстоятельства социального или социально-демографического характера: достижение восьмидесятилетнего возраста, наличие нетрудоспособных иждивенцев, во-вторых – обстоятельства, связанные с прошлой трудовой деятельностью (работа в северных регионах, в сельской местности). Если в отношении обстоятельств первой группы не имеется никаких возражений, то наличие в качестве основания для повышения фиксированной выплаты обстоятельств, относящихся к трудовой деятельности, вызывает вопросы, поскольку в этом случае фиксированная выплата, как и страховая пенсия, начинает отражать прошлую трудовую деятельность, и это меняет ее сущность, ослабляя внутрисистемные связи между элементами пенсии.

Достаточно серьезное теоретическое обоснование структурно-функционального анализа разработано в философии и социологии. По мнению Т. Парсонса, структуру социаль-

ного явления (а в широком смысле к социальным явлениям ученый относил и право) не надо рассматривать упрощенно, исключительно посредством описания свойств, имеющих значение для отношения с иными связанными с ними элементами. Ученый полагал, что явления находятся в состоянии систематической взаимозависимости. Структура, по его мнению, выступает определенным аспектом системы, относительно устойчивым. Для характеристики структуры системы большое значение придается такой категории, как «функция внутри и для социальной системы». Раскрывая данную категорию как свойство, Т. Парсонс указывал, что оно требует глубоко теоретического обоснования, оно должно быть важным, особенным и в конечном счете раскрывать ту роль элемента, которая возложена на него системой. В связи с этим именно понятие функции должно составлять «исходное теоретическое основание для структурного анализа» [Парсонс 2002: 679]. В то же время структурно-функциональный анализ не должен ограничиваться изучением функций элементов системы, не меньшее значение имеют и структурные закономерности, в том числе определенные типологии социальных систем. На основании данных закономерностей могут быть восполнены пробелы в функциональном анализе, возникшие вследствие недостатка информации о некоторых функциях элементов [Там же: 676–678].

Основоположник теории социальных коммуникаций Н. Луман исходил из того, что отправной точкой любого системно-теоретического анализа служит различие системы и окружающего мира, что позволяет выделить систему как нечто самостоятельное. В этом смысле для любой системы важны ее границы, которые выполняют двоякую функцию: с одной стороны, отделяют систему от окружающего мира, с другой – дают системе возможность с ним взаимодействовать. В свою очередь, системы не являются однородными, с этой точки зрения системная дифференциация рассматривается как постоянные повторения образования систем в системах. Частным случаем системной дифференциации, наряду с сегментированием и стратификацией, выступает функциональная дифференциация, определяющая иерархизацию систем [Там

же: 42–45]. Обосновывая научное значение функционального анализа, Н. Луман указывал на то, что данный анализ позволяет выявить латентные (скрытые) функции системы, а также рассматривать явные функции в контексте иных возможностей [Там же: 93].

Функциональный (системно-функциональный) анализ является общепризнанным методом научного анализа, применяемым, в том числе, в правовых науках. Ко второй половине XX в. функциональные аналитики – А. Р. Радклифф-Браун, Б. К. Малиновский, К. Клакхон и другие – выработали три взаимосвязанных постулата, составляющих теоретическую базу функционального анализа: постулат функционального единства общества, постулат универсального функционализма и постулат функциональной необходимости. Нельзя не отметить, что выводы ученых базировались на трудах М. Вебера, Т. Парсонса, объектом научных исследований которых являлись возникновение, развитие и взаимодействие социальных систем [Вебер 1990; Парсонс 2002: 180–184].

Сложно сказать, как данные положения должны отразиться в теории права социального обеспечения, но очевидно, что они должны учитываться и теорией функций, и структурно-функциональным анализом системы права социального обеспечения. Нужно понимать, что право социального обеспечения, будучи самостоятельной отраслью права, представляет собой системное образование. Анализируя право социального обеспечения с точки зрения системности, А. Л. Благодир указала на внутреннюю взаимосвязь и единство правовых норм отрасли, а также правовых институтов и подотраслей, которые выражаются в единстве и дифференциации и образуют внутреннюю структуру отрасли [Благодир 2014: 91, 98].

Система права социального обеспечения не должна иметь внутренних противоречий, особенно контрарных и контрадикторных. Функции системы права социального обеспечения должны находиться в гармонии и непротиворечивости с функциями иных отраслей права, в первую очередь трудового права. В свою очередь, система права социального обеспечения сформирована для выполнения присущих только ей функций. Например, функция компенсации утраченного дохода при наступлении нетрудоспособности, веро-

ятнее всего, может быть выполнена только структурами социального обеспечения и на основании норм социального обеспечения; в этом смысле право социального обеспечения является незаменимым элементом социальной действительности. В праве и в обществе отсутствуют функциональные эквиваленты, позволяющие реализовать данную функцию. Но положения о функциональных эквивалентах могут быть применены к отдельным элементам системы социального обеспечения.

Теория функционального анализа находится на стадии становления. Признавая системно-функциональный анализ как метод познания, его не всегда признавали как теорию.

Функции системы права социального обеспечения должны находиться в гармонии и непротиворечивости с функциями иных отраслей права, в первую очередь трудового права

Известный социолог Дж. К. Хоманс крайне резко высказывался по этому вопросу. По его мнению, в методе системно-функционального анализа отсутствует принцип дедукции, выводы, используемые с применением данного метода, достаточно поверхностны и очевидны, и, самое главное, метод не отвечает на вопрос о том, почему то или иное явление функционально необходимо для данной системы отношений.

В свою очередь, Р. Мертон, безусловно признавая научность функционального анализа, отрицает универсальное значение его постулатов. По мнению Р. Мертона, далеко не все явления функциональны, т. е. обладают функциями, более того, любое явление может выполнять несколько функций и любая функция может быть выполнена несколькими явлениями. Исследователь сформулировал понятие функционального эквивалента, а также ввел в научный оборот понятие латентной функции [Американская социологическая мысль 1994].

Со взглядами ученых можно спорить: суждения Дж. К. Хоманса и Р. Мертона имеют одну неточность. Функция рассматривается ими не с позиции явления, сформировавшего функцию, а с позиции объекта, ощущающего на себе ее воздействие. Ученые от-

деляют функцию от явления, выступающего носителем функции, что не совсем верно, поскольку функция отражает свойство явления, благодаря которому явление раскрывает свою сущность во внешнем мире. Это, вероятно всего, и должно быть исходным положением функционального анализа. Также немаловажно, что функцию порождает системное явление, имеющую определенную структуру. Соответственно функция представляет собой системное свойство, т. е. свойство, интегрированно отражающее и свойства элементов системы, и ее структуру. Именно поэтому *изучение функции как системного свойства может дать представление о структуре и составе системы.*

Правовые системы являются сложными, динамическими, обладают внутренней структурой, а исследовать систему и ее элементы можно только путем изучения их свойств, принимая во внимание то, что функция суть интегративное свойство системы. В связи с этим, на наш взгляд, возникает необходимость изучения не только самой функции как свойства, но и самой системы как целого, а также структуры системы и отдельных ее элементов. На зависимость характера функций от содержания компонентов системы обращала внимание Р. И. Иванова при изучении систем правоотношений в социальном обеспечении [Иванова 1986: 54].

Здесь вновь возникает вопрос о взаимосвязи функции и правовых систем, а также о соотношении систем, их структур и элементов. Любое сложное правовое явление имеет структуру, состоящую из ряда взаимосвязанных элементов. Наличие структуры предполагает существование элементов, проявляющих внутрисистемные свойства, выступающие структурными связями. Свойство правовой системы, являющееся свойством системы как целого, включает в себя и свойства ее элементов. Исходя из этого функциональный анализ в науке именуют системным анализом [Радько 2015: 27], а также структурно-функциональным методом (подходом) [Алексеев 2009: 17].

Глубокое исследование структур, элементов и структурных связей провел Д. А. Керимов. По его мнению, структура представляет собой внутреннюю форму целого, элемент является частью целого, рассматриваемой с точки зрения ее связи с другими элемен-

тами. Элемент, с одной стороны, является обособленным, отличным от целого, системы, но, с другой стороны, не может быть изолированной частью целого. Иными словами, правовое явление тогда может рассматриваться как элемент, когда оно представляет собой «характеристику части со стороны такого его свойства, которое превращает различные части в единое структурное целое» [Керимов 2011: 189].

Совокупность взглядов Д. А. Керимова, В. П. Реутова, Т. Н. Радько и других ученых может служить основой функционально-структурного анализа в сфере права. В то же время возникают вопросы и для научной полемике.

Например, не вызывает возражений суждение о том, что функция какой-либо группы норм определяет их существование как самостоятельного структурного подразделения [Алексеев 1975: 213]. Данный тезис сформулирован в правовой науке во второй половине XX в. и составляет основу многих научных исследований в области функций права. Из него следуют выводы о том, что группа норм лишь тогда является самостоятельной структурой, когда обладает собственной функцией, а наличие самостоятельной функции – это неперемное условие обособленности и институализации группы правовых норм.

На основании этого В. П. Реутов сделал заключение о наличии функционального единства у таких групп норм, выделение которых в отдельную систему будет вряд ли возможно (примером служат дефинитивные нормы). Ученый ставил вопрос о том, почему в одном случае функциональная связь может носить характер системообразующей, а в другом – не может [Реутов 2002: 64].

Ответ на данный вопрос может быть сформулирован только с учетом положений о системности в праве и с учетом того, что функция представляет собой свойство системы. Чтобы группа норм, в нашем случае – дефинитивных, обладала функцией, т. е. системным свойством, она должна стать системой с внутренней структурой, с внутренними органическими связями, иными словами, стать органической системой. Но органическая система образуется только из разнородных элементов. В настоящее время вряд ли найдется органическая система, состоящая

исключительно из однородных элементов, однородная система является суммативной, не имеющей самостоятельной функции. Дефинитивные нормы представляют собой набор однородных элементов, и их система в любом случае будет суммативной, а значит, действительно не будет обладать самостоятельной функцией. Каждая дефинитивная норма имеет свою функцию, и связи между этими нормами не могут расцениваться как функциональные.

В свою очередь, дефинитивные нормы могут являться частями систем правовых норм (конструкций правовых норм) [Маматказин 2013]. В подобных системах наряду с гипотезами, диспозициями, санкциями проявляется их свойство по определению правовых понятий, в этом и заключается их функция. И для конструкций правовых норм дефинитивные нормы будут необходимы, они станут частью системы, элементом структуры. Но система при этом будет состоять из разнородных элементов, каждый из которых обладает самостоятельным свойством.

В праве социального обеспечения дефинитивные нормы имеют очень большое значение. Можно отметить, что существенно было скорректировано применение пенсионных норм в обязательном пенсионном страховании после того, как Конституционный Суд РФ уточнил содержание понятия «страховой стаж», закрепленного в дефинитивной норме Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». В страховой стаж стало возможным включать периоды работы, за которые были начислены, но не уплачены страховые взносы (Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июля 2007 г. № 9-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан А. В. Докукина, А. С. Муратова и Т. В. Шестаковой).

В определенной степени можно возразить и Д. А. Керимову, по мнению которого суммативная система может характеризоваться как «единством однотипного содержания

элементов, так и единством разнотипных содержаний элементов» [Керимов 2011: 189]. Думается, что под разнотипным содержанием элементов правовед понимает элементы с разным содержанием. В том, что в суммативную систему объединяются однородные элементы, не может быть никаких сомнений, но суждение о разнородности элементов суммативной системы достаточно спорно.

Одинаковые по содержанию элементы (повторим) обладают одинаковыми свойствами, которые не могут создать качественно иного свойства системы. Свойство системы будет таким же, как и свойство каждого однородного элемента, возможно, оно будет усиливаться, но не изменит своих качественных характеристик (поэтому данные системы и называются суммативными). Для того чтобы у системы возникло новое свойство, необходимо наличие у элементов разнородных свойств, которое будет являться следствием разнородности свойств содержания элементов, поскольку свойства не возникают извне, они есть проявление сущности элемента. Из изложенного также следует вывод о том, что в единую систему могут объединяться только элементы с разнородным содержанием. Суммативная система, в свою очередь, разнородной быть не может.

Обратим внимание на следующий важный момент. Как указывалось выше, явление может стать элементом системы в том случае, если обладает свойством превращать обособленный элемент в часть целого. Действительно, при объединении элементов в одну систему необходима определенная закономерность. Но в некоторых случаях создается впечатление, что элементы системы, кроме свойств, выражающих их сущность, должны иметь еще какое-то свойство, способное быть частью системы. И оно должно лежать в основе органической связи между элементами и формировать структуру системы. Предпосылкой для данного суждения является то, что в некоторых случаях структурные связи выделяют в отдельный элемент системы.

Думается, что в реальности элемент не может обладать каким-то свойством, кроме свойства, исходящего из его содержания. При этом в некоторых случаях свойство одного элемента не может быть реализовано без свойства другого элемента, иного по характеру, содержанию. Это и есть проявление

взаимосвязи и взаимозависимости между элементами системы, когда наличие одного элемента обуславливает существование другого.

Например, материальные пенсионные правоотношения, т. е. правоотношения, в рамках которых предоставляются пенсии – страховые или государственные, – не могут существовать без процедурных правоотношений. Наличие последних обуславливает возникновение, изменение или прекращение материального правоотношения. В рамках процедурных правоотношений не только подтверждаются юридические факты, являющиеся условиями для назначения соответствующей пенсии, но и определяется и изменяется размер пенсии, что в комплексе представляет собой функции данных правоотношений [Зайкин 1974: 47–48].

В свою очередь, без материальных правоотношений существование процедурных правоотношений теряет смысл. Даже если результатом процедурных правоотношений становится отказ в назначении пенсии, например в связи с неподтверждением одного или нескольких условий, это не означает, что процедурные правоотношения самостоятельны. Их существование предопределено будущим материальным правоотношением, основанным на условиях, указанных будущим пенсионером. Поэтому нередко при характеристике процедурных правоотношений их именуют вспомогательными, вторичными, сопутствующими, подчеркивая тем самым их зависимость от материальных правоотношений.

Р. И. Иванова указывала общие черты рассматриваемых правоотношений: они являются конкретными, поскольку их участники определены путем поименной индивидуализации, и относительными, так как поименная индивидуализация выявляет двустороннюю межсубъектную связь. В то же время между этими правоотношениями имеются принципиальные отличия: процедурные правоотношения производны от материальных и выполняют «миссию» обслуживания. Существенно и то, что предпосылками возникновения процедурных правоотношений являются процедурные нормы, а материальных – нормы материальные [Иванова 1986: 54–55].

Очень точно и образно описал роль процедурных правоотношений В. С. Андреев, назвав их «предпенсионными» [Андреев

2013: 320–321]. А. Д. Зайкин дал развернутую классификацию процедурных правоотношений исходя из их роли по отношению к основным материальным правоотношениям. Он также выделил процедурные правоотношения, предшествующие материальным и сопутствующие им [Зайкин 1974: 46–48]. Несмотря на тесную связь между процедурными и материальными правоотношениями и В. С. Андреев, и А. Д. Зайкин, и Р. И. Иванова рассматривают первые как автономные, не совпадающие по содержанию со вторыми. Таким выводам способствовало и то, что в середине XX в. субъект, назначавший пенсию, не совпадал с субъектом, осуществлявшим пенсионное обеспечение. Поскольку пенсионное обеспечение преобладало в экономическом плане над социальным обеспечением других видов, указанные выводы проецировались на социальное обеспечение в целом. Это действительно служило веским аргументом в пользу автономности процедурных правоотношений.

Отметим, что сегодня данный признак не существен, назначение и выплата страховых пенсий осуществляются органами Пенсионного фонда Российской Федерации. В. К. Субботенко сформулировала определение процедурных правоотношений, согласно которому их предназначение связано с реализацией правомерных требований для удовлетворения субъективных прав на пенсионное обеспечение [Субботенко 1980: 24–25]. В настоящее время задачи, возложенные на процедурные правоотношения, являются более широкими, в них включают и отношения по формированию и учету пенсионных прав [Федорова 2003: 27].

В то же время высказывалась еще одна точка зрения на процедурные правоотношения. Так, Я. М. Фогель считал неверной исключительно «материальную» трактовку пенсионного правоотношения, согласно которой его предметом выступают лишь периодические пенсионные выплаты. По его мнению, процедурные правоотношения по назначению вида социального обеспечения действительно возникают вне материального правоотношения, они предшествуют ему. Но процедурные правоотношения по изменению и прекращению материального правоотношения существуют в рамках данного правоотношения и исключать их

из его сферы – значит обеднять содержание самого материального правоотношения, ограничивать его конечным результатом – назначением пенсии [Фогель 1972: 46–48]. Указанная точка зрения была подвергнута критике и, к сожалению, не получила развития. Объединение процедурных правоотношений с материальными в единую систему считалось не совсем правильным.

Возможно, следует исходить из того, что функция материального правоотношения состоит в установлении прав и обязанностей сторон, основными из которых являются обязанности органа социального обеспечения по предоставлению содержания. Функциями процедурных правоотношений по назначению социального обеспечения выступают установление юридических фактов – условий, необходимых для назначения социального обеспечения, и вынесение решения о его назначении. Но есть очень большая группа процедурных правоотношений, в рамках которых реализуются обязанности субъекта, осуществляющего социальное обеспечение. Это прежде всего правоотношения по выплате пенсий, пособий и социального обеспечения иных видов, к которым можно отнести и правоотношения по предоставлению социально-обеспечительных услуг. Основная часть процедурных правоотношений по оказанию медицинских услуг и лечению касается именно исполнения обязательств обязанным субъектом. Изменение и прекращение материального правоотношения также осуществляются в ходе определенной процедуры и связаны с выполнением органом социального обеспечения определенных обязанностей в рамках его компетенции.

Сказанное свидетельствует о наличии системных органических связей между двумя разнородными элементами: материальными и процедурными правоотношениями. Важно, что данные правоотношения обладают разными свойствами (функциями). Именно это позволяет объединить их в одну систему, т. е. они будут проявляться во внешнем мире как единое целое.

Само правоотношение также представляет собой органическую систему, конструкцию, состоящую из разнородных элементов: субъектов, содержания и объекта. Хотя объект не всегда рассматривается в качестве необходимого элемента правоотношения [Алексеев 1982: 162], для социально-обеспе-

чительных правоотношений объекты играют весьма значимую роль [Иванова 1986: 127]. Разнородность элементов мы видим и при анализе другого правового явления – нормы права. Нормы права социального обеспечения являются регулятивными, санкция как элемент нормы в них присутствует не всегда. Ответственность в праве социального обеспечения имеет особенности, но гипотеза и диспозиция – обязательные элементы нормы. При этом они разнородны, более того, каждый элемент обладает своей функцией. Гипотеза нормы закрепляет правовые основания возникновения правоотношения: юридические факты, являющиеся условиями назначения социального обеспечения. Диспозиция социально-обеспечительных норм определяет содержание материальных правоотношений: права и обязанности сторон.

Несмотря на наличие самостоятельных функций, для целей правового регулирования отдельный элемент нормы не обладает самостоятельной ценностью, поскольку функция правового регулирования не может быть выполнена на основе ни отдельной гипотезы, ни отдельной санкции. Только путем соединения в органическую систему – правовую норму – функции гипотезы и диспозиции могут быть преобразованы в функцию системы более высокого уровня.

Таким образом, функция правового регулирования исходит от правовой нормы, представляющей собой единую органическую систему разнородных элементов [Нормы советского права 1987: 209–216]. Эта функция не сводится к сумме функций элементов, в связи с чем функцию правового регулирования в правовой науке именуют интегрированным свойством правовой системы. Нельзя утверждать, что функция системы абсолютно не зависит от функций ее элементов. В частности, если определения юридических фактов, изложенных в гипотезе нормы, не точны или не отражают существующие отношения, это скажется и на функции правового регулирования: назначение социального обеспечения будет затруднительным.

Например, при назначении пенсий по случаю потери кормильца лицам, обучающимся очно, не принималось в расчет их обучение в иностранных учебных заведениях без направления на учебу российским об-

разовательным учреждением, что нарушало права получателей пенсий, поскольку пенсия по случаю потери кормильца им в этих случаях не выплачивалась. С позиции системно-функционального анализа можно отметить, что диспозиции правовых норм в отношении данных субъектов не действовали. Такое положение дел было скорректировано на основании судебных актов Конституционного Суда РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2009 г. № 18-П по делу о проверке конституционности пункта «а» части третьей статьи 29 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», пункта 3 статьи 57 Закона Российской Федерации «Об образовании» и подпункта 1 пункта 2 статьи 9 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н. С. Лаппы; от 5 декабря 2017 г. № 36-П по делу

о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с запросом Кузнецкого районного суда Пензенской области).

Итак, зная структуру правовой системы и понимая, что функция этой системы не позволяет достичь поставленной цели, мы можем скорректировать функцию путем изменения структуры системы или свойств ее элементов.

Нельзя сводить значение структурно-функционального анализа к теории, сужая тем самым его возможности. Во многих случаях недостаточная эффективность функционирования определенной системы социального обеспечения, например системы пенсионных накоплений, требует тщательного анализа структуры данной системы и свойств ее элементов. В этом видится большое прикладное значение структурно-функционального анализа для права социального обеспечения.

Также нельзя утверждать, что структурно-функциональный анализ отрицает или принижает значение теории функций. Эти две теории взаимосвязаны настолько, что развитие одной предполагает и развитие другой.

Список литературы

- Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 263 с.
- Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.
- Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Проспект, 2009. 576 с.
- Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
- Андреев В. С. Научные труды: в 2 т. М.: Издат. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013. Т. 2. 528 с.
- Благодир А. Л. Система права социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Издат. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2014. 430 с.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
- Зайкин А. Д. Правоотношения по пенсионному обеспечению. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 190 с.
- Иванова Р. И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 175 с.
- Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1984. 144 с.
- Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГУ, 2011. 521 с.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 642 с.
- Маматказин И. Р. Конституционные нормы и юридические конструкции в праве социального обеспечения // Конституционные основы трудового права и права социального обеспечения: состояния и перспективы: материалы XIV ежегод. Междунар. науч.-практ. конф. «Кутафинские чтения» / под общ. ред. А. М. Куренного. М., 2013. С. 412–418.

Нормы советского права / под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 248 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Акад. проект, 2002. 880 с.

Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко М.: Норма, 2008. 784 с.

Радько Т. Н. Теория функций права: моногр. М.: Проспект, 2015. 272 с.

Рассолов М. М., Малахов В. П., Иванов А. А. Актуальные проблемы теории государства и права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

Реутов В. П. Функциональная природа системы права. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. С. 64.

Субботенко В. К. Процедурные правоотношения в социальном обеспечении. Томск, 1980. 192 с.

Федорова М. Ю. Социальное страхование как организационно-правовая форма социальной защиты населения: проблемы правового регулирования: моногр. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. 287 с.

Федорова М. Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск: Полиграф. лаб. юрид. фак-та ОмГУ, 2003. 51 с.

Фогель Я. М. Право на пенсию и его гарантии. М.: Юрид. лит., 1972. 180 с.

Илья Робертович Маматказин – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета. 614990, Российская Федерация, Пермь, ул. Букирева, д. 15. E-mail: dekart74@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-3173-9775

Issues of Structural and Functional Analysis in the Law of Social Security

The traditional understanding of the functions of law, formulated in the science of social security law, develops a slightly different meaning when considering the problems of structural and functional analysis. According to the function theory, a function of law implies an impact of law, and attention is focused on the active role of law in relation to the systems of the surrounding world. In turn, the structural and functional analysis is aimed at the study of the legal system that formed the function. The certain elements of the social security system, the structure, system connections determine the formation of the legal function.

The research is based, in particular, on the assertion that a function is a property expressing the essence of a legal phenomenon, even if it is an element of a higher-order system. In addition, the function cannot be separated from the phenomenon and cannot be changed without changing the legal phenomenon that formed the function. This justifies the need to conduct a structural and functional analysis of legal systems, including social security law. Applying the method of structural and functional analysis, the author investigates the dependence of the dynamics of a function on the structure of the legal system. The paper raises the issue of the nature of intrasystem connections, and provides arguments in favor of the fact that such connections between elements are a manifestation of the properties of these elements, their functions.

Keywords: *functions of social security law, structural and functional analysis, legal phenomenon, essence of social security, system connections in social security law, procedural legal relations, structure of an insurance pension*

Recommended citation

Mamatkazin I. R. Voprosy strukturno-funktsional'nogo analiza v prave sotsial'nogo obespecheniya [Issues of Structural and Functional Analysis in the Social Security Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 19–31, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_19.

References

- Alekseev S. S. *Struktura sovetskogo prava* [The Structure of Soviet Law], Moscow, Yurid. lit., 1975, 263 p.
- Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law], Moscow, Yurid. lit., 1982, vol. 2, 360 p.
- Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law], Moscow, Prospekt, 2009, 576 s.
- Andreev V. S. *Nauchnye trudy* [Scientific Papers], Moscow, Izdat. tsentr Un-ta im. O. E. Kutafina (MGYuA), 2013, vol. 2, 528 p.
- Baitin M. I., Babaev V. K. (eds.) *Normy sovetskogo prava* [Norms of Soviet Law], Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta, 1987, 248 p.
- Blagodir A. L. *Sistema prava sotsial'nogo obespecheniya* [Social Security Law System]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, Izdat. tsentr Un-ta im. O. E. Kutafina (MGYuA), 2014, 430 p.
- Dobren'kov V. I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought], Moscow, Izd-vo MGU, 1994, 496 p.
- Fedorova M. Yu. *Sotsial'noe strakhovanie kak organizatsionno-pravovaya forma sotsial'noi zashchity naseleniya: problemy pravovogo regulirovaniya* [Social Insurance as an Organizational and Legal Form of Social Protection of the Population: Problems of Legal Regulation], Omsk, Izd-vo OmGU, 2000, 287 p.
- Fedorova M. Yu. *Teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya sotsial'nogo strakhovaniya* [Theoretical Problems of Legal Regulation of Social Insurance]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Omsk, Poligraf. lab. yurid. fak-ta OmGU, 2003, 51 p.
- Fogel' Ya. M. *Pravo na pensiyu i ego garantii* [The Right to a Pension and Its Guarantees], Moscow, Yurid. lit., 1972, 180 p.
- Ivanova R. I. *Pravootnosheniya po sotsial'nomu obespecheniyu v SSSR* [Legal Relations on Social Security in the USSR], Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1986, 175 p.
- Isakov V. B. *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal Facts in Soviet law], Moscow, Yurid. lit., 1984, 144 p.
- Kerimov D. A. *Metodologiya prava: predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [Methodology of Law: Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law], Moscow, Izd-vo SGU, 2011, 521 p.
- Luman N. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii* [Social Systems. An Outline of the General Theory], Saint Petersburg, Nauka, 2007, 642 p.
- Mamatkazin I. R. *Konstitutsionnye normy i yuridicheskie konstruksii v prave sotsial'nogo obespecheniya* [Constitutional Norms and Legal Constructions in Social Security Law], Kuren'noy A. M. (ed.) *Konstitutsionnye osnovy trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya: sostoyaniya i perspektivy* [Constitutional Foundations of Labor Law and Social Security Law: Conditions and Prospects]: conference papers, Moscow, 2013, pp. 412–418.
- Marchenko M. N. (ed.) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the Theory of State and Law], Moscow, Norma, 2008, 784 p.
- Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deistviya* [About the Structure of Social Action], Moscow, Akad. proekt, 2002, 880 p.
- Rad'ko T. N. *Teoriya funktsii prava*: [Theory of the Functions of Law], Moscow, Prospekt, 2015, 272 p.
- Rassolov M. M., Malakhov V. P., Ivanov A. A. *Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava* [Current Issues of the Theory of State and Law], Moscow, YuNITI-DANA, 2011, 164 p.
- Reutov V. P. *Funktsional'naya priroda sistemy prava* [The Functional Nature of the Legal System], Perm, Izd-vo Perm. gos. un-ta, 2002, 64 p.
- Subbotenko V. K. *Protsedurnye pravootnosheniya v sotsial'nom obespechenii* [Procedural Legal Relations in Social Security], Tomsk, 1980, 192 p.
- Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow, Progress, 1990, 804 p.

Zaikin A. D. *Pravootnosheniya po pensionnomu obespecheniyu* [Legal Relations on Pension Provision], Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1974, 190 p.

И'я Маматказин – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of labor and international law, Perm State National Research University. 614990, Russian Federation, Perm, Bukiev str., 15. E-mail: dekart74@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-3173-9775

Дата поступления в редакцию / Received: 17.09.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.11.2021

Т. О. Смирнова

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ФОРМИРОВАНИЕ ИНИЦИАТИВЫ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ: СООТНОШЕНИЕ ВОЛИ И ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ

Рассматриваются потребности сторон трудовых отношений в процессе их взаимодействия, делается вывод о необходимости анализа воли и ее проявления. Приведена характеристика воли с позиции философских, теоретико-правовых и цивилистических подходов. Инициатива может быть использована как категория, учитывающая волю и волеизъявление в трудовом правоотношении.

Предлагается считать признаками инициативы субъекта трудового правоотношения ее формирование на основании истинной воли лица и проявление посредством волеизъявления. Уделяется внимание теоретическим и практическим проблемам соотношения воли и волеизъявления, рассматриваются случаи порока воли и пути их преодоления в трудовом праве. Проанализирован перечень субъектов, имеющих возможность осуществлять проверку соответствия воли волеизъявлению. Сегодня такую проверку постфактум осуществляет суд, но и контрольно-надзорные органы должны использовать свои полномочия в целях проверки соответствия воли волеизъявлению в процессе рассмотрения жалоб от работников и проведения проверок соблюдения требований трудового законодательства, чтобы снизить нагрузку судов.

В заключение обращается внимание на влияние проблемы несогласованности воли и волеизъявления на качество трудовой жизни, на удовлетворенность работника своей занятостью. Указывается, что необходимо учитывать мнение работника с целью эффективного управления персоналом.

Ключевые слова: инициатива, воля, волеизъявление, юридический факт, качество трудовой жизни

Для цитирования

Смирнова Т. О. Формирование инициативы в трудовом праве: соотношение воли и волеизъявления // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 32–39. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_32.

УДК 349.22

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_32

Работники и работодатели как субъекты трудовых правоотношений обладают определенными правами. Они могут вступить в трудовые отношения, изменить или прекратить их, вступить в трудовой спор. Существует механизм реализации трудовых прав, часто он связан с поименованной в ТК РФ категорией инициативы.

Трудовым кодексом РФ закреплен принцип свободы труда как одно из основополагающих положений трудового права. Он означает возможность сторон самостоятельно принимать решение о заключении

трудового договора: работник исходит из своего желания трудиться, применять свои профессиональные знания и умения, получать заработную плату. Работодатели-коммерческие организации действуют из своего желания получать прибыль, для этого им необходимо осуществлять предпринимательскую деятельность, соответственно им требуются специалисты, обеспечивающие производство или оказывающие определенные услуги. Некоммерческим организациям для достижения своих уставных целей тоже нужны определенные организационные

полномочия. Таким образом, каждый субъект трудового права имеет потребности и приступает к их реализации, используя предусмотренный законом правовой механизм.

Несмотря на то что слово «желание» употребляется в некоторых статьях ТК РФ, все же нельзя считать его правовой категорией. А. Фулье приводит следующую мысль Т. Гоббса: «...Хотение делать есть желание, а хотение не делать есть страх... причина желания или страха есть причина вашей воли. Воля и желание – это одно и то же, только рассматриваемое с разных точек зрения» [Фулье 1895: 178]. В рамках настоящего исследования следует согласиться с приведенной позицией и обратиться к анализу воли, а также к ее проявлению.

Волю можно считать комплексной категорией, поскольку ей оперируют философия, психология, социология, политология, и, конечно же, право. Множество трудов посвящено вопросу определения воли. В правовой науке глубокое исследование воли и ее проявления принадлежит В. А. Ойгензихту. К его труду обращаются как теоретики при изучении смежных правовых категорий, так и цивилисты при рассмотрении понятия сделки. В. А. Ойгензихт также отмечает, что концепции воли как желания в большинстве случаев придерживаются в юриспруденции, понимая под волевым элементом вины желание, а под волей субъектов, совершающих сделки, – соответствие желанию [Ойгензихт 1983: 11]. Воля – это единый, комплексный процесс психического регулирования поведения (действий, поступков) субъекта [Там же: 24].

Не будем отрицать, что категорию воли, наполненную психологическим содержанием, сложно анализировать с юридической точки зрения; возникают вопросы о том, как ее выявить, как она должна быть выражена, какие правовые последствия влечет ее отсутствие. Для цивилистов это имеет приоритетное значение, поскольку воля является одним из элементов юридического факта сделки. Поэтому классики советской цивилистики (О. С. Иоффе, И. Б. Новицкий, О. А. Красавчиков, В. С. Толстой, В. П. Шахматов) воспринимали волю как психологическую категорию и исследовали ее внешнее проявление – волеизъявление, именно его наполняя правовым содержанием. Эту позицию

поддерживают и современные ученые [Панов 2011; Политова 2014: 54], при этом некоторые цивилисты высказывают идеи о возможности наполнения юридическим содержанием категории воли [Курмашев 2007: 83].

Порождение соответствующих правовых последствий является целью воли на совершение сделки и, следовательно, целью волеизъявления, которым эта воля объективируется. Иными словами, волеизъявление придает содержанию воли юридическое значение. С этим связана такая функция волеизъявления, как фиксация содержания юридически значимой воли [Панов 2011].

В трудовом законодательстве категория воли упоминается лишь в нормах о прекращении трудовых отношений по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (ст. 77, 82 ТК РФ). При этом о волеизъявлении как внешнем выражении воли не говорится, но письменное заявление как форма волеизъявления работника фигурирует во многих статьях ТК РФ, например в ст. 131 (для выражения согласия на выплату заработной платы в неденежной форме), ст. 80 (для реализации права на увольнение по своей инициативе), в статьях, регулирующих предоставление работнику отпуска (ст. 122, 124, 126, 128), предусматривающих предоставление документов, связанных с работой (ст. 62, 65, 66.1, 84.1), а кроме того, упоминается в судебной практике, в руководящих положениях Пленума Верховного Суда РФ.

С целью учета истинной воли стороны трудового правоотношения, выраженной в волеизъявлении, трудовое законодательство использует категорию «инициатива».

Инициатива – это юридический факт в трудовых правоотношениях [Смирнова 2021: 288], существование которого зависит от наличия определенных признаков.

Одним из признаков предлагаем считать формирование инициативы на основании истинной воли субъекта трудовых правоотношений. Если одним из конструктивных элементов юридического состава является инициатива (привлечение к сверхурочной работе, увольнение по инициативе работника, увольнение по инициативе работодателя и др.), в процессе формирования которой не учитывается воля лица, то юридический факт – инициатива субъекта трудового правоотношения – будет отсутствовать, соот-

ответственно юридический состав не образуется.

Другой признак – проявление инициативы посредством волеизъявления. Это может быть приказ работодателя (привлечение к сверхурочной работе, ст. 99 ТК РФ), заявление работника (увольнение, ст. 80 ТК РФ; реализация права на отпуск без сохранения заработной платы, ст. 128 ТК РФ), предложение о начале коллективных переговоров (совместная инициатива сторон, ст. 36 ТК РФ). Например, без выраженного в письменной форме предложения о начале коллективных переговоров у второй стороны не возникает обязанности отреагировать на предложение в течение семи дней с указанием представителей и их полномочий; также это не влечет ответственности в случае уклонения от участия в коллективных переговорах (ст. 5.28 КоАП РФ).

Работники выражают внешнее согласие на продиктованные работодателем условия труда в связи с необходимостью иметь работу, получать заработную плату, но фактически воля на их установление у них отсутствует либо противоречит выраженному волеизъявлению

С практической точки зрения проверка наличия воли и волеизъявления в процессе формирования инициативы имеет значение при рассмотрении дела в суде (например, дела о признании увольнения по инициативе работника незаконным). Так, суд апелляционной инстанции восстановил на работе сотрудницу, которая написала заявление об увольнении по собственному желанию, а в последний день работы узнала о том, что беременна, уведомила руководство о желании отозвать заявление об увольнении, на что получила отказ¹. Таким образом, воля работника изменилась, соответственно работодатель должен был отреагировать и позволить работнице изменить волеизъявление – отозвать заявление. Суд признал увольнение незаконным, т. е. юридический состав увольнения по инициативе работника отсутствовал, в связи с отсутствием воли на прекращение трудовых отношений.

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 21 мая 2020 г. по делу № 33-6953/2020.

Вопросы оценки добровольности волеизъявления в последнее время нередко становятся предметом проверки в Верховном Суде РФ². Например, Суд отправил дело на пересмотр в суд первой инстанции, поскольку нижестоящие суды не оценили тот факт, что об отсутствии добровольного волеизъявления на увольнение свидетельствует содержание (формулировка)³ заявления об увольнении («Прошу уволить меня по собственному желанию в связи с нарушением со стороны руководства моих трудовых прав»), а также то, что заявление было подано именно в день конфликта с заместителем генерального директора. Также об отсутствии добровольности свидетельствуют обращение к работодателю с письменными претензиями об устранении нарушений трудовых прав, конфликт на работе (отключение рабочей учетной записи, внеочередная аттестация, угрозы) и др.

В трудовых правоотношениях инициатива субъекта, которая сформирована на основании истинной воли, выраженной в волеизъявлении, не образует юридических проблем для правоприменителя. При этом интерес вызывают действия, в которых усматривается расхождение воли и волеизъявления, например случаи порока воли.

Несогласованность в отношениях работника и работодателя может привести к незаконному увольнению, к работе с низкой заработной платой (работник соглашается на заведомо невыгодные условия оплаты труда), к найму работодателем работников по направлению службы занятости, хотя они ему фактически не нужны, к ограничению совместительства (работников вынуждают подписать незаконные соглашения об ограничении конкуренции (совместительства), к изменению условий трудового договора (работников вынуждают работать в новых условиях труда и сокращают заработную плату в порядке ст. 74 ТК РФ) и др. Работники выражают внешнее согласие на такие условия в связи

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 апреля 2021 г. № 5-КГПР20-165-К2. Работник доказал, что добровольного волеизъявления на увольнение у него не было, так как заявление об увольнении по собственному желанию он написал в состоянии аффекта в день, когда у него произошел конфликт на работе, на работника оказывалось психологическое давление.

³ См. также: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 февраля 2021 г. № 14-КГ20-14-К1.

с необходимостью иметь работу, получать заработную плату, но фактически воля на их установление у них отсутствует либо противоречит выраженному волеизъявлению.

Воля и волеизъявление могут не согласовываться по разным причинам. В связи с этим нужно определить, как преодолеть последствия этой несогласованности. О необходимости установления правил для разграничения воли и волеизъявления говорили как ученые XIX в. [Савиньи 1876: 482], так и современные исследователи [Политова 2014: 38].

С целью анализа соотношения воли и волеизъявления в случае возникновения порока воли следует обратиться к трем теориям, глубоко разработанным в гражданском праве. Одна из них – теория воли (Ф. К. Савиньи, Н. В. Рабинович, В. П. Шахматов), согласно которой при расхождении между волей и волеизъявлением при условии, что воля распознаваема и сделка может быть признана состоявшейся, предпочтение должно быть отдано воле, а не волеизъявлению [Там же: 37]. В противовес данной теории появилась теория волеизъявления, по которой даже изъявление, не соответствующее воле изъявляющего, если оно другой стороне показалось или могло показаться выражением его воли, признается достаточным для возникновения сделки. В соответствии с третьей теорией нужно ориентироваться на единство воли и волеизъявления как на обязательное условие действительности сделки (М. М. Агарков, О. С. Иоффе¹, О. А. Красавчиков).

Ряд авторов склоняется к теории волеизъявления как к наиболее надежному варианту защиты воли сторон от искажений со стороны суда [Эрделевский 1997: 82; Брагинский, Витрянский 2000: 56].

Глубоко значима позиция О. А. Красавчикова о том, что, если положить в основу оценки поведения лиц только волю, создается опасность для устойчивости гражданских правоотношений. «Только беря в единство волю и ее изъявление – действие, мы сможем прийти к правильным выводам о рассматриваемом поведении». Автор дает полезное

¹ О. С. Иоффе указывал, что в решении правовых вопросов, связанных со сделками, которые страдают пороками воли, закон не сбрасывает со счетов ни внутренней воли, ни волеизъявления, а ориентируется на их единство как на обязательное условие действительности всякой сделки [Иоффе 1967: 286–287].

руководство, как выявить истинную волю: при анализе фактов необходимо учитывать конкретную обстановку, что даст возможность «выяснить из объективного явления – действия – явление субъективного порядка – волю лица» [Красавчиков 1958: 98]. Этот тезис можно справедливо распространить и на трудовые правоотношения при ответе на вопрос о том, какой из теорий пользоваться в трудовом праве в случае расхождения воли и волеизъявления [Тишкович 2011].

Следует признать, что в трудовых правоотношениях теория единства воли и волеизъявления лица используется лишь субсидиарно, поскольку прежде всего применяется теория волеизъявления.

Приведем в качестве примера случай расхождения воли и волеизъявления работника на увольнение по своей инициативе. По общему правилу работник подает заявление об увольнении по собственному желанию, это заявление служит основанием для прекращения трудовых отношений согласно ст. 80 ТК РФ. Таким образом, волеизъявление в виде заявления об увольнении есть проявление инициативы в трудовых правоотношениях. При этом необходимо, чтобы волеизъявление отражало истинную волю лица, выразившего его. Если воля сформировалась под влиянием какого-либо порока, то волеизъявление не отражает истинного намерения лица.

Что в данном случае следует считать юридическим фактом, влекущим правовые последствия? Волеизъявление осуществлено, заявление подано работодателю, возможно, даже работник уже уволен по собственному желанию. То есть юридический состав увольнения работника по собственному желанию окончен, правовые последствия возникли лишь на основании волеизъявления.

Можно даже заключить, что в трудовом праве действует теория волеизъявления. Однако в случае возникновения трудового спора, если у работника не было истинной воли на увольнение по собственному желанию, суд установит ее отсутствие и признает увольнение незаконным. В данном случае суд учтет волю лица, его измененное волеизъявление (вначале подано заявление об увольнении, далее работник обратился в суд с исковым заявлением о восстановлении на работе) и, проведя анализ обстановки, вынесет решение о восстановлении на работе. Если бы воле-

изъявление не изменилось (работник не обратился в суд с иском о признании увольнения незаконным, хотя и желал бы восстановиться), то спора бы не было, работник не был бы восстановлен.

Верховный Суд РФ указал на обязанность судов при рассмотрении споров о признании увольнения в порядке ст. 80 ТК РФ незаконным выяснять, были ли действия работника при подаче заявления об увольнении по собственному желанию добровольными и осознанными, разъяснил ли работодатель последствия и право отзыва заявления, выяснял ли он причины подачи заявления и вопрос о возможном трудоустройстве к другому работодателю исходя из семейного и материального положения работника¹. Очевидно, что Верховный Суд РФ слегка вышел за пределы своей компетенции, устанавливая обязанности работодателя, не предусмотренные ТК РФ, однако суды кассационной инстанции следуют примеру суда высшей инстанции².

Таким образом, для того чтобы инициатива работника по увольнению была признана юридическим фактом, влекущим правовые последствия, необходимо, чтобы ее формирование происходило под влиянием истинной воли через волеизъявление.

Воля и волеизъявление чаще всего не совпадают у работника как наиболее слабой стороны трудовых отношений. Работодатель считается сильной и властной стороной трудовых отношений, его воля в большинстве случаев совпадает с волеизъявлением и не требует дополнительной судебной защиты. При этом В. Ф. Яковлев обращал внимание на законодательное ограничение инициативы работодателя в некоторых случаях. Он писал: «Правовая инициатива в трудовом праве находит свое выражение в установлении правоотношений трудовыми договорами, а также в возможности прекращения правоотношения волеизъявлением сторон или одной из них. Но и здесь стремление законодателя защитить интересы работника является причиной ограничения правовой инициативы администрации по прекращению трудового

отношения: если работник имеет право в любое время по своей инициативе прекратить трудовые отношения, то другая сторона может это сделать лишь при наличии оснований, точно установленных законом» [Яковлев 2012]. Такой подход к ограничению инициативы работодателя можно объяснить задачей трудового законодательства – создать условия для оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений.

С теоретической и практической стороны интересен вопрос о субъекте проверки соответствия воли волеизъявлению.

Р. Саватье указывает, что по общему правилу при совпадении воли сторон заключенное соглашение занимает место закона для тех, кто его заключил. Но выражению воли всегда свойственны пробелы и недостатки. В связи с этим необходимо толкование договора, правила которого устанавливаются законом. Этот закон и занимает место воли сторон. Если закон молчит, то суд истолковывает договор путем исследования смысла отдельных выражений или молчания в свете общего содержания договора. Но тогда, скорее, судья, а не автономная воля сторон наполняет договор содержанием [Саватье 1972: 179].

На данный момент эту проверку по факту осуществляет суд, но в силу закона³ ее может проводить и прокурор при рассмотрении жалоб от работников (о принуждении к увольнению, об изменении условий труда в порядке ст. 74 ТК РФ и др.) либо государственная инспекция труда (ст. 353, 354 ТК РФ). Причем у обоих органов есть средства реагирования на нарушения трудового законодательства и возможность превентивно воздействовать на учет воли и волеизъявления в процессе формирования инициативы; нагрузка судов тем самым снижается.

Несоответствие воли и волеизъявления сторон трудовых правоотношений влечет неудовлетворенность работника своей занятостью, качеством своей трудовой жизни [Golovina, Kuchina, Serova 2019], а следовательно, качеством жизни в целом. Хотя эти проблемы и лежат в плоскости глобальных социологических, психологических, социально-экономических реалий, нельзя исключать их влияние на возникновение правовых последствий. Для целей эффективного управле-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 июля 2020 г. № 39-КГ20-3-К1.

² Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 января 2021 г. по делу № 88-383/2021; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2021 г. № 88-2160/2021.

³ Часть 1 ст. 10, ст. 26–28 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 30 декабря 2020 г.) «О прокуратуре Российской Федерации».

ния персоналом было бы интересно в каждый документ кадрового делопроизводства (заявление об увольнении, приказ о переводе, дополнительное соглашение к трудовому договору об изменении условий трудового договора и иные) включить условие об отношении работника к происходящему. Например, в конце каждого документа указывать: «К данному акту / изменению отношусь: положительно / отрицательно», подпись работника. Данная формулировка вряд ли будет иметь правовое значение, но для социально-ориентированного работодателя даст обратную связь об отношении работника, а в каких-то случаях позволит суду выяснить истинную волю работника.

Например, работница подала заявление об увольнении по собственному желанию, в котором просила уволить ее на следующий день. При этом в заявлении она отметила, что

оно написано ею под давлением. Суд удовлетворил иск о восстановлении ее на работе (апелляционное определение Московского городского суда от 22 декабря 2017 г. № 33-51769/2017). В другом споре истица в обоснование своих требований указывала, что увольняться с работы она не хотела, а заявление об увольнении написала для того, чтобы администрация детского сада задумалась о том, что с ней происходит, и перестала оказывать на нее психологическое давление (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 февраля 2021 г. № 14-КГ20-14-К1).

Итак, инициатива в трудовом праве представляет собой юридический акт, осуществленный под влиянием истинной воли посредством волеизъявления стороны трудового отношения при реализации субъективного права.

Список литературы

Golovina S. Yu., Kuchina Yu. A., Serova A. V. Increasing the Quality of Working Life: Modern Labor Legislation's Strategic Task // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. Vol. 333. P. 715–719. DOI: 19.2019.136.

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договоры о передаче имущества. М.: Юристъ, 2000. 585 с.

Иоффе О. С. Советское гражданское право. М.: Юрид. лит., 1967. 494 с.

Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 184 с.

Курмашев Н. В. Учение о воле в юридической сделке в советской и современной российской цивилистической науке // *Вестник гражданского права*. 2007. № 1.

Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права). Душанбе: Дониш, 1983. 256 с.

Панов А. А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // *Вестник гражданского права*. 2011. № 1. С. 52–81.

Политова И. П. Категория воли в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2014. 184 с.

Саватье Р. Теория обязательств: Юридический и экономический очерк. М.: Прогресс, 1972. 440 с.

Савиньи Ф. К. Обязательственное право / пер. с нем. В. Фукс, Н. Мандро. М.: Тип. А. В. Кудрявцевой, 1876. XXXV. 579 с.

Смирнова Т. О. Инициатива в трудовых правоотношениях и проблемы ее реализации // *За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения: материалы шестой Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 9–10 декабря 2020 года) / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 286–289.*

Тишкович К. С. Единство воли и волеизъявления как необходимый элемент трудового договора // *Современные научные исследования и инновации*. 2011. № 3. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/07/1441> (дата обращения: 08.06.2021).

Фулье А. Отрывки из сочинений великих философов. М., 1895. 535 с.

Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания. М.: Элит, 1997. 188 с.

Яковлев В. Ф. Избранные труды. М.: Статут, 2012. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. 976 с.

Татьяна Олеговна Смирнова – аспирант кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: tashatom10@gmail.com.
ORCID: 0000-0001-7572-0828

Formation of an Initiative in Labor Law: the Ratio of Will and Expression of Will

The author examines the needs of the parties of labor relations during their interaction, and emphasizes, that it is necessary to analyze the will and the declaration of will. The characteristic of will is reviewed from philosophical, legal-theoretical and civilistic points of view. The category of initiative is used to take into account the will and expression of the will in labor law.

It is proposed to consider that initiative is formed, firstly, on the basis of the true will of the subject of the labor relationship and, secondly, through the expression of will. The paper pays attention to theoretical and practical problems of the correlation of will and expression of will, considers the cases of vice of will and ways to overcome them in labor law. There author also analyzes the list of subjects having the ability to check the conformity of the will to the expression of will. Today, the court carries out this post facto verification, however, the control and supervisory authorities as well should use their powers to verify the compliance of will to the expression of will. This helps reducing the high load of courts while considering complaints from employees and carrying out inspections of compliance with labor law requirements.

In conclusion, attention is drawn to the influence of the problem of inconsistency of will and expression of will on the quality of working life, on the employee's satisfaction with his employment. The need to take into account the employee's opinion for effective human resource management is pointed out.

Keywords: initiative, will, expression of will, legal fact, quality of working life

Recommended citation

Smirnova T. O. Formirovanie initsiativy v trudovom prave: sootnoshenie voli i voleiz'yavleniya [Formation of an Initiative in Labor Law: the Ratio of Will and Expression of Will], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 32–39, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_32.

References

Braginskii M. I., Vitryanskii V. V. *Dogovory o peredache imushchestva* [Property Transfer Agreements], Moscow, Yurist, 2000, 585 p.

Erdelevskii A. M. *Moral'nyi vred i kompensatsiya za stradaniya* [Moral Harm and Compensation for Suffering], Moscow, Elit, 1997, 188 p.

Ful'e A. *Otryvki iz sochinenii velikikh filosofov* [Excerpts from the Works of Great Philosophers], Moscow, 1895, 535 p.

Golovina S. Yu., Kuchina Yu. A., Serova A. V. Increasing the Quality of Working Life: Modern Labor Legislation's Strategic Task, *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019, vol. 333, pp. 715–719, DOI: 19.2019.136.

Ioffe O. S. *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Soviet Civil Law], Moscow, Yurid. lit., 1967, 494 p.

Krasavchikov O. A. *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal Facts in Soviet Civil Law] Moscow, Gosyurizdat, 1958, 184 p.

Kurmashev N. V. Uchenie o vole v yuridicheskoi sdelke v sovetskoj i sovremennoj rossiiskoj tsivilisticheskoi nauke [The Doctrine of Will in a Legal Transaction in Soviet and Modern Russian Civil Science], *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2007, no. 1.

Oigenzikht V. A. *Volya i voleiz'yavlenie (Ocherki teorii, filosofii i psikhologii prava)* [Will and Expression of Will (Essays on the Theory, Philosophy and Psychology of Law)], Dushanbe, Donish, 1983, 256 p.

Panov A. A. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки [On the Question of the Categories of Will, Expression of Will and Vice of Will in the Theory of a Legal Transaction], *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2011, no. 1, pp. 52–81.

Politova I. P. *Kategoriya voli v grazhdanskom prave Rossii* [The Category of Will in the Civil Law of Russia]: cand. jur. sc. thesis, Kolomna, 2014, 184 p.

Savat'e R. *Teoriya obyazatel'stv: Yuridicheskii i ekonomicheskii ocherk* [Theory of Obligations: A Legal and Economic Essay], Moscow, Progress, 1972, 440 p.

Savin'i F. K. *Obyazatel'stvennoe pravo* [Obligatory Law], Moscow, Tip. A. V. Kudryavtsevoi, 1876, XXXV, 579 p.

Smirnova T. O. *Iniitsiativa v trudovykh pravootnosheniyakh i problemy ee realizatsii* [Initiative in Labor Relations and Problems of its Implementation], Ivanchina Yu. V., Istomina E. A. (eds.) *Za prava trudyashchikhsya! Zashchita sotsial'no-trudovykh prav rabotnikov v izmenyayushchemsya mire: vozmozhnosti i ogranicheniya* [For Workers' Rights! Protection of the Social and Labour Rights of Workers in a Changing World: Opportunities and Limitations]: conference papers, Ekaterinburg, Ural. gos. jurid. un-t, 2021, pp. 286–289.

Tishkovich K. S. Edinstvo voli i voleiz'yavleniya kak neobkhodimyi element trudovogo dogovora [Unity of Will and Expression of Will as a Necessary Element of an Employment Contract], *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, 2011, no. 3, available at: <https://web.snauka.ru/issues/2011/07/> (accessed: 08.06.2021).

Yakovlev V. F. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Moscow, Statut, 2012, vol. 2, book 1, 976 p.

Tat'yana Smirnova – post-graduate student of the Department of labour law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: tashatom10@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-7572-0828

Дата поступления в редакцию / Received: 22.09.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.11.2021

И. Ю. Крылатова

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К СОБЛЮДЕНИЮ БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ И ГЕНОМНОЙ ИНФОРМАЦИИ*

Развитие персонифицированной медицины и современных инновационных исследований, активное внедрение полученных знаний, основанных на расшифровке генов, качественно улучшают оказание специализированной медицинской помощи, способствуют развитию научного знания и благополучию общества. Вместе с тем недобросовестное использование полученной персонифицированной информации может повлечь генетическую дискриминацию. По этой причине большое значение имеет эτικο-правовое и организационное совершенствование персонифицированной медицины и механизмов функционирования биобанкинга, основанных на биоэтических принципах и приоритете достоинства личности.

В статье рассматриваются различные международные подходы к регулированию использования, извлечения, обработки и хранения генетической и геномной информации, обосновывается лидирующая роль биоэтических принципов в нормативном регулировании указанных правоотношений. Большое внимание уделяется анализу преимуществ и рисков использования генетической и геномной информации как для личности, так и для общества.

Ключевые слова: геном, генетическая информация, биобанкинг, биоэтика, баланс частных и публичных интересов, достоинство личности

Для цитирования

Крылатова И. Ю. Междисциплинарный подход к соблюдению баланса частных и публичных интересов при использовании генетической и геномной информации // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 40–51. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_40.

УДК 342.7

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_40

С момента основания первого в мире генетического общества прошло более ста лет. Создание в 1910 г. общества Г. И. Менделя, который разработал язык генетики благодаря исследованию закономерностей наследования моногенных признаков (эти закономерности известны теперь как законы Менделя), стало первым шагом на пути к современной генетике. Классические задачи генетики, поставленные в прошлом столетии (выявление эф-

* Исследование выполнено за счет средств субсидии из федерального бюджета на реализацию научного проекта на тему «Выявление проблем правового регулирования в сфере использования генетической и геномной информации. Подготовка научно обоснованных предложений по внесению изменений в систему российского законодательства с целью их устранения» (шифр темы: FEUW-2020-0005).

фективных способов отбора наследственных признаков и управление их развитием)¹ под воздействием стремительно развивающихся технологий генетической и геномной инженерии воспринимаются по-новому. Полученные в ходе выполнения указанных задач результаты, оформленные в виде банка генетической и геномной информации, стали самостоятельным объектом исследований в различных областях точных и гуманитарных наук.

Обращение к человеку в геномике привело к попытке государственной (публичной), в том числе международной, регламентации основных принципов понимания генома

¹ Крюков В. И. Генетика // URL: <http://window.edu.ru/resource/081/79081/files/01-intro-text.pdf>.

в качестве нового природного ресурса и использования информации, полученной в результате манипуляций с ним. В результате были приняты не только основные международные акты (конвенции и декларации), но и рекомендации и руководства, разрабатываемые специализированными международными организациями и конференциями.

Запуск в 1988 г. международного научно-исследовательского проекта «Геном человека» (*the Human Genome Project*) в последующем повлек создание специальных крупнейших баз для хранения информации, полученной посредством расшифровки генома¹. В 1990 г. начала реализовываться программа Евросоюза «Анализ генома человека» (*Human Genome Analysis*), закрепляющая специальные условия и процедурные правила, направленные на недопущение злоупотребления результатами геномных исследований². В 2018 г. 13 стран Евросоюза подписали Декларацию по обмену геномной информацией с целью использования геномных данных для улучшения понимания и предотвращения заболеваний, а также для развития системы персонализированного лечения³. В 2020 г. утверждена «дорожная карта» *Roadmap for the implementation of the 1+Million Genomes Initiative*⁴. Таким образом, можно наблюдать повышение государственного интереса к этой проблематике и привлечение государственных средств к финансированию научных программ в данной сфере.

Вместе с тем частная инициатива выражается в создании мощнейших центров обработки и хранения генетической информации. Это, например, знаменитые спорные проекты Крейга Вентера *Celera Corporation (Celera Genomics)* или *Human Longevity*, имевшие одной из ключевых целей коммерциализацию генетической и геномной информации и составившие значительную конкуренцию

проекту «Геном человека». Сотрудничая не только с частными лицами, но и с фармацевтическими и страховыми компаниями, названные организации столкнулись с активной попыткой государственных ограничений их деятельности с целью сохранения баланса коммерческих и публичных интересов.

В Российской Федерации можно также наблюдать аналогичную тенденцию к двойному регулированию использования генетической и геномной информации. С одной стороны, увеличивается количество не соответствующих нормативных правовых актов, но и число поправок к ним. С другой стороны, по линии национального проекта «Наука» созданы три геномных центра по четырем основным направлениям: биобезопасность, медицина, сельское хозяйство и промышленность⁵, а также анонсирован запуск к 2024 г. Национальной базы генетической информации⁶, призванной обеспечить создание и функционирование информационно-аналитической системы хранения и обработки генетических данных с использованием компетенций и наработок в биоинформатике⁷.

Таким образом, биобанкинг, масштабы применения которого растут, неизменно сталкивается с необходимостью поиска оптимальных методов регулирования данного процесса. Углубление внутренних противоречий между индивидуальными интересами и публичными задачами обработки такой информации требует выработки комплексных междисциплинарных подходов, основанных на правовых и биоэтических нормах, ставящих во главу угла человека и достоинство личности.

Биоэтика как комплексная дисциплина, берущая начало в медицинской этике и деонтологии, сегодня выступает основой права и юриспруденции. Она комплексно рассматривает аксиологические дилеммы, вытекающие

¹ What is the Human Genome Project? // URL: <https://www.genome.gov/human-genome-project/What>.

² RTD Projects in Human Genome Analysis // URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/102-rtd-projects-in-human-genome-analysis/it>.

³ EU Countries Will Cooperate in Linking Genomic Databases Across Borders // URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/eu-countries-will-cooperate-linking-genomic-databases-across-borders>.

⁴ Building Genomics GenomDE: National and European Initiatives // URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/roadmap-1million-genomes-initiative-now-clearly-illustrated-new-brochure>.

⁵ Лару Д., Урманцева А. Зов генов: в России появится единая сеть биоресурсных центров // URL: <https://iz.ru/1011294/dmitrii-laru-anna-urmantceva/zov-genov-v-rossii-poiavitsia-edinaia-set-bioresursnykh-tcentrov>.

⁶ Данные в Национальной базе генетической информации будут храниться в обезличенном виде // URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/8689483>.

⁷ Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития генетических технологий // URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/63461>; Путин распорядился создать национальную базу генетической информации // URL: <https://iz.ru/1020643/2020-06-06/putin-rasporiadilsia-sozdat-natsionalnuiu-bazu-geneticheskoi-informatcii>.

из медицинской деятельности и смежных отраслей, в частности связанные с надлежащим использованием генетической и геномной информации; фокусируется на поиске оптимальных решений социальных проблем в функционировании системы здравоохранения и обеспечения благополучия населения в целом; создает методологическую и аксиологическую основу дальнейшей обработки и использования данных, полученных от человека.

Сформулированный И. Кантом философский постулат, в соответствии с которым человек рассматривается как цель, а не как средство, является одновременно и основной парадигмой права, и базисом биоэтики. Отец-основатель биоэтики В. Р. Поттер в 1970 г.

Биоэтика как комплексная дисциплина, берущая начало в медицинской этике и деонтологии, сегодня выступает основой права и юриспруденции

охарактеризовал биоэтику как «новую дисциплину, соединяющую в себе биологические знания и познания человеческих ценностей» [Цит. по: Сайганова 2016]. Он отмечал, что биоэтика – наука выживания, ее главная черта – «формирование рационального поведения человека в условиях меняющегося мира» [Potter 1971]. В связи с этим необходимо согласиться с С. И. Глушковой в том, что при всех различиях биоэтику и право объединяет одно – принцип защиты достоинства личности [Глушкова 2005: 363].

Идея неотчуждаемости человеческого достоинства, его абсолютного приоритета и закрепления в качестве ключевой парадигмы государственной политики как на международном, так и на национальном уровне прослеживается в ключевых документах, устанавливающих универсальные стандарты прав человека, а также в большинстве конституций зарубежных стран.

В преамбуле и основных статьях Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенции о правах человека и биомедицине (далее – Овьедовская конвенция) сказано следующее: «Будучи убеждены в необходимости уважать человека одновременно как индивидуума и в его принад-

лежности к человеческому роду и признавая важность обеспечения его достоинства; памятуя о том, что предосудительное использование биологии и медицины может привести к действиям, которые поставили бы под угрозу человеческое достоинство... стороны настоящей Конвенции защищают достоинство человека и гарантируют каждому без исключения соблюдение целостности личности и других прав и основных свобод в связи с применением достижений биологии и медицины». Эти принципы получают развитие в международных документах, посвященных правовым основам использования, хранения, обращения и распространения геномной информации, включая персональную информацию отдельных категорий (общий принцип недопустимости дискриминации по признаку генетических характеристик, принцип уважения человеческого достоинства, следующий из уникальности и неповторимости человеческой личности, и др.).

Правовое регулирование использования генетической и геномной информации сегодня не сложилось в единый правовой блок с четкой сегментацией и стандартами. Оно, скорее, носит хаотичный, «обрывочный» характер, точно «отзываясь» на появление новейших достижений в указанной сфере. Вместе с тем совершенствование биотехнологий и детализация соответствующих правоотношений обуславливают стремление медицинского и юридического сообщества к унификации правовых и этических норм. Право здесь выступает инструментарием постфактного закрепления появления новых или изменения существующих правоотношений в медицинской области.

На международном уровне права и обязанности участников правоотношений в области генетики и геномики определяют следующие ключевые международно-правовые акты:

Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г.;

Овьедовская конвенция и дополнительные протоколы к ней;

Международная декларация о генетических данных человека 2003 г.;

Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г.;

Конвенция по охране промышленной собственности 1883 г.;

Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии 2010 г. и др.

Как правило, перечисленные и иные важные правовые акты, посвященные исследуемой нами тематике, предусматривают «балансирующие» и «сдерживающие» принципы обращения с геномом и генетической информацией. Эти акты направлены на выполнение либеральной задачи (стимулирование развития научно-биологического прогресса посредством плюралистического диалога) и консервативной (закрепление абсолютного приоритета личности, ее прав, свобод и достоинства над интересами науки и общества).

Значимы в данной области и нормативные правовые акты «мягкого права»: итоговые решения различных органов и организаций по отдельным вопросам (рекомендации Комитета министров Совета Европы, руководства Всемирной организации здравоохранения, декларации Всемирной медицинской ассоциации и др.). Большое внимание в указанных актах уделяется как вопросам генетической идентичности и обработки персональных данных, так и этико-правовым аспектам пределов допустимого использования человеческого биологического материала. В частности, отдельные вопросы использования генетической и геномной информации регулируют:

Директива Европейского парламента и Совета ЕС 1998 г. № 98/44/ЕС «О правовой охране биотехнологических изобретений»¹ (запрещает применение человеческих эмбрионов в промышленных или коммерческих целях, патентование природных продуктов);

Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1996 г. № 1046² (ограничивает в терапевтических целях использование материалов и тканей, полученных из человеческих зародышей и эмбрионов);

Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации «Этические принципы проведения медицинских научных исследова-

ний с участием человека» 1964 г. (закрепляет этические принципы проведения медицинских научных исследований с участием человека, включая обязанности врача по получению информированного согласия и сохранению точности полученных данных) и др.

Среди важнейших российских нормативно-правовых источников регулирования обозначенной сферы необходимо отметить Федеральные законы от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»; от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»; от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»; 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»; от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»; от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» и др.

Неоднократно проблема оптимального этико-правового использования геномной и генетической информации была предметом обсуждения в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Примерами тому могут служить проекты федеральных законов «О биомедицинских исследованиях» (законопроект № 471650-4)³ и «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» (законопроект № 97802181-2)⁴.

Законопроект № 471650-4, концентрирующийся на общих принципах проведения биомедицинских исследований, посвящен получению информированного согласия и особенностям процедуры исследования и обработки персональных данных отдельных лиц и сообществ (беременных женщин, военнослужащих, мигрантов, лиц, задержанных и отбывающих наказание, лиц, страдающих психическими и ментальными расстройствами), включая оптимальный учет научно-ис-

¹ Официальный журнал Европейских сообществ. 1998. № 213. С. 13.

² Parliamentary Assembly. Recommendation 1046 (1986) Use of Human Embryos and Foetuses for Diagnostic, Therapeutic, Scientific, Industrial and Commercial Purposes // URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15080&lang=en#>.

³ Законопроект № 471650-4. О биомедицинских исследованиях. Система обеспечения законодательной деятельности // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/471650-4>.

⁴ Законопроект № 97802181-2. О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения. Система обеспечения законодательной деятельности // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97802181-2>.

следовательских интересов и прав конкретного пациента. В нем также уделено особое внимание этике проведения исследования, предполагающей получение информации о генетических данных. Можно отметить, что биоэтические принципы, отраженные в вышеуказанном проекте, стали продолжением концепции, заложенной в Модельном законе «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах-участниках СНГ» и законопроекте № 97802181-2, в котором не последняя роль отводилась закреплению вопросов генетического тестирования и работы с полученной информацией, установлению пределов вмешательства в геном человека.

Общемировая тенденция к выборочному правовому регулированию проявляется и в Российской Федерации. При этом данный подход в современных условиях прогнозирования последствий и рисков использования генетической и геномной информации не может считаться дефектным. Применение междисциплинарного подхода (с позиций права и биоэтики, лежащей в основе этических медицинских кодексов) к регулированию использования информации подобного вида представляется наиболее востребованным сегодня. Как право, так и биоэтика ставят во главу угла человека, его права, свободы и достоинство, оперируют ценностными и нравственными категориями при регламентации общественных отношений и отношений «врач – пациент», «врач – врач», «врач – пациент – общество». В отношениях между врачом, пациентом и обществом проявляется принцип соблюдения баланса частных и публичных интересов. Имея множественные примеры закрепления указанного баланса Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом Российской Федерации, можно выделить одну из наиболее ярких правовых позиций, высказанную в 2020 г.

Рассматривая вопросы допустимости разглашения персональной информации, составляющей врачебную тайну, в публичных интересах, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что, учитывая необходимость баланса частных и публичных интересов, законодательство «предусматривает случаи, когда допускается предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя,

в частности: в целях проведения медицинского обследования и лечения гражданина, который в результате своего состояния не способен выразить свою волю; при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений; по запросу органов дознания и следствия, суда, органов прокуратуры и уголовно-исполнительной системы» и т. д.¹ Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ и его судьи нередко в своей аргументации обращаются к философским основам медицинской этики и биоэтики.

Рассмотрим два ключевых «проблемных блока» в исследуемой сфере: будущее геномной и персонифицированной медицины, а также проблемы биобанкинга.

Эра геномной медицины, являющейся разновидностью персонифицированной медицины, по мнению многих ученых и врачей, – наше неизбежное будущее. Выступая уникальным явлением биотехнологической революции, она предлагает услуги по профилактической интеграции, основанной на выявлении генов-кандидатов для лечения болезней и разработки диагностических тестов для выявления различного вида рисков. Технология позволяет анализировать многочисленные сложные заболевания, выяснять их этиологию и намечать оптимальные пути лечения, помогает в излечении таких тяжелых заболеваний, как серповидно-клеточная анемия, различные талесемии, муковисцидоз. К примеру, Ник Волкер с диагнозом идиопатического заболевания (болезнь с неизвестной этиологией или механизмом явно спонтанного происхождения), рожденный в 2005 г., к четырехлетнему возрасту регулярно проходивший тяжелые курсы химиотерапии и перенесший 100 процедур общего наркоза, вернулся к нормальной жизни только благодаря обнаружению мутации одного из генов и проведению последующих операции и терапии.

Сегодня тяжелые генетические мутации диагностируются быстрее, а пациенты скорее получают требуемое лечение (больные

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 января 2020 г. № 1-П по делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой.

СМА и другие). Несомненно, эти процессы связаны с наращиванием технологии секвенирования генома (к примеру, в 1989–2003 гг. был расшифрован один геном, к 2007 г. – два, к 2009 г. – девять, к 2011 г. – 20 тыс., к 2013 г. – 100 тыс.¹), ставшей более доступной и востребованной, а также с усовершенствованием методов геномной медицины – появлением «генетических ножниц» CRISPR-Cas9, за которые в 2020 г. Эммануэль Шарпантье и Дженнифер Дудне была присуждена Нобелевская премия по химии.

На первый взгляд, позитивный эффект очевиден, он соответствует всем представлениям о необходимости поддержания человеческой жизни с соблюдением принципов достойного обращения и притязаний человека на достойную жизнь без страданий и на обеспечение качественной медициной. Посыл геномной медицины вписывается в идею о правовой и биоэтической самоценности единственной человеческой жизни и в общественную заботу о публичном здоровье. Использование апробированного метода «генетических ножниц», например, для людей с бета-талассемией (мутацией, вызывающей болезнь крови и анемию) позволит избавить от страданий миллионы людей².

Но для получения результатов манипуляций необходимо формирование банка соответствующей геномной и генетической информации, основанной на экспериментах с эмбрионами (первоначально нежизнеспособными, впоследствии жизнеспособными³). Допустим ли этически сбор информации данного типа посредством манипуляций с эмбрионами, об-

ладающими потенциалом человеческой жизни? Не нарушаем ли мы баланс общественной выгоды, жертвуя тысячами жизней? Здесь как нельзя ярче проявляется единство разных подходов к ценности человеческой жизни (право признает право на жизнь абсолютным и естественным, а в медицине следуют заповеди «Не навреди»). Достойное обращение с человеком, его органами, тканями и клетками – универсальный постулат права и биоэтики. Между тем в отношении морального и правового статуса эмбриона до сих пор ведутся жаркие споры [Федосеева, Фролова 2008; Дронова, Карачун 2017; Момотов 2018; Белова 2019; Дружинина 2017; Зайцева 2012].

Кроме того, не только предмет или объект сбора вышеуказанной информации, но и ее процедуры вызывают научные междисциплинарные дискуссии. Данный факт обусловлен появлением различных непредсказуемых мутаций в отобранных после манипуляций образцах из-за неспецифической активности генов. Согласно ст. 3 Всеобщей декларации о геноме человека и о правах человека геном человека в силу его эволюционного характера подвержен мутациям. В связи с этим «вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека» (ст. 13 Овьедовской конвенции). Следовательно, недопустимы вмешательство в геном человека, влекущее его мутацию, а также любые манипуляции с генами, провоцирующие наследование мутаций и в конечном счете изменение генофонда.

Таким образом, частный исследовательский интерес к сбору генетической и геномной информации, необходимой для дальнейших научных исследований, или частный интерес пациента может провоцировать наложение государственных ограничений на подобные манипуляции в целях защиты общества, в том числе от непредсказуемых мутаций. В данном случае возможность достойного существования индивида или группы может поставить под угрозу всю наследственную линию в целом или определенные уязвимые слои общества.

Самой стремительно развивающейся сферой персонифицированной медицины, при-

¹ The Rise of Genomic Medicine: Rick Leach at TEDxGrandRapids // URL: <https://tedxgrandrapids.org/portfolio-item/the-rise-of-genomic-medicinerick-leach/>.

² Мунгалов Д. Геномная медицина: возможности и ограничения // URL: <https://old.sk.ru/news/b/articles/archive/2015/08/20/genomnaya-medicina-vozmozhnosti-i-ogranicheniya.aspx>.

³ См: эксперименты Института Фрэнсиса Крика по невынашиванию беременности (Niakan K. Niakan Lab Human Embryo and Stem Cell Laboratory // URL: <https://www.crick.ac.uk/research/labs/kathy-niakan/human-embryo-genome-editing-licence>) и эксперимент ученого Хэ Цзянькуя – создание Лулу и Наны, невосприимчивых к ВИЧ (Cohen J. Did CRISPR Help or Harm the First-Ever Gene-Edited Babies? He Jiankui's Attempt to Knock out the CCR5 Gene Was Messy – and So Are Debates about Potential Consequences // URL: <https://www.science.org/content/article/did-crispr-help-or-harm-first-ever-gene-edited-babies>).

меняющей современные биотехнологии, является 3D-биопринтинг, использующий производные тканей человека, содержащие уникальную генетическую информацию реципиента. Адаптивность и индивидуальность этой технологии позволяет «засеять» клеточный каркас собственными клетками пациента с его уникальной генетической информацией [Уильямс 2012], тем самым решая как индивидуальную проблему человека – отторжение органов и тканей, так и сложнейшую публичную проблему – многолетнее ожидание донорского органа (по данным на 2020 г., в листе ожидания донорской почки состояло около 7000 человек, сердца – около 800, печени – чуть более 2000; для этих людей пересадка органов – единственный шанс на достойную жизнь)¹. Так называемое выращивание своих органов из самого себя способно разрешить и сложившуюся в России дилемму по поводу презумпции согласия на изъятие органов. Последняя неоднократно становилась предметом судебных споров между родственниками умершего, действующими в частных интересах и требующими защиты права на достойное обращение с телом умершего и на уважение частной жизни, и медицинской организацией, действующей фактически в общественных интересах².

Общественный запрос на 3D-печать привел к появлению частных инициатив и стартапов в биопринтинге (стали печатать защитные маски, щитки и переходники для соединения масок с вирусно-бактериальными фильтрами). Например, *Prellis Biologics* планирует запустить продажу структур сосудистой ткани, а в дальнейшем – заниматься трансплантацией органов, распечатанных на 3D-принтере³. Представляется, что при потенциальной возможности коммерциализации данной сферы необходимо предус-

¹ 12 главных вопросов о донорстве органов // URL: <https://tass.ru/obschestvo/9355429>.

² Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»

³ Горькова М. В США впервые продают напечатанный на 3D-принтере дом. В каких сферах прижилась технология? // URL: https://echo.msk.ru/blog/gorkova_m/2791446-echo/.

мотреть особый правовой режим хранения образцов клеток, содержащих уникальную генетическую информацию реципиента, в связи с повышенной опасностью угрозы жизни пациента в случае отторжения донорского органа, «засеянного» не собственными уникальными клетками реципиента.

Возникает вопрос: не станет ли вживление в себя собственных органов и тканей на определенном этапе неким соблазном собственному улучшению, тяготеющему к евгенике? Уже сейчас ученые, используя метод биопринтинга, работают над механизмом замены погибших клеток мозга при неврологических расстройствах⁴. Вполне допустима ситуация, при которой в отсутствие надлежащего биоэтического и правового регулирования формально не будет существовать надлежащих ограничений для данной практики. Используя вышеупомянутый метод CRISPR-Cas9, можно редактировать генетическую информацию, содержащуюся в собственных клетках, с целью ее дальнейшего использования по собственному усмотрению, в том числе посредством вживления в свой организм. Возможно ли государственное вмешательство в подобный процесс с целью установления общеобязательных правил поведения, или при указанном вмешательстве будут нарушаться важнейшие принципы биоэтики и медицинского права (автономия личности, ее целостность, информированное согласие, запрет на эксперименты, унижающие человеческое достоинство)?

Представляется, что в данном случае государственное правовое регулирование должно ограничивать подобное «вмешательство в себя». В противном случае, например, люди с синдромом нарушения целостности восприятия собственного тела могут причинить значительный ущерб будущим поколениям, неправомерно и незачинно используя генетическую информацию, заключенную в их собственных клетках. «Первой ласточкой» станет дело о болезни Хантингтона (первое судебное дело в Англии, заключающееся в подаче иска к врачам в связи с тем, что во время беременности истицы они не предо-

⁴ См.: последние исследования Рудольфа Йениша из Уайтхедского института биомедицинских исследований в Кембридже (URL: <https://cureal.org/researchers/rudolf-jaenisch/>).

ставили информацию о генетических мутациях ее отца, которые бы могли стать причиной ее аборта)¹. Учитывая также, что в судебной практике одобряется патентование комплементарной ДНК², можем представить масштабы биоэтических и правовых дискуссий не столько о патентоспособности объекта [Сорокина, Пономарева 2020; Новоселова, Кольздорф 2020], сколько о правомерности изменения генетического кода и генома человека [Каюмова 2019; Блинов, Лапунин 2020], особенно об адекватном использовании и хранении данной информации.

Банки информации, используемые персонифицированной и геномной медициной, тесно соприкасаются с биобанками. Биобанки – специальные криохранилища биологического материала с коллекциями образцов по различным нозологическим направлениям и одновременно места проведения комплексных исследований на эпидемиологическом, геномном и протеомном уровнях, молекулярно-генетических исследований любой сложности – становятся распространенными явлением. Несмотря на то что суммарный объем хранения образцов в российских биобанках не превышает миллиона (это сопоставимо с объемом хранения одного европейского биобанка средней мощности)³, развитие биобанкинга заявлено в качестве стратегической цели во внутренней политике. Согласно Указу Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» создание сети биобанков, депозитариев биологических материалов человека и коллекций патогенных микроорганизмов наряду с развитием персонифицированной медицины и разработкой современных молекулярно-генетических методов прогнозирования, диагностики и мониторинга течения заболеваний заявлены как приоритетные задачи развития

здравоохранения в Российской Федерации до 2025 г. Создана Национальная ассоциация биобанков и специалистов по биобанкированию (НАСБИО), работают Национальный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова, Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России, «Центр Биобанк» СПбГУ и ООО «Национальный БиоСервис»⁴.

Трудности развития указанной сферы лежат в оптимизации процессов регулирования и унификации стандартов (включая правовые принципы и подходы) в правоотношениях по обмену данными. В настоящее время, в частности, обсуждаются вопросы правовой и отраслевой стандартизации сбора, обработки и хранения образцов.

Бесспорно, стандартизация как метод регулирования данной сферы оправдана, ей пользуется и право, устанавливая в правовых нормах общеобязательные правила поведения, и биоэтика, формируя стандартизированное этическое отношение к тем или иным процессам. Благая публичная цель применения этого метода очевидна, но если, к примеру, обратиться к опыту Исландии или США, то преимущества стандартизации в использовании генетической и геномной информации, содержащейся в генетическом материале, становятся не столь очевидными.

В частности, конфиденциальная информация о человеке содержащаяся биологических образцах, не подлежит разглашению. Тем не менее, например, в деле *California Cryobank*⁵, являющегося одним из самых популярных банков спермы в США, оспаривалась анонимность донорства вследствие продажи материала ненадлежащего качества от донора, страдающего серьезными заболеваниями почек, и неразглашения этой информации реципиенту. Апелляционный суд пришел к выводу, что анонимность донора не может быть личным абсолютным правом, не подлежащим ограни-

¹ Woman Who Inherited Fatal Illness to Sue Doctors in Groundbreaking Case // URL: <https://www.theguardian.com/science/2018/nov/25/woman-inherited-fatal-illness-sue-doctors-groundbreaking-case-huntingtons> (см. также: Правовые проблемы использования технологий в сфере генома человека: международные стандарты и Россия // URL: <https://eulaw.edu.ru/wp-content/uploads/2019/10/rezultaty-simpozium-1.pdf>. С. 151).

² Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, Inc., 569 U. S. 576 (2013).

³ Биобанкинг в России // URL: <http://www.inventica.ru/post/biobanking-v-rossii>.

⁴ Биобанкинг в России.

⁵ Johnson v. Superior Court (California Cryobank, Inc.) (2002) № B155896. Second Dist., Div. Two. Aug. 30, 2002 // URL: <https://law.justia.com/cases/california/court-of-appeal/4th/101/869.html>. См. также: *Marquis J. Court Limits Anonymity of Sperm Donors* // URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2000-may-20-mn-32035-story.html>.

чению, а должна быть оценена наряду с генетическим ущербом для будущего ребенка.

Данное судебное разбирательство вызвало среди ученых Гарвардской школы права и Центра биоэтики Гарвардской медицинской школы оживленные дискуссии о правомерности универсального подхода к анонимности информации, хранящейся в биобанках, так как нераскрытие подобной информации, особенно для жителей компактных территорий, может привести к серьезным нарушениям в их геноме путем близкородственного скрещивания. Как следствие, предлагалось на основе биоэтики и права выработать оптимальную правовую модель регулирования подобных ситуаций с целью удовлетворения общественного запроса на сохранение здоровья населения определенной местности.

В Исландии частная компания *deCODE* провела эксперимент с целью сбора уникальной базы данных генетической и геномной информации. Эксперимент преследовал благие общественные цели: совершенствование геномной медицины, особенно лечения орфанных (редких) или эндемических (встречающихся только в определенной местности) заболеваний; уменьшение государственных затрат на обеспечение системы здравоохранения. Однако достичь этих целей невозможно без сбора максимально большой клинической базы. Подобное использование информации оказалось в конфронтации с правом лица на неприкосновенность частной жизни в части возможности исключения из общих баз сведений о заболеваниях своих близких родственников.

Указанная проблема стала предметом судебного разбирательства в деле *Ragnhildur Guðmundsdóttir vs. The State of Iceland*. Истец

требовала исключения из общей базы данных биоданных ее отца в связи с тем, что на основе указанной информации могут быть нарушены интересы ее несовершеннолетней дочери. Отдавая предпочтение требованию об обеспечении реализации права на неприкосновенность частной жизни, Верховный суд Исландии отметил, что исходит из того, что информация о конкретном человеке может быть «выведена» из таких данных, касающихся наследственных признаков близких родственников (отца). Фактически своим решением Верховный суд Исландии признал, что Закон о базе данных № 139/1998 является неконституционным ввиду необеспечения им надлежащей защиты личной жизни¹.

Таким образом, опыт нормативного регулирования использования генетической и геномной информации и судебная практика свидетельствуют о том, что необходимо применять взвешенный подход к определению приоритетности частных или публичных интересов как в конкретном случае, так и при регулировании определенной сферы общественных отношений. При всех очевидных и существенных различиях между собой, право и биоэтика при разрешении спорной ситуации, думается, должны опираться на аксиологическую парадигму о приоритете человеческого достоинства, зафиксированную в международных стандартах в указанной области и в этических медицинских кодексах. Это позволит сделать шаги к обеспечению баланса личных и публичных интересов.

¹ Icelandic Supreme Court, № 151/2003, 27 November, 2003. См. также: *Сорокина Е. М.* Запрет на использование ДНК умерших родственников при создании баз данных на примере судебной практики Исландии // URL: <https://eulaw.edu.ru/wp-content/uploads/2019/10/rezultaty-simpozium-1.pdf>.

Список литературы

- Potter V. R.* Bioethics: Bridge to the Future. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1971. 196 p.
- Белова Д. А.* Правовая природа эмбриона in vitro // Lex russica. 2019. № 6. С. 122–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.122-130.
- Блинов А. Г., Лапунин М. М.* Пределы вмешательства уголовного права в сферу исследования генома человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 804–831. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-804-831
- Глушкова С. И.* Права человека в России: учеб. пособие. М.: Юрист, 2005. 494 с.
- Дронова С. А., Карачун А. В.* Запретить нельзя разрешить: конституционно-правовое регулирование абортов // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 58–62.

Дружинина Ю. Ф. Правовой режим эмбриона in vitro // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 129–140. DOI: 10.12737/article_5a200506899599.19842755.

Зайцева А. М. Начало жизни человека как граница конституционной правоспособности // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 17–24.

Каюмова А. Р. Защита прав человека в контексте применения современных биотехнологий: некоторые проблемы // Юрист. 2019. № 1. С. 64–71. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-1-64-71.

Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (вспомогательные репродуктивные технологии) // Российское правосудие. 2018. № 12. С. 42–52.

Новоселова Л. А., Кольздорф М. А. Генетическая информация как объект интеллектуальных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 290–321. DOI: 10.17072/1995-41902020-48-290-321.

Сайганова В. С. Социокультурные предпосылки и духовные основания биоэтики как практической философии человеческой жизнедеятельности // Биоэтика и современные проблемы медицинской этики и деонтологии: материалы Республ. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Витебск, 2 декабря 2016 г.). Витебск: ВГМУ, 2016.

Сорокина Е. М., Пономарева Д. В. Правовые аспекты патентования генома человека на примере законодательного и судебного регулирования Австралии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 125–131. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.125–131.

Уильямс Р. Вырастить себе тело // Наука в фокусе. 2012. № 10.

Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбрионов в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36–40.

Ирина Юрьевна Крылатова – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, директор Центра биоэтики и права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: irina180582@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4624-998X

The Interdisciplinary Approach to Balancing Private and Public Interests in Using Genomic and Genetic Information

Contemporary society has become an active user of biomedical technologies, and genomic and genetic information. This information is a source of improvement for personalized medicine and further development of medical science initiatives. On the one hand, appropriate implementation of genetic and genomic information rises the quality of life and medical help which is reflected in the concept of private or best patient interests. On the other hand, misuse of such data might lead to genetic discrimination based on personal information. With this respect human dignity should be a core priority in moral and legal regulation of personalized medicine and biobanking.

This paper reviews practice of adhering to the principle of balance of private and public interests in using genomic and genetic information, as well as promises and perils of such using. Starting with the international regulation (including soft law regulation) of using, extraction, processing and saving genomic and genetic information the author indicates the leading role of bioethical principles in legal regulation of this sphere. The author overviews the advantages and disadvantages in changing priorities from private rights to public needs and the opposite. Legal norms, judicial and medical practice show, that there is a positive tendency in the development of the interdisciplinary mechanisms in using genetic and genomic information based on adequate protection of human rights and personal dignity.

Keywords: genome, genetic information, biobanking, bioethics, balance of private and public interests, human dignity

Recommended citation

Krylatova I. Yu. Mezhdistsiplinarnyi podkhod k soblyudeniyu balansa chastnykh i publichnykh interesov pri ispol'zovanii geneticheskoi i genomnoi informatsii [The Interdisciplinary Approach to Balancing Private and Public Interests in Using Genomic and Genetic Information], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 40–51, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_40.

References

Belova D. A. Pravovaya priroda embriona in vitro [The Legal Nature of the Embryo In Vitro], *Lex russica*, 2019, no. 6, pp. 122–130, DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.122-130.

Blinov A. G., Lapunin M. M. Predely vmeshatel'stva ugovnogo prava v sferu issledovaniya genoma cheloveka [The Limits of Criminal Law Interference in the Field of Human Genome Research], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2020, no. 4, pp. 804–831, DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-804-831.

Dronova S. A., Karachun A. V. Zapretit' nel'zya razreshit': konstitutsionno-pravovoe regulirovanie abortov [Prohibition Cannot Be Allowed: Constitutional and Legal Regulation of Abortions], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, no. 6, pp. 58–62.

Druzhinina Yu. F. Pravovoi rezhim embriona in vitro [Legal Regime of the Embryo in Vitro], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2017, no. 12, pp. 129–140, DOI: 10.12737/article_5a200506899599.19842755.

Fedoseeva N. N., Frolova E. A. Problema opredeleniya pravovogo statusa embrionov v mezhdunarodnom i rossiiskom prave [The Problem of Determining the Legal Status of Embryos in International and Russian Law], *Meditsinskoe pravo*, 2008, no. 1, pp. 36–40.

Glushkova S. I. *Prava cheloveka v Rossii* [Human Rights in Russia], Moscow, Yurist, 2005, 494 p.

Kayumova A. R. Zashchita prav cheloveka v kontekste primeneniya sovremennykh biotekhnologii: nekotorye problemy [Protection of Human Rights in the Context of the Application of Modern Biotechnologies: Some Problems], *Yurist*, 2019, no. 1, pp. 64–71, DOI: 10.18572/1812-3929-2019-1-64-71.

Momotov V. V. Bioetika v kontekste zakonodatel'stva i pravoprimeneniya (vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii) [Bioethics in the Context of Legislation and Law Enforcement (Assisted Reproductive Technologies)], *Rossiiskoe pravosudie*, 2018, no. 12, pp. 42–52.

Novoselova L. A., Kol'zdorf M. A. Geneticheskaya informatsiya kak ob'ekt intellektual'nykh prav [Genetic Information as an Object of Intellectual Property Rights], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2020, no. 2, pp. 290–321, DOI: 10.17072/1995-41902020-48-290-321.

Potter V. R. *Bioethics: Bridge to the Future*, Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1971, 196 p.

Saiganova V. S. Sotsiokul'turnye predposylki i dukhovnye osnovaniya bioetiki kak prakticheskoi filosofii chelovecheskoi zhiznedeyatel'nosti [Socio-Cultural Prerequisites and Spiritual Foundations of Bioethics as a Practical Philosophy of Human Activity], *Bioetika i sovremennye problemy meditsinskoi etiki i deontologii* [Bioethics and Modern Problems of Medical Ethics and Deontology]: conference papers, Vitebsk, VGMU, 2016.

Sorokina E. M., Ponomareva D. V. Pravovye aspekty patentovaniya genoma cheloveka na primere zakonodatel'nogo i sudebnogo regulirovaniya Avstralii [Legal Aspects of Patenting the Human Genome on the Example of Legislative and Judicial Regulation in Australia], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2020, no. 10, pp. 125–131, DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.125-131.

Uil'yams R. Vyrastit' sebe telo [Grow a Body for Yourself], *Nauka v fokuse*, 2012, no. 10.

Zaitseva A. M. Nachalo zhizni cheloveka kak granitsa konstitutsionnoi pravosposobnosti [The Beginning of a Person's Life as the Boundary of Constitutional Legal Capacity], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2012, no. 10, pp. 17–24.

Irina Krylatova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, director of the Center of Bioethics and Law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: irina180582@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4624-998X

Дата поступления в редакцию / Received: 04.09.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 29.10.2021

Е. А. Кравцова

Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина
(Белгород)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С НАСЕЛЕНИЕМ

Главной целью работы законодательных (представительных) органов субъектов РФ является выражение воли народа путем принятия нормативных актов, регулирующих отношения в обществе. Поэтому данные органы должны наиболее тесно взаимодействовать с населением. В статье рассматриваются непосредственные способы взаимодействия населения с законодательными органами субъектов РФ: обращение в законодательный орган (в том числе в электронной форме), проведение общественных слушаний, внесение законодательной инициативы, а также опосредованные способы взаимодействия через органы местного самоуправления и общественные палаты. Анализируются степень популярности каждого способа у населения, а также проблемы, возникающие при его реализации.

При написании статьи использовались статистический метод, методы сравнительного анализа и синтеза. Сделан общий вывод о том, что в настоящий момент граждане не проявляют особого желания сотрудничать как с законодательными органами субъектов РФ, так и с органами государственной власти в целом.

Ключевые слова: конституционное право, гражданское общество, законодательные органы субъектов РФ, взаимодействие, население субъекта РФ

Для цитирования

Кравцова Е. А. Взаимодействие законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации с населением // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 52–57. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_52.

УДК 342.52

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_52

Статья 3 Конституции РФ устанавливает, что единственным источником власти является народ, который может реализовывать свою власть как непосредственно, так и опосредованно – через органы государственной власти. На уровне субъектов РФ главным выразителем интересов населения выступают законодательные (представительные) органы, что обуславливает необходимость их тесного взаимодействия с жителями региона. Это взаимодействие начинается уже на стадии формирования законодательного органа: при проведении избирательной кампании каждый кандидат в депутаты должен убедить жителей своего избирательного округа в том, что именно он будет наиболее эффективно представлять их интересы в законодательном органе.

После избрания депутатов в состав законодательного органа взаимодействие с населением продолжается через общественные организации, средства массовой информации, различные электронные площадки, органы местного самоуправления (далее – органы МСУ), а также путем непосредственного контакта с населением.

Анализ форм и способов взаимодействия показывает, что не все из них населением востребованы. Так, традиционно низким спросом пользуется проведение общественных слушаний по региональным законопроектам. Отзывы на законопроекты, «вывешенные» для обсуждения на сайтах законодательных органов власти субъектов РФ, носят единичный характер. А. В. Сивопляс считает, что

данная ситуация вызвана в первую очередь низким уровнем информированности населения о проведении слушаний, несовершенством механизма их проведения [Сивопляс, Бородина 2018: 72]. Соглашаясь с его мнением, хотим отметить, что низкий интерес к принимаемым на региональном уровне законам обусловлен также низкой социальной активностью населения в целом и его неверием в то, что его мнение может быть услышано и учтено законодателем при принятии законов.

Гораздо более популярны обращения граждан в законодательный орган с просьбами о решении своих проблем. И. Ю. Крылатова отмечает, что «выполняя роль посредника между избирателем, с его частными интересами, и властными органами, депутат становится медиатором в решении злободневных вопросов, чем и объясняется особая популярность обращений к нему» [Крылатова 2018: 40]. Так, в Законодательное собрание Свердловской области в 2018 г. поступило 1857 обращений граждан, в 2019 г. – 1847, в 2020 г. – 13621. В Воронежскую областную Думу в 2018 г. поступило 1297 обращений, в 2019 г. – 1202, в 2020 г. – 1513².

Вместе с тем при взаимодействии с населением в данной форме возникают проблемы. Так, обращения граждан в законодательные органы субъектов РФ, даже если они направлены в адрес законодательного органа, а не конкретного депутата, передаются для рассмотрения тому депутату, который представляет интересы избирательного округа, где живет обращающееся за помощью лицо. Чаще всего это депутаты, избранные по одномандатным избирательным округам. Избрание депутатов по партийным спискам возможно без «привязки» к конкретной территории. В таком случае считается, что депутат является представителем интересов населения всего региона. Однако тогда, как правило, депутат теряет непосредственную связь с населением. В частности, он не рассматривает обращения граждан, поскольку конкретная территория за ним не закреплена.

Для решения указанной проблемы регионы стали «разбивать» списки депутатов на

территориальные группы. Так, с 2003 г. (введение пропорциональной системы при выборах в законодательные органы субъектов РФ) по 2009 г. постепенно деление партийных списков депутатов на территориальные группы было введено почти в половине субъектов РФ [Кынев 2009: 71]. В 2010 г. возможность субъектов при формировании партийных списков кандидатов в депутаты устанавливать «привязку» кандидатов к конкретным округам была зафиксирована в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В настоящее время такая практика осуществляется в большинстве субъектов РФ, в том числе в Белгородской, Нижегородской, Свердловской, Тюменской, Самарской, Ленинградской и других областях.

С развитием технологий все большую популярность набирают обращения граждан в законодательные органы субъектов РФ в электронной форме.

Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон об обращениях) допускает обращение граждан в органы государственной власти в электронной форме, устанавливает правила их оформления и обязывает органы государственной власти давать на них ответ также в электронной форме с соблюдением других правил, предусмотренных названным законом.

Специальные сервисы, позволяющие гражданам подать в законодательные органы субъектов РФ обращение в электронной форме, есть в каждом регионе. Они встроены в официальные сайты законодательных органов субъектов РФ, а также могут содержаться в других электронных ресурсах, разрабатываемых для осуществления взаимодействия органов государственной власти с населением. Так, в Белгородской области действует сайт «Черный список Белгородской области», на котором каждый желающий может оставить обращение по поводу работы любого органа государственной власти, а также обозначить проблему, требующую решения со стороны указанных органов. О. В. Брежнев отмечает, что «граждане активно используют альтернативные способы обращения к различным должностным лицам органов власти» [Бреж-

¹ Отчеты о деятельности Законодательного собрания Свердловской области // URL: <http://zssso.ru>.

² Информационно-аналитические отчеты об обращениях граждан // URL: <http://www.vrnoblduma.ru/svedeniya/statistika-obrashcheniy-grazhdan/index.php>.

нев 2019: 55]. Несмотря на то что данные обращения не имеют официального статуса, не регистрируются и рассмотрение их не является обязательным согласно Закону об обращениях, часто они выступают наиболее эффективным инструментом взаимодействия с органами государственной власти в силу своей публичности.

Главная функция представительных органов власти субъектов РФ – принятие законов, соответствующих интересам населения региона. Однако если в ст. 26 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон

с законодательными органами субъектов РФ, в первую очередь в сфере правотворчества, чтобы законодательный орган «не забывал, от кого получил свои полномочия и для кого работает» [Авакьян 2006: 10].

Как уже было указано, население взаимодействует с законодательными органами субъектов РФ не только непосредственно, но и опосредованно. Специально для взаимодействия населения с законодательными органами субъектов РФ была создана Общественная палата. Идея ее создания была выдвинута В. В. Путиным в 2004 г. В 2005 г. был принят закон, регулирующий деятельность данного органа на федеральном уровне¹, а в 2016 г. – закон, регулирующий основы организации и деятельности общественных палат субъектов РФ² и устанавливающий обязательность их учреждения в субъектах РФ и основы их правового статуса. Согласно его ст. 1 общественные палаты субъектов РФ создаются для организации взаимодействия населения с органами государственной власти, а также контроля за их деятельностью. Как показывает практика, наиболее тесно общественные палаты сотрудничают с законодательными органами субъектов РФ, проводя общественную экспертизу вносимых в законодательные органы законопроектов, участвуя в их обсуждении и осуществляя мониторинг эффективности действия принятых региональных законов.

Несмотря на то что многие современные ученые положительно оценивают деятельность общественных палат субъектов РФ, представляется, что в силу своего правового статуса общественные палаты не могут обеспечивать реальное и эффективное взаимодействие населения с законодательными органами субъектов РФ. Данное утверждение вытекает из двух положений Закона № 183-ФЗ.

Во-первых, общественные палаты формируются органами государственной власти субъекта РФ (треть – законодательными органами, треть – главой региона, и еще треть – утвержденными членами палаты). По факту органы государственной власти формируют данный орган «под себя». Сле-

¹ Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2016 г.) «Об Общественной палате Российской Федерации».

² Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ (в ред. от 15 октября 2020 г.) «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» (далее – Закон № 183-ФЗ).

Представляется, что в силу своего правового статуса общественные палаты не могут обеспечивать реальное и эффективное взаимодействие населения с законодательными органами субъектов РФ

№ 131-ФЗ) прямо предусмотрена возможность населения муниципального образования вносить правотворческие инициативы в органы МСУ, то в ст. 6 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Закон № 184-ФЗ) устанавливается не обязанность, а право субъектов РФ наделять население региона правом законодательной инициативы. О. А. Фомичева пишет, что в том или ином виде народная правотворческая инициатива предусматривается в каждом субъекте РФ [Фомичева 2018: 242]. Помимо наделяния населения региона правом законодательной инициативы в конституциях и уставах субъектов РФ, во многих субъектах приняты специальные законы, устанавливающие механизм реализации данного права. В некоторых субъектах законодательным инициативам населения придан особый статус. Так, в Тамбовской области законопроект, внесенный гражданами в порядке реализации права законодательной инициативы, рассматривается в первоочередном порядке.

С. А. Авакьян еще в 2006 г. отметил, что населению необходимо тесно взаимодейство-

довательно, его позиция изначально будет совпадать с позицией органов государственной власти. При этом поскольку законодательные органы субъектов РФ избираются непосредственно населением, и переизбрание депутата на новый срок зависит от мнения о нем избирателей, можно утверждать, что у законодательных органов субъектов РФ связь с населением более тесная, чем у общественных палат.

Во-вторых, решения общественных палат имеют рекомендательный характер. И закон не обязывает органы государственной власти субъекта РФ рассматривать и учитывать в своей деятельности решения, принятые общественными палатами. Как справедливо замечает А. И. Лапшина, «подобная ситуация свидетельствует об опасности создания в России лишь иллюзии развития общественного контроля и возможности общества реально влиять на развитие государства» [Лапшина 2015: 97].

Думается, что Закон № 183-ФЗ необходимо дополнить нормами об обязательном рассмотрении заключительных документов общественной палаты органами государственной власти в месячный срок и принятии по ним решения. Если принято отрицательное решение, то следует направить в общественную палату мотивированный отказ, который можно было бы оспорить в судебном порядке. Только благодаря этому у общественных палат появится реальная возможность влияния на процессы, происходящие в обществе и государстве.

Отдельно хотелось бы рассмотреть взаимодействие законодательных органов с органами МСУ. Статья 130 Конституции РФ гласит, что МСУ обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения. В связи с принятием поправок к Конституции, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., органы МСУ «встроены» в единую систему публичной власти в России и должны взаимодействовать с органами государственной власти

для наиболее эффективного решения вопросов местного значения и выражения интересов населения в органах государственной власти.

Способы и формы взаимодействия законодательных органов субъектов РФ с органами МСУ федеральным законодательством не предусмотрены. На практике это взаимодействие осуществляется в разнообразных формах и может затрагивать широкий спектр вопросов, касающихся МСУ. Представляется, что, учитывая поправки к Конституции и обозначенную в ней необходимость тесного сотрудничества органов МСУ с органами государственной власти, целесообразно закрепить в Законе № 184-ФЗ или Законе № 131-ФЗ способы и формы такого сотрудничества. В частности, можно обязать органы государственной власти рассматривать обращения органов МСУ, разрешить представителям органов МСУ присутствовать на заседаниях представительного органа субъекта РФ и высшего органа исполнительной власти РФ, предусмотреть иные полномочия, направленные на обеспечение непрерывного взаимодействия органов МСУ и органов государственной власти для удовлетворения интересов населения.

Подведем итоги. Несмотря на значительное количество возможностей по взаимодействию населения с законодательными органами субъектов РФ, в том числе оказанию влияния на процесс правотворчества, активность населения в данной сфере деятельности невелика, как и общее желание граждан сотрудничать с органами государственной власти и участвовать в политической жизни страны. Инициаторами налаживания диалога с населением, как правило, выступают органы государственной власти. Данная ситуация связана с традиционно низким доверием населения к органам государственной власти, с игнорированием предлагаемых населением решений актуальных проблем субъектов РФ, преобладанием экономических интересов над интересами общества.

Список литературы

Авакьян С. А. Общественный фактор в законотворчестве: некоторые проблемы и предложения // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3. С. 8–13.

Брежнев О. В. Проблемы правового регулирования использования информационно-коммуникационных технологий для обеспечения взаимодействия органов власти и населения в Российской Федерации // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 4. С. 54–70.

Крылатова И. Ю. Отдельные аспекты правового статуса депутата законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации // Закон и право. 2018. № 3. С. 39–42.

Кынев А. В. Территориальные группы партийных списков на выборах в российских регионах: сценарии и угрозы // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2009. № 1. С. 69–95.

Лапина А. И. Правовые последствия общественного контроля за деятельностью органов государственной власти // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 95–102.

Сиволяс А. В., Бородина И. Н. О развитии форм непосредственной демократии в современной России // Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной Дню юриста / отв. ред. Е. П. Чернопол, И. Н. Бородина. Курган: Курган. гос. ун-т, 2018. С. 71–78.

Фомичева О. А. Права гражданина в механизме законотворчества // Верность Конституции: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рождения Н. В. Витрука. М.: РГУП, 2018. С. 239–247.

Елена Александровна Кравцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, Белгородская область, Белгород, ул. Горького, д. 71. E-mail: 543375@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0979-2545

Interaction of Legislative (Representative) Bodies of the Subjects of the Russian Federation with the Population

The main purpose of the legislative (representative) bodies of the subjects of the Russian Federation is to express the will of the people by adopting normative acts regulating social relations. Therefore, these bodies should work closely with the population. The paper deals with the direct ways of people's interaction with the legislative bodies of the subjects of the Russian Federation, such as applying to the legislative body (including electronically), holding public hearings, introducing legislative initiatives, as well as the indirect ways of interaction through local self-government bodies and public chambers. The degree of popularity of each way among the population is analyzed, as well as the problems that arise during its implementation.

The paper uses the statistical method, methods of comparative analysis and synthesis. The author makes a general conclusion that today citizens do not show much desire to cooperate both with the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation, and with public authorities in general.

Keywords: constitutional law, civil society, legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation, interaction, population of the constituent entity of the Russian Federation

Recommended citation

Kravtsova E. A. Vzaimodeistvie zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) organov sub'ektov Rossiiskoi Federatsii s naseleniem [Interaction of Legislative (Representative) Bodies of the Subjects of the Russian Federation with the Population], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 52–57, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_52.

References

Avak'yan S. A. Obshchestvennyi faktor v zakonotvorchestve: nekotorye problemy i predlozheniya [Social Factor in Lawmaking: Some Problems and Proposals], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2006, no. 3, pp. 8–13.

Brezhnev O. V. Problemy pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii dlya obespecheniya vzaimodeistviya organov vlasti i naseleniya v Rossiiskoi Federatsii [Problems of Legal Regulation of the Use of Information and Communication

Technologies to Ensure Interaction between the Authorities and the Population in the Russian Federation], *Kommunikologiya*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 54–70.

Fomicheva O. A. *Prava grazhdanina v mekhanizme zakonotvorchestva* [Citizens' Rights in the Mechanism of Lawmaking], *Vernost' Konstitutsii* [Fidelity to the Constitution]: conference papers, Moscow, RGUP, 2018, pp. 239–247.

Krylatova I. Yu. Otdel'nye aspekty pravovogo statusa deputata zakonodatel'nogo (predstavitel'nogo) organa sub'ekta Rossiiskoi Federatsii [Certain Aspects of the Legal Status of a Deputy of the Legislative (Representative) Body of a Constituent Entity of the Russian Federation], *Zakon i pravo*, 2018, no. 3, pp. 39–42.

Kynev A. V. Territorial'nye gruppy partiinykh spiskov na vyborah v rossiiskikh regionakh: stsennarii i ugrozy [Territorial Groups of Party Lists in Elections in Russian Regions: Scenarios and Threats], *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie protsessy*, 2009, no. 1, pp. 69–95.

Lapshina A. I. Pravovye posledstviya obshchestvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu organov gosudarstvennoi vlasti [Legal Consequences of Public Control over the Activities of Public Authorities], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2015, no. 11, pp. 95–102.

Sivoplyas A. V., Borodina I. N. *O razvitii form neposredstvennoi demokratii v sovremennoi Rossii* [On the Development of Forms of Direct Democracy in Modern Russia], Chornovol E. P., Borodina I. N. (eds.) *Rossiiskaya pravovaya sistema v kontekste obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: teoriya i praktika* [Russian Legal System in the Context of Ensuring Human and Civil Rights and Freedoms: Theory and Practice]: conference papers, Kurgan, Kurgan. gos. un-t, 2018, pp. 71–78.

Elena Kravtsova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil law, Belgorod Judicial Institute of Ministry of Internal Affairs. 308024, Russian Federation, Belgorod, Gor'kogo str., 71. E-mail: 543375@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0979-2545

Дата поступления в редакцию / Received: 03.10.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 11.11.2021

И. Н. Харинов

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА КОМФОРТНУЮ ГОРОДСКУЮ СРЕДУ*

На повестку дня выходят вопросы о том, как сделать города более комфортными для жителей и повысить индекс качества городской среды, какие правовые механизмы стоит использовать для обеспечения комфортной городской среды и т. д. В настоящей статье, в частности, рассматриваются отдельные индикаторы, на которых основан расчет индекса качества городской среды, в контексте современного законодательства, правоприменительной и судебной-арбитражной практики.

Методологическую основу исследования составили как общенаучные методы (анализ, обобщение, синтез, сравнение, описательный, формально-логический методы), так и частнонаучный метод (специально-юридический).

Сделан вывод о том, что право на комфортную городскую среду включает в себя подлежащее судебной защите субъективное публичное право требования от органов публичной власти не только поддерживать в надлежащем состоянии, но и в принципе создать сам объект публичного значения (публичной собственности), указанный в документах территориального планирования. При этом в качестве усиления гарантий защиты частных лиц по публично-правовым спорам анализируемой категории предлагается применять в отношении органов государственной администрации институт судебной неустойки.

Ключевые слова: комфортная городская среда, индикаторы, озелененные территории, территории общего пользования, инфраструктура, публичная собственность, публичные услуги, документы территориального планирования, субъективные публичные права, судебная защита прав граждан, астрент

Для цитирования

Харинов И. Н. Проблемы защиты права на комфортную городскую среду // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 58–64. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_58.

УДК 349.41

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_58

Показатели эффективности в сфере градостроительной деятельности так или иначе являются одним из критериев оценки работы губернаторов (критерий «Доля городов с благоприятной городской средой» – Указ Президента РФ от 25 апреля 2019 г. № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной вла-

сти субъектов Российской Федерации») и глав муниципальных образований (критерий «Удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района)» – Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»). Кроме того, они учитываются в рейтинге Всемирного банка *Doing Business* («Ведение бизнеса»).

Среди индикаторов для расчета индекса качества городской среды (Методика формирования индекса качества городской среды: утв. распоряжением Правительства РФ

* Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Современное градостроительство: модернизация правового регулирования», отобранного по итогам конкурса научных проектов ведущих научных школ УрГЮУ 2020 г.

от 23 марта 2019 г. № 510-р) следует выделить те, которые характеризуют качество публичных услуг [Харинов 2019: 88–92, 181–219]. Прежде всего это доля озелененных территорий общего пользования (согласно приказу Минэкономразвития России от 15 февраля 2021 г. № 71 «Об утверждении Методических рекомендаций по подготовке нормативов градостроительного проектирования» это территории, используемые для рекреации населения муниципальных образований: парки, сады, скверы, бульвары, набережные, озелененные участки при общегородских торговых и административных центрах, лесопарки и другие рекреационно-природные территории) в общей площади зеленых насаждений; обеспеченность спортивной инфраструктурой; доля освещенных частей улиц, проездов, набережных на конец года в общей протяженности улиц, проездов, набережных.

Речь идет о парках и скверах, спортивных площадках и сооружениях, а также об уличных фонарях для освещения дорог и тротуаров, которые бесспорно относятся к публичному имуществу (вещам) общего пользования (см. о природе публичных вещей в немецкой и французской науке: [Allgemeines Verwaltungsrecht 2010: 856; Auby, Von, Auby 2003: 32–33], а также в советской и отечественной административно-правовой доктрине: [Винницкий 2009; Карадже-Искров 1927]).

В России гарантируется свобода пользования общедоступным публичным имуществом (в части озелененных территорий общего пользования: п. 1 ст. 262 Гражданского кодекса РФ, п. 12 ст. 85 Земельного кодекса РФ, п. 12 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ). Возникают закономерные вопросы о перспективах создания объектов публичной собственности для удовлетворения интересов неопределенного круга частных лиц.

В правоприменительной практике выработан однозначный подход, согласно которому ключевая роль местного самоуправления сводится к решению вопросов местного значения, а также к владению, пользованию и распоряжению муниципальной собственностью, что в итоге направлено на организацию жизнеобеспечения населения соответствующих территорий (Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2010 г. № 22-П). При этом публичная администрация, а именно органы государственной власти

и органы местного самоуправления, не просто вправе, но и обязана выполнять в области экономических отношений контрольную функцию, которая по сути производна от организующего и регулирующего воздействия государства на общественные отношения (Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2008 г. № 10-П; постановление Президиума ВАС РФ от 10 августа 2004 г. по делу № А34-2110/03-С10).

Таким образом, субъективное право граждан требовать от органов публичной власти обеспечить надлежащее состояние или ремонт рассматриваемых объектов публичной собственности прямо вытекает из функций и задач деятельности публичной власти. Однако для ответа на вопрос о наличии у граждан права потребовать именно создать объект публичной собственности, на базе которого будут предоставляться публичные услуги, нужен более глубокий анализ.

Так, после принятия Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 131-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации» в Градостроительный кодекс РФ было введено понятие так называемых нормативов градостроительного проектирования. В зависимости от уровня (региональные или местные) они должны устанавливать показатели минимально допустимого уровня обеспеченности населения объектами регионального и местного значения, а также показатели максимально допустимого уровня территориальной доступности таких объектов для населения субъектов РФ и муниципальных образований (глава 3.1 ГрК РФ).

Примечательно, что незадолго до внесения в ГрК РФ указанных изменений мнение о необходимости нормативного урегулирования вопроса о количественном параметрировании инфраструктуры предоставления публичных услуг (по сути о нормативах градостроительного проектирования) высказывалась в науке в контексте закрепления стандартов обеспеченности территории объектами публичной собственности [Винницкий 2013: 283–285].

Какое же значение играют нормативы градостроительного проектирования? Исходя из буквального толкования ГрК РФ они *лишь учитываются* при подготовке проекта схемы территориального планирования субъекта РФ (ч. 1.1 ст. 15), при подготовке

и утверждении схемы территориального планирования муниципального района (ч. 2 ст. 20), генерального плана поселения, генерального плана городского округа (ч. 3 ст. 24). Впрочем, градостроительному законодательству известны примеры, когда формулировку «с учетом» (например, в ч. 3 ст. 31 ГрК РФ) правоприменитель наполнял весьма определенным содержанием и трактовал как «в строгом соответствии» (см. подробнее о принципе соответствия правил землепользования и застройки генеральному плану: [Башарин 2020: 6–8]).

Вместе с тем судебная практика пестрит отказами в удовлетворении исков граждан об обязанности местной администрации построить (создать) какой-либо объект публичной собственности, прежде всего по мотиву того, что права истца никоим образом не нарушаются и он не обладает подлежащим защите правом требования.

Граждане вправе требовать от органа публичной власти не только содержать объект публичной собственности (проводить его ремонт), но и создать такой объект

Справедливости ради скажем, что иногда такого рода иски по заявлениям граждан удовлетворяются, но гораздо реже, чем иски прокуратуры (см., например: апелляционное определение Свердловского областного суда от 14 мая 2020 г. по делу № 33а-4690/2020 (административный иск гражданина о строительстве автомобильной дороги), решение Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края от 21 февраля 2014 г. по делу № 2-1099/14 (заявление гражданина по правилам ранее действовавшей главы 25 Гражданского процессуального кодекса РФ о строительстве детской площадки, решение Корткеросского районного суда Республики Коми от 22 сентября 2015 г. по делу № 2-399/2015 (административный иск гражданина о строительстве автомобильной дороги)).

Существует множество примеров удовлетворения исков прокуратуры в интересах неопределенного круга лиц по сути с аналогичными требованиями (см., например: п. 11 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2008 года; апелляционное

определение Самарского областного суда от 23 декабря 2014 г. по делу № 33-12738/2014 (иск прокурора об обязанности построить тротуар); апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 22 марта 2016 г. № 33-4583/2016 (иск прокурора об обязанности установить уличное освещение и построить пешеходные дорожки).

Постановка же вопроса о проблемах защиты права на комфортную городскую среду обусловлена позицией, высказанной недавно высшей судебной инстанцией. Так, согласно п. 51 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 7 апреля 2021 г.) при рассмотрении административного искового заявления о признании незаконным бездействия органа местного самоуправления, выразившегося в ненадлежащем содержании автомобильной дороги местного значения, существенное значение имеют установление факта нахождения этой дороги в границах муниципального образования, *ее отображение на генеральном плане муниципального образования.*

Выделенная часть последнего предложения представляет особый интерес для настоящей работы.

По нашему мнению, сделанный Верховным Судом РФ вывод следует воспринимать так, что отображение объектов публичной собственности в документах территориального планирования (схемах, генеральных планах) необходимо не просто для фиксации предполагаемых планов вероятного развития территории (п. 2 ч. 3 ст. 23 ГрК РФ, апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20 марта 2019 г. № 33-АПА19-2), оно носит более императивный, обязывающий характер (что в принципе соотносится с юридическим значением положений генерального плана как особого нормативного акта) и предполагает безусловное создание запланированных объектов: дорог, озелененных территорий и пр. Более того, как показывает приведенная позиция Верховного Суда РФ, граждане вправе требовать от органа публичной власти не только содержать объект публичной собственности (проводить его ремонт), но и *создать такой объект.*

Между тем данный подход разделяют не все ученые. В частности, А. Ф. Васильева,

ссылаясь на работы Э. Форстхоффа, пишет, что не всегда праву гражданина соответствует обязанность государственной администрации предоставить публичную услугу. Иными словами, если публичной администрацией не создано учреждение, оказывающее услуги, то частное лицо не вправе потребовать создания такого учреждения [Васильева 2012: 57].

Отсюда следует, что проанализированную нами позицию Верховного Суда РФ можно считать если не «тихой революцией» в системе взаимодействия граждан и государства, то по крайней мере возвращением в научную повестку доктрины субъективных публичных прав частных лиц [Винницкий 2018; Зеленцов 2017; Краснова 2019]. Причем в таком контексте подход Верховного Суда РФ выступает дополнительным подтверждением публично-правовой природы так называемого права на город [Медведев 2017: 19–49].

В связи с этим поскольку частные лица являются носителями соответствующего субъективного права, то законом должны быть предусмотрены и гарантии его защиты. Однако даже принятие судом решения по заявлению хозяйствующего субъекта в порядке главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ либо по административному исковому заявлению гражданина или организации об обязанности исполнить публичную обязанность (п. 3 ч. 5 ст. 201 АПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 124 Кодекса административного судопроизводства РФ) не всегда может привести к восстановлению нарушенных прав и законных интересов. Решение суда может остаться неисполненным, как правило, из-за отсутствия в бюджете соответствующего муниципального образования денежных средств.

Представляется, что надлежащему исполнению органами публичной власти таких решений судов призван способствовать астрент (судебная неустойка). Это признают и современные правоведы [Шевченко 2021: 4].

Что любопытно, право присуждения астрента у арбитражных судов появилось после принятия Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 340-ФЗ. Он дополнил ст. 174 АПК РФ частью 4, т. е. специальной (по отношению к п. 1 ст. 308.3 Гражданского кодекса РФ) нормой, прямо предусматривающей возможность назначения астрента в любых (а не только в частноправовых) делах, по которым суд обязывает ответчика совершить определенные действия. Тем не менее длительное

время на практике считалось невозможным присуждение астрента в публично-правовых спорах. В обоснование прежде всего приводилась ссылка на абз. 2 п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Он гласит, что п. 1 ст. 308.3 Гражданского кодекса РФ не может применяться в спорах, рассматриваемых по правилам административного судопроизводства в арбитражном суде.

Правоприменительный баланс был восстановлен лишь в 2021 г. после ряда дел, рассмотренных Верховным Судом РФ. Он сформулировал четкую позицию о том, что ч. 4 ст. 174 АПК РФ не содержит никаких изъятий, а следовательно, может быть применена и к спорам против органов публичной власти, на которые суд возложил обязанность устранить допущенные нарушения прав частных лиц путем совершения определенных действий, например подготовить и направить заявителю договор купли-продажи участка (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 марта 2021 г. по делу № А55-31496/2016, от 21 апреля 2021 г. по делу № А07-32699/2018).

Одновременно со внесением изменений в АПК РФ такая же норма была введена в ГПК РФ (п. 3 ст. 206), но в Кодексе административного судопроизводства РФ соответствующая норма в принципе отсутствует. При этом в судебной практике прямо отмечается, что КАС РФ не предусматривает норм о взыскании судебной неустойки (апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24 сентября 2020 г. № 33а-19303/2020 по делу № 2а-3713/2017). Нами обнаружены лишь единичные случаи, когда суд по сути допускает саму возможность взыскания астрента с органа местного самоуправления (кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2021 г. № 88а-10067/2021 по делу № 2а-1929/2020).

Разумеется, можно апеллировать к тому, что присуждение астрента является обременительным для публично-правового образования, поскольку публичный субъект в такой ситуации заведомо обречен на финансовые потери из-за сроков бюджетного процесса. Вместе с тем суд прежде всего на основе

принципов справедливости и соразмерности может установить обязанность по ежемесячной или ежеквартальной уплате астрента на случай неисполнения судебного акта, что позволило бы соблюсти определенный баланс интересов спорящих сторон.

Можно сформулировать следующие выводы:

принадлежащее гражданам право на комфортную городскую среду включает в себя право требования от органов публичной власти создать объект публичного значения, указанный в документах территориального планирования (как показывает практика, пока что речь идет только об автомобильной дороге);

указанное право требования в любом случае подлежит судебной защите, по юридической природе является субъективным публичным правом и может рассматриваться не только как элемент права на комфортную городскую среду, но и как правомочие в составе права на город;

по нашему мнению, проанализированное право требования должно быть приме-

нено ко всем видам объектов публичного значения, отображаемых в документах территориального планирования. В противном случае от законодателя требуется легальная дифференциация между правом требования, к примеру, строительства автомобильной дороги или обустройства озелененной территории общего пользования (парка или сквера) или организации объектов уличного освещения в зависимости от того, какие объекты публичной собственности носят более «публично значимый» характер, чем другие. Можно даже предположить, что перечни соответствующих объектов публичного значения, которые были бы созданы по требованию частных лиц, могут определяться нормативным актом субъекта РФ исходя из социальных, исторических, экономических, политических, географических и прочих соображений;

думается, что побудить орган власти и его должностных лиц исполнить публичную обязанность в соответствии с решением суда лучше всего при помощи механизма присуждения астрента.

Список литературы

- Allgemeines Verwaltungsrecht / Hrsg. Н.-U. von Erichsen, D. Ehlers. Berlin: De Gruyter, 2010. Aufl. 14. 1066 s.
- Auby J.-M., Bon P., Auby J.-B. Droit Administratif des Biens. 4e éd. P.: Dalloz, 2003.
- Башарин А. В. О возможности отказа в выдаче разрешения на строительство на основании положений генерального плана, некоторые размышления о юридической силе генеральных планов. Комментарий к Определению Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 24 мая 2018 № 18-КГ18-67 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 1–14.
- Васильева А. Ф. Сервисное государство: административно-правовое исследование оказания публичных услуг в Германии и России: моногр. М.: Рос. акад. правосудия, 2012. 332 с.
- Винницкий А. В. О современной концепции публичной собственности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 125–133.
- Винницкий А. В. Публичная собственность. М.: Статут, 2013. 737 с.
- Винницкий А. В. Учение о субъективных публичных правах: формирование, кризис и возрождение // Право и политика. 2018. № 12. С. 12–26. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.12.28431.
- Зеленцов А. Б. Субъективные права и законные интересы как предмет правовой защиты в системе административной юстиции: юридическая природа и виды // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 74–83.
- Карадже-Искров Н. П. Публичные вещи. Вып. 1. Иркутск: Изд. Иркут. секции науч. работников, 1927. VIII. 79 с.
- Краснова Т. С. Субъективные права в свете обновленных норм о публичных сервитутах // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 2. С. 31–37.
- Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов: моногр. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.

Харинов И. Н. Предоставление публичных услуг и защита прав их получателей: административно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 303 с.

Шевченко И. М. О правовой природе судебной неустойки (астрента) // Российский судья. 2021. № 8. С. 3–8. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-8-3-8.

Илья Николаевич Харинов – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: kharinov.ilya@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-6558-4965

Problems of Protecting the Right to a Comfortable Urban Environment

The agenda includes questions about how to make cities more comfortable for residents and improve the quality index of the urban environment, what legal mechanisms should be used to provide comfortable urban environment, etc. This paper examines some indicators for calculating the urban environment quality index in the context of modern legislation, law enforcement and judicial and arbitration practice. The research is based on general scientific methods (analysis, generalization, synthesis, comparison, descriptive, formal-logical method) and a special-legal method.

The author concludes, that the right to a comfortable urban environment includes the subjective public right (which should be protected), to demand that public authorities not only maintain in good condition, but also, in fact, create the object of public importance (public property) specified in territorial planning documents. To strengthen the protection of individuals in the corresponding public law disputes, it is proposed to apply the institution of judicial forfeit in relation to public administration bodies.

Keywords: comfortable urban environment, indicators, green areas, common areas, infrastructure, public property, public services, territorial planning documents, subjective public rights, judicial protection of citizens' rights, astreinte

Recommended citation

Kharinov I. N. Problemy zashchity prava na komfortnyuyu gorodskuyu sredu [Problems of Protecting the Right to a Comfortable Urban Environment], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 58–64, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_58.

References

Auby J.-M., Bon P., Auby J.-B. *Droit Administratif des Biens*, 4e éd., Paris, Dalloz, 2003.

Basharin A. V. O vozmozhnosti otkaza v vydache razresheniya na stroitel'stvo na osnovanii polozhenii general'nogo plana, nekotorye razmyshleniya o yuridicheskoi sile general'nykh planov. Kommentarii k Opredeleniyu Sudebnoi kollegii po administrativnym delam VS RF ot 24.05.2018 № 18-KG18-67 [On the Possibility of Refusal to Issue a Building Permit on the Basis of the Provisions of the Master Plan, Some Reflections on the Legal Force of Master Plans. Commentary on the Definition of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Armed Forces of the Russian Federation Dated May 24, 2018 No. 18-KG18-67], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2020, no. 1, pp. 4–14.

Erichsen H.-U. von, Ehlers D. (Hrsg.) *Allgemeines Verwaltungsrecht*, Berlin, De Gruyter, 2010, Aufl. 14, 1066 s.

Karadzhe-Iskrov N. P. *Publichnye veshchi* [Public Things], Irkutsk, Izd. Irkut. sektsii nauch. rabotnikov, 1927, iss. 1, VIII, 79 p.

Kharinov I. N. *Predostavlenie pубличных услуг i zashchita prav ikh poluchatelei: administrativno-pravovoe issledovanie* [Provision of Public Services and Protection of the Rights of Their Recipients: Administrative and Legal Research]: cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2019, 303 p.

Krasnova T. S. Sub'ektivnye prava v svete obnovlennykh norm o publichnykh servitutakh [Subjective Rights in the Light of the Updated Rules on Public Easements], *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*, 2019, no. 2, pp. 31–37.

Medvedev I. R. *Razreshenie gorodskikh konfliktov* [Resolution of Urban Conflicts], Moscow, Infotropik Media, 2017, 372 p.

Shevchenko I. M. O pravovoi prirode sudebnoi neustoiki (astrenta) [On the Legal Nature of the Judicial Forfeit (Astrent)], *Rossiiskii sud'ya*, 2021, no. 8, pp. 3–8, DOI: 10.18572/1812-3791-2021-8-3-8.

Vasil'eva A. F. *Servisnoe gosudarstvo: administrativno-pravovoe issledovanie okazaniya publichnykh uslug v Germanii i Rossii* [Service State: An Administrative and Legal Study of the Provision of Public Services in Germany and Russia], Moscow, Ros. akad. pravosudiya, 2012, 332 p.

Vinnitskii A. V. O sovremennoi kontseptsii publichnoi sobstvennosti v Rossiiskoi Federatsii [On the Modern Concept of Public Property in the Russian Federation], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2009, no. 5, pp. 125–133.

Vinnitskii A. V. *Publichnaya sobstvennost'* [Public Property], Moscow, Statut, 2013, 737 p.

Vinnitskii A. V. Uchenie o sub'ektivnykh publichnykh pravakh: formirovanie, krizis i vozrozhdenie [The Doctrine of Subjective Public Rights: Formation, Crisis and Revival], *Pravo i politika*, 2018, no. 12, pp. 12–26, DOI: 10.7256/2454-0706.2018.12.28431.

Zelentsov A. B. Sub'ektivnye prava i zakonnye interesy kak predmet pravovoi zashchity v sisteme administrativnoi yustitsii: yuridicheskaya priroda i vidy [Subjective Rights and Legitimate Interests as a Subject of Legal Protection in the System of Administrative Justice: Legal Nature and Types], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2017, no. 6, pp. 74–83.

Ilya Kharinov – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of land, urban planning and environmental law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: kharinov.ilya@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-6558-4965

Дата поступления в редакцию / Received: 10.10.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.11.2021

Ю. О. Вербицкая

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ НЕСТАЦИОНАРНЫМИ ТОРГОВЫМИ ОБЪЕКТАМИ КАК ГАРАНТИЯ РАЗНООБРАЗИЯ УСЛУГ НА ОЗЕЛЕНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Исследуется проблема размещения нестационарных торговых объектов (НТО) в городских парках как препятствие для развития комфортной городской среды. Поднимается проблема распоряжения земельным участком, предоставленным на праве постоянного (бессрочного) пользования. Гражданское законодательство не позволяет распоряжаться данными участками, т. е. не дает возможности их владельцам – юридическим лицам, администрирующим парки, передать часть земельного участка под размещение нестационарных торговых объектов. В свою очередь владельцы НТО не могут напрямую обратиться в городскую администрацию для включения в схему размещения НТО и заключить договор с самим собственником, поскольку указанные участки уже имеют законного владельца. Все это заставляет участников таких отношений искать выходы из ситуации, которые не всегда получают поддержку в суде.

В статье рассматриваются примеры из судебной практики с использованием различных способов решения обозначенной проблемы: заключения договора аренды напрямую с муниципальным учреждением, заключения договоров возмездного оказания услуг, агентского договора, договора лизинга, договора о совместной деятельности и хранения. Также анализируется возможность применения отдельного непоименованного договора – договора на размещение нестационарного торгового объекта, производится сравнение его с договором о предоставлении торгового места на рынке. Сделан вывод о том, что все используемые способы обхода правил п. 3 ст. 269 ГК РФ являются лишь временными мерами, и требуется изменение указанной нормы. Даются конкретные предложения по таким изменениям.

Ключевые слова: комфортная городская среда, нестационарные торговые объекты, право постоянного (бессрочного) пользования

Для цитирования

Вербицкая Ю. О. Обеспеченность нестационарными торговыми объектами как гарантия разнообразия услуг на озелененных территориях // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 65–72. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_65.

УДК 349.41

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_65

Одним из индикаторов для расчета качества городской среды является разнообразие услуг на озелененных территориях (индикатор № 17 распоряжения Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды»). Имеется в виду расположение в черте города городских лесов и лесопарков, районных парков культуры и отдыха, детских парков, садов (в том числе

зоологических и ботанических), бульваров, скверов. Сервисы, расположенные в границах озелененных территорий, включают в себя объекты торговли и услуг (предприятия общественного питания, кинотеатры, культурные центры, клубы досуга и т. п.).

Этот индикатор перекликается с индикатором № 10 «Количество улиц с развитой сферой услуг», однако в последнем не учитываются объекты мелкорозничной торгов-

ли – павильоны, киоски, торговые автоматы, бахчевые развалы, елочные базары, передвижные (мобильные) и другие сооружения. Нас же интересуют некапитальные строения, находящиеся именно в парковых зонах. На практике возникла одна важная юридическая проблема, мешающая развитию предпринимательства в этой сфере.

Действительно, сложно представить городской парк культуры и отдыха, где не было бы хотя бы одного ларька с шаурмой, тележки с сахарной ватой или развлекательных сооружений (батуты, надувные горки и т. д.). Все это относится к нестационарным торговым объектам (далее – НТО), а для их размещения предусмотрены особые правила: нужно включиться в схему размещения НТО, утверждаемую на уровне муниципального образования (ст. 10 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», далее – Закон № 381-ФЗ). Однако земельные участки под многими городскими парками уже предоставлены муниципальным предприятиям и учреждениям на праве постоянного бессрочного пользования. Кроме того, по общему правилу использование земельного участка возможно лишь после образования конкретного земельного участка и возникновения права на него как на недвижимую вещь [Эйриян 2019: 542].

Получается, что участок уже занят другим юридическим лицом, и с точки зрения земельного и гражданского законодательства нельзя просто так изъять его часть без согласия законного владельца для предоставления какому-либо НТО. Логичным выходом из этой ситуации было бы предоставление юридическим лицам, в чьем владении находится земельный участок под соответствующим парком, права самостоятельно решать вопросы о предоставлении в аренду мест тем или иным субъектам предпринимательской деятельности, конечно же, с соблюдением всех антимонопольных требований. Однако Верховный Суд РФ данную точку зрения не разделяет.

Так, в Брянске ООО «Городские парки» заключило с МАУК «Парк культуры и отдыха „Юность“» договор, по условиям которого взаимодействие сторон осуществляется путем предоставления обществу мест досуга на территории парка «Юность» для оказания

услуг по развлечению населения, размещению аттракционов и обустройству зон досуга. Согласно акту размещения от 1 марта 2015 г. МАУК «Парк культуры и отдыха „Юность“» предоставило в зонах досуга места для размещения пунктов общественного питания и торговых объектов. Впоследствии владелец этих объектов был привлечен к административной ответственности за торговлю на территории парка в местах, не установленных схемой размещения НТО. Общество попыталось оспорить нормы местного положения о порядке размещения НТО, однако ВС РФ отказал в удовлетворении требования, указав, что земельный участок, на котором находятся НТО общества, остается в муниципальной собственности, что не препятствует административному истцу реализовать право на размещение указанных объектов в соответствии с действующим законодательством (апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 7 августа 2019 г. № 83-АПА19-17).

Вместе с тем земельное законодательство, в том числе вопросы размещения НТО, находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ, и в Санкт-Петербурге аналогичная ситуация разрешилась противоположным образом.

Комитет по контролю за имуществом Санкт-Петербурга привлек к административной ответственности нескольких предпринимателей, торговавших и оказывающих услуги на территории государственного музея-заповедника «Павловск» без включения в схему размещения НТО. Суд встал на сторону предпринимателей и музея, поскольку в ст. 1 закона Санкт-Петербурга от 8 апреля 2015 г. № 165-27 «О размещении нестационарных торговых объектов» имеется оговорка о том, что на основании названной выше схемы следует размещать НТО на спорных землях, за исключением земельных участков, предоставленных гражданам или юридическим лицам. Суд пришел к выводу, что требования о включении в схему размещения НТО распространяются исключительно на «свободные» земли (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 октября 2020 г. № Ф07-6964/2020 по делу № А56-107861/2019). Стоит отметить, что в этом деле решался вопрос не о том, как НТО должно в итоге размещаться, а о правомерно-

сти привлечения к административной ответственности за незаконное размещение НТО.

Как видим, приведенные в пример дела рассматривались только с точки зрения административного законодательства, однако в гражданском законодательстве есть еще очень важное положение, которое не позволяет большинству парков сдавать землю в аренду. Как уже было отмечено, обычно земля предоставляется паркам в постоянное (бессрочное) пользование. В силу п. 3 ст. 269 ГК РФ лица, которым земельные участки предоставлены в постоянное (бессрочное) пользование, не вправе распоряжаться такими земельными участками, за исключением случаев заключения соглашения об установлении сервитута и передачи гражданину в безвозмездное пользование земельного участка в виде служебного надела в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации. Предоставление части земельного участка в аренду безусловно подпадает под понятие распоряжения (так, предоставление в аренду было признано нарушением п. 3 ст. 269 ГК РФ в постановлении Шестого арбитражного апелляционного суда от 9 февраля 2016 г. № 06АП-7054/2015 по делу № А16-1447/2015, постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 августа 2016 г. № 20АП-4426/2016 по делу № А09-2774/2016).

Естественно, этот законодательный запрет не раз пытались обойти, и вот лишь некоторые примеры из практики:

1) в ЦПКиО им. Маяковского в Екатеринбурге для размещения аттракционов был заключен договор на оказание услуг; видимо, использовался известный способ «прикрытия» аренды договором услуг на размещение объекта (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 4 июня 2018 г. № Ф09-2691/18 по делу № А60-41052/2017);

2) в том же парке кафе «Блины» было размещено на основании агентского договора (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 мая 2018 г. № Ф09-1452/18 по делу № А60-43004/2017);

3) в Татышев-парке в Красноярске сначала заключали договор лизинга на постройки, затем сдавали в аренду имущество, находящееся в лизинге (постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2021 г. по делу № А33-9317/2020);

4) в Краснодарском крае производственный кооператив заключил договор о совместной деятельности с общеобразовательной школой для того, чтобы использовать земельный участок для сельхозработ (постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 мая 2018 г. № 15АП-5262/2018 по делу № А32-37672/2017);

5) сельхозпредприятие на морском побережье в Сочи заключило договор хранения оборудования с предпринимателем. На «хранение» были переданы аттракционы (постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 апреля 2018 г. № 15АП-2564/2018 по делу № А32-32086/2017).

Усилия по разработке юридических схем обхода закона ни в одном из этих дел не увенчались успехом: сделки признавались недействительными, либо договоры не принимались во внимание при оценке правовой позиции стороны.

Наиболее подробно данный вопрос урегулирован в региональном законодательстве Москвы. В подп. 2 п. 12 постановления Правительства Москвы от 3 февраля 2011 г. № 26-ПП «О размещении нестационарных торговых объектов, расположенных в городе Москве на земельных участках, в зданиях, строениях и сооружениях, находящихся в государственной собственности» указано, что одним из оснований для разработки схемы размещения НТО являются предложения государственных учреждений Москвы. Государственное учреждение может и само оказывать услуги на вверенной ему территории, однако если администрация парка хочет предоставить такое право третьим лицам, то может внести предложение, и на основании этого предложения будет разработана отдельная схема размещения НТО по территории парка.

После утверждения данной схемы заинтересованное учреждение должно инициировать проведение аукциона (п. 6.1 приложения 4 к постановлению Правительства Москвы от 3 февраля 2011 г. № 26-ПП). По итогам проведения аукциона может быть заключен договор либо на осуществление торговой деятельности (оказание услуг) на НТО (если уже есть готовый объект), либо на размещение НТО (когда нужно устанавливать объект).

По такой схеме работают практически все крупные московские парки, заповедники и другие подобные объекты: Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького, Измайловский парк, Московский городской сад «Эрмитаж», Поклонная гора и многие другие (см. полный перечень в приложении 2 к приказу Департамента культуры города Москвы от 18 мая 2017 г. № 369 «Об утверждении Порядка размещения нестационарных торговых объектов, расположенных на земельных участках, предоставленных учреждениям, подведомственным Департаменту культуры города Москвы»).

По общему правилу договор на размещение нестационарного торгового объекта ни как отдельный поименованный договор, ни как непоименованный рассматривать нельзя

Как видим, использован договор еще одной разновидности – договор на размещение (эксплуатацию) нестационарного торгового объекта. В п. 2 письма Минпромторга России от 23 марта 2015 г. № ЕВ-5999/08 «О направлении Методических рекомендаций» такие договоры рекомендовано заключать в качестве альтернативы договору аренды земельного участка (или киоска, павильона и т. д.), когда градостроительные нормы и нормы земельного законодательства не позволяют формировать земельный участок и предоставлять его в аренду.

Казалось бы, прекрасный выход из ситуации: придумать договор, не предусмотренный Гражданским кодексом РФ, применить принцип свободы договора. Однако если мы взглянем на ранее действовавшую рекомендованную форму договора на размещение нестационарного торгового объекта (приложение 3 к постановлению Правительства Москвы от 3 февраля 2011 г. № 26-ПП), то его предмет покажется очень знакомым: префектура предоставляет предпринимателю право разместить нестационарный торговый объект по такому-то адресу, а предприниматель должен платить за размещение объекта. Сразу вспоминается ст. 606 ГК РФ, в которой закреплено определение договора аренды: арендодатель обязуется предоставить арендатору имуще-

ство за плату во временное владение и пользование или во временное пользование.

Можно ли назвать такой договор непоименованным и применить принцип свободы договора, предусмотренный ст. 421 ГК? Или этот договор все же поименован и выделен в отдельный вид путем упоминания в региональных и местных нормативных актах, регулирующих размещение НТО? Для того чтобы ответить на данный вопрос, нужно сопоставить предмет договора с квалифицирующими признаками существующих поименованных типов договоров [Договорное право 2020: 96]. Очевидно, что квалификация договора зависит не от его названия, а от его содержания [Андреев, Андреева, Арсланов и др. 2016].

Рассмотрим очень похожую ситуацию: аренду торгового места на рынке. С появлением Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 271-ФЗ «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» (далее – Закон о розничных рынках) стали говорить о якобы новом виде договора – договоре о предоставлении торговых мест (в Законе указано, что торговые места предоставляются на основе таких договоров). На практике это быстро превратилось в схему ухода от аренды, когда она по каким-то причинам невыгодна (например, если арендодатель не хочет предоставлять гарантии, предусмотренные ГК РФ для арендаторов, или же обе стороны хотят обойти правило о регистрации договора аренды недвижимости, заключенного на срок более года).

Вопрос дошел до Президиума ВАС РФ, и Суд разъяснил: «Предметом договора является передача управляющей рынком компанией пользователю за плату торгового места для осуществления торговли, что соответствует понятию договора аренды, определенному статьей 606 Гражданского кодекса» (постановление Президиума ВАС РФ от 19 ноября 2013 г. № 8668/13 по делу № А82-3890/2012). С такой квалификацией договора соглашается большинство ученых, исследовавших вопрос [Никитин 2014; Бырдина 2017; Кондратьев 2018]. Суд также указал, что упоминание договора в Законе о розничных рынках никак не мешает применению к отношениям главы 34 Гражданского кодекса РФ.

Действительно, одно лишь упоминание в законе, как справедливо отмечают А. Г. Карапетов и А. И. Савельев, не может означать,

что договор является поименованным. Смысл выделения договора в отдельный вид заключается в том, чтобы применить к нему соответствующие нормы. Если подобных норм нет, а есть лишь фраза о том, что такие договоры бывают, то нельзя говорить о полноценной поименованности договора [Карапетов, Савельев 2012: 116]. Кроме того, нормативные акты, выделяющие отдельный вид договора, явно должны относиться к гражданскому законодательству. Местные и региональные нормативные акты таковыми являться не могут хотя бы даже потому, что гражданское законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ).

Итак, по общему правилу договор на размещение нестационарного торгового объекта ни как отдельный поименованный договор, ни как непоименованный рассматривать нельзя.

Однако эти отношения можно сравнить еще с договором на размещение торгового автомата. Е. В. Гольшев отмечает, что на практике данный договор квалифицируется как отличный от договора аренды, поскольку часто в таких договорах место расположения автомата точно не определено, может указываться лишь этаж здания [Гольшев 2016]. В. Д. Миронов и М. В. Кривенкова также освещают проблему выбора между несколькими видами договоров: договором об аренде части помещения, договором об оказании услуги или непоименованным договором [Миронов, Кривенкова 2020: 193]. С особыми трудностями в оформлении таких отношений сталкиваются государственные и муниципальные учреждения в связи с некоторыми ограничениями по использованию публичного имущества [Медведева 2020: 66].

Одним из существенных условий договора аренды является его предмет – указание

на конкретный объект, который подлежит передаче (п. 3 ст. 607 ГК РФ). Хотя по общему правилу при отсутствии точных данных о предмете договор все-таки признается не заключенным, а не относится к разряду непоименованных. Однако вопрос представляет научный интерес и требует детального рассмотрения. В конце концов передаваться может не только место для размещения киоска, ларька, но и сам киоск, который может менять место размещения в связи с некапитальностью постройки и технической возможностью его переноски. Очевидно, что аренда торгового места в такой ситуации не является арендой объекта недвижимости [Кондратьев 2018], как и не будет в чистом виде арендой земельного участка, хотя торговое место, конечно, не «подвешено в воздухе», и арендатор в любом случае использует земельный участок. Это все актуально как для рынков, так и для размещения НТО на публичных землях.

Препятствием для применения договора о размещении НТО без привязки к месту (как отличного от договора аренды именно по этому признаку) может помешать сама система размещения НТО, ведь по общему правилу перед заключением договора необходимо утвердить схему размещения НТО с указанием конкретного места размещения. Для размещения на городских улицах в схемах размещения НТО, как правило, указывается адрес. Но интересно, что в парках место размещения может быть указано по-разному (скорее всего, потому что весь парк может размещаться по одному адресу и улиц с номерами домов там обычно не бывает).

Вот пример схемы размещения НТО в парке «Кузьминки-Люблино» (распоряжение префекта ЮВАО Москвы от 17 марта 2009 г. № 414 «Об утверждении схемы временного размещения нестационарных объектов мелкорозничной сети на территории парка «Кузьминки-Люблино»):

№ п/п	Тип объекта	Адрес размещения, местоположение	Специализация
1–30	Лоток	ул. Кузьминская (за пределами проезжей части)	Сувенирная продукция, сладкая вата, прохладительные напитки, мороженое, выпечные изделия в промышленной упаковке, игрушки, воздушные шары
31	Лоток	Перед плотиной	Сувенирная продукция, шары
32	Лоток	На плотине	Прохладительные напитки
33–34	Лоток	У гротов	Прохладительные напитки

Как мы видим, четких координат ни у одного лотка нет, это позволяет передвигать их, допустим, исходя из погодных условий. Здесь использование договора нового вида, такого как договор на размещение нестационарного торгового объекта, кажется оправданным («аренда» без четкого указания места, по аналогии с расположением торговых автоматов).

Итак, сдавать землю парков, находящуюся у них на праве постоянного (бессрочного) пользования, императивно запрещено ГК РФ (используемые сейчас взамен аренды договорные конструкции чаще всего являются лишь «костылем», помогающим решить проблему временно и не очень надежно). Но и предоставить эту землю в обход ее владельца тоже нельзя, ведь на основании ст. 305 ГК РФ законный владелец земли может применить все способы защиты права собственности при нарушении владения, в том числе и против собственника. Если муниципальное образование в обход парка предоставит кому-то его землю, то законный владелец сможет обратиться в суд с виндикационным или негаторным иском (в зависимости от характера нарушения).

В итоге предприниматели и юридические лица, которым предоставлены земельные участки под парками, неизбежно сталкиваются с пробелом в правовом регулировании. Неясно, что делать в таких ситуациях: про-

сить землю под НТО у соответствующего публичного образования или же заключать договор аренды напрямую с юридическим лицом, которому эта земля выделена. И в первом, и во втором случае их размещение может быть признано незаконным путем предъявления иска о защите прав владельца, не являющегося собственником (в первом случае) или о применении последствий недействительности сделки (во втором). Увы, нельзя не согласиться с коллегами в том, что государство слишком осторожно относится к частным интересам и их охране [Болтанова, Хлопцов 2019: 202].

Целесообразно было бы на уровне федерального законодательства разрешить эту коллизию, например добавить в п. 3 ст. 269 ГК РФ второе исключение в виде согласия собственника: «Лица, которым земельные участки предоставлены в постоянное (бессрочное) пользование, не вправе распоряжаться такими земельными участками, за исключением случаев *получения согласия собственника земельного участка на предоставление земельного участка в аренду или безвозмездное пользование, а также заключения соглашения об установлении сервитута и передачи земельного участка в безвозмездное пользование гражданину в виде служебного надела в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации*».

Список литературы

Андреев В. К., Андреева Л. В., Арсланов К. М. и др. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: моногр. / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. 340 с.

Болтанова Е. С., Хлопцов Д. М. Роль земельной политики и градостроительного правового регулирования в сфере инновационного развития России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 199–206.

Бырдина Т. И. Правовое регулирование договоров о предоставлении торговых мест // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 8. С. 57–60.

Гольшев Е. В. Отдельные вопросы квалификации и применения договоров о предоставлении торговых мест на розничном рынке // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 44–49.

Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с.

Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. 453 с.

Кондратьев В. А. Правовая природа договора о предоставлении торгового места на розничном рынке // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 27–34.

Медведева У. Р. Правовое оформление отношений по размещению торговых автоматов и (или) вендингового оборудования в государственных образовательных учреждениях: прак-

тика применения // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. М.: Саратов. источник, 2020. С. 66–69.

Миронов В. Д., Кривенкова М. В. Проблема правового регулирования использования части нежилого помещения для установки вендингового аппарата // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2020. № 1. С. 192–199.

Никитин А. В. О предмете договора аренды // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 11. С. 59–63.

Эйриян Г. Н. Земельный участок как объект использования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 540–563.

Юлия Олеговна Вербицкая – преподаватель кафедры земельного, экологического и градостроительного права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: verbickaya_j@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5329-2068

Provision of Temporary Retail Facilities as a Guarantee of a Variety of Services in Green Areas

The paper discusses the issue of temporary retail facilities placement in city parks as an obstacle to the development of a comfortable urban environment. The problem of disposing of a land plot granted on the basis of the right of permanent (unlimited) use is raised. Civil law does not allow the disposal of such plots, that is, it does not allow their owners – legal entities administering parks – to transfer part of the land plot for the placement of temporary retail facilities (hereinafter – TRF). At the same time, the owners of TRFs cannot directly contact the city administration for inclusion in the TRF placement scheme and conclude an agreement directly with the owner, since such plots already have a legal owner. All this forces the participants of such relations to look for solutions, which do not always receive support in court.

The author examines examples from judicial practice using various methods of solving this problem: concluding a lease agreement directly with a municipal institution, concluding agreements for the provision of services for a fee, an agency agreement, a leasing agreement, an agreement on joint activities and storage. The author also considers the possibility of applying a separate, unnamed agreement – an agreement for the placement of a temporary retail facility – and compares it with an agreement on the provision of a trading place on the market. It is concluded that all the methods used to bypass the paragraph 3 of Article 269 of the Civil Code of the Russian Federation are only temporary measures, and a change in this norm is required. Specific proposals for such changes are given.

Keywords: *comfortable urban environment, temporary retail facilities, the right of permanent (unlimited) use*

Recommended citation

Verbitskaya Yu. O. Obespechennost' nestatsionarnymi togovymi ob'ektami kak garantiya raznoobraziya uslug na ozelenennykh territoriyakh [Provision of Temporary Retail Facilities as a Guarantee of a Variety of Services in Green Areas], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 65–72, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_65.

References

Andreev V. K., Andreeva L. V., Arslanov K. M. et al. *Problemy realizatsii printsipov prava v predprinimatel'skoi deiatel'nosti* [Problems of the Implementation of the Principles of Law in Entrepreneurial Activity], Moscow, Yustitsinform, 2016, 340 p.

Boltanova E. S., Khloptsov D. M. Rol' zemel'noi politiki i gradostroitel'nogo pravovogo regulirovaniya v sfere innovatsionnogo razvitiya Rossii [The Role of Land Policy and Urban

Legal Regulation in the Innovative Development of Russia], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2019, no. 33, pp. 199–206.

Byrdina T. I. Pravovoe regulirovanie dogovorov o predostavlenii torgovykh mest [Legal Regulation of Agreements on Point of Sales Provision], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2017, no. 8, pp. 57–60.

Eyrian G. N. Zemel'nyi uchastok kak ob'ekt ispol'zovaniya [Land Plot as an Object of Use], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2019, vol. 45, pp. 540–563.

Golyshev E. V. Otdel'nye voprosy kvalifikatsii i primeneniya dogovorov o predostavlenii torgovykh mest na roznichnom rynke [Particular Issues of Qualification and Application of Contracts on Provision of Trading Places in the Retail Market], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2016, no. 8, pp. 44–49.

Karapetov A. G. (ed.) *Dogovornoe pravo (obshchaya chast')*: postateinyi kommentarii k stat'yam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Contract Law (General Part): Article-by-Article Commentary on the Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation], Moscow, M-Logos, 2020, 1425 p.

Karapetov A. G., Savel'ev A. I. *Svoboda dogovora i ee predely* [Freedom of Contract and Its Limits], in 2 vols., Moscow, 2012, vol. 2, 452 p.

Kondrat'ev V. A. Pravovaya priroda dogovora o predostavlenii torgovogo mesta na roznichnom rynke [The Legal Nature of the Contract on the Representation of a Trading Place in the Retail Market], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2018, no. 2, pp. 27–34.

Medvedeva U. R. *Pravovoe oformlenie otnoshenii po razmeshcheniyu torgovykh avtomatov i (ili) vendingovogo oborudovaniya v gosudarstvennykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: praktika primeneniya* [Legal Formalization of Relations on the Placement of Vending Machines and (or) Vending Equipment in State Educational Institutions: Application Practice], *Aktual'nye problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, Moscow, Saratov. istochnik, 2020, pp. 66–69.

Mironov V. D., Krivenkova M. V. Problema pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya chasti nezhilogo pomeshcheniya dlya ustanovki vendingovogo apparata [The Problem of Legal Regulation of the Use of Non-Residential Premises for the Installation of Vending Machines], *Sotsial'no-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy: issledovanie, proektirovanie, optimizatsiya*, 2020, no. 1, pp. 192–199.

Nikitin A. V. O predmete dogovora arendy [On the Subject Matter of the Lease Contract], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2014, no. 11, pp. 59–63.

Yuliya Verbitskaya – lecturer of the Department of land, urban planning and environmental law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: verbickaya_j@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5329-2068

Дата поступления в редакцию / Received: 03.08.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.11.2021

М. Ю. Карпухин, М. А. Хомякова
Уральский государственный аграрный университет
(Екатеринбург)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОРЧУ ЗЕМЛИ В ЗОНЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ ИЛИ В ЗОНЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Одной из конституционных ценностей, охраняемой, в том числе, уголовным законодательством Российской Федерации, является право на благоприятную окружающую среду. Уголовное наказание за порчу земель в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации помогает восстановить справедливость, а также создает общую и частную превенцию, тем самым защищая земли указанных территорий от порчи в будущем.

Анализируя состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 254 Уголовного кодекса Российской Федерации («Порча земли в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации»), авторы пришли к выводу о том, что ввиду несовершенства уголовного законодательства на практике возникают трудности при квалификации преступлений по данной статье и при назначении наказания в виде реального лишения свободы. Для решения данных проблем авторы предлагают ввести вариативные санкции в виде лишения свободы до двух лет (в настоящее время закон предусматривает лишение свободы только на два года); дать легальные определения понятиям «земля», «зона экологического бедствия», «зона чрезвычайной экологической ситуации»; ввести уголовную ответственность для лиц, обладающих специальными знаниями и портящими землю умышленно.

Ключевые слова: экологические преступления, зона экологического бедствия, зона чрезвычайной экологической ситуации, порча земель, экология

Для цитирования

Карпухин М. Ю., Хомякова М. А. Уголовная ответственность за порчу земли в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 73–78. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_73.

УДК 349.41

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_73

Статья 42 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В научной литературе справедливо отмечается, что земля – основа жизнедеятельности многонационального народа Российской Федерации [Воронин, Круглов, Рущицкая и др. 2021: 18].

Данное право охраняется различными нормами: ст. 12 Земельного кодекса РФ среди целей охраны земель предусматривает предотвращение и ликвидацию загрязнения,

истощения, деградации, порчи, уничтожения земель и почв и иного негативного воздействия на земли и почвы, а также обеспечение рационального использования земель, в том числе для восстановления плодородия почв на землях сельскохозяйственного назначения и улучшения земель; ст. 8.6 Кодекса об административных правонарушениях РФ устанавливает административную ответственность за порчу земель. В то же время об ответственности за порчу земли говорит и ст. 254 Уголовного кодекса РФ.

Подобные нормы есть в уголовных кодексах зарубежных стран: нормы, аналогичные ст. 254 УК РФ, содержатся в УК Азербай-

джана (ст. 254), Таджикистана (ст. 228), Туркменистана (ст. 317), Грузии (ст. 297). В Уголовном кодексе Республики Казахстан (ст. 332 УК) он дополнены санкциями за засорение земли промышленными или иными выбросами и отходами, при этом уголовная ответственность наступает, если причинен крупный ущерб окружающей среде или вред здоровью человека [Игнатова, Кузнецова 2018].

Часть 2 ст. 254 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за порчу земель в зоне экологического бедствия или в зоне экологической ситуации. Данный состав является квалифицированным [Демичев, Грачева 2017; Болтанова 2017]. Санкция нормы альтернативная: за порчу земли в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации следует наказание в виде ограничения свободы сроком до двух лет, либо принудительных работ, либо лишения свободы на два года. Нужно отметить, что в указанной санкции законодатель применяет формулировку «лишение свободы на тот же срок (два года)», что с точки зрения буквального толкования закона предполагает именно такой срок лишения свободы, ни больше, ни меньше. В то же время формулировки «до двух лет лишения свободы» или «от двух лет лишения свободы» дали бы суду возможность назначать разные сроки наказания в зависимости от конкретного случая совершения преступления.

В связи с этим предлагается расширить санкцию для более справедливого ее применения относительно конкретных эпизодов и в части санкции, в которой речь идет о лишении свободы, применить формулировку «до двух лет» вместо той, которая действует сегодня. Проанализировав санкции за порчу земель в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, можно сделать вывод о том, что это преступление относится к преступлениям небольшой тяжести в соответствии с ч. 1 ст. 15 УК РФ.

Объектом в указанном составе являются отношения по охране и рациональному использованию земли, обеспечению экологической безопасности [Комментарий к Уголовному кодексу 2017]. Несмотря на то что в некоторых работах объектом преступного посягательства по таким преступлениям называют землю [Старк 2007], в данном слу-

чае земля – предмет преступления. Наше утверждение основывается на том, что объектом состава преступления выступают ценности и блага, охраняемые законом, в то время как предмет, как правило, материален и является физическим воплощением того, на что посягает преступник.

В российском законодательстве нет определения понятия «земля», поэтому возникают затруднения при толковании норм, регулирующих отношения, предметом которых является земля. Это касается и уголовного законодательства [Клочкова 2009]. Рациональным считаем предложение Н. А. Лопашенко рассматривать в качестве предмета данного преступления землю, под которой понимают плодородный слой почвы [Лопашенко 2017].

Объективная сторона в обозначенном преступлении выражена в форме деяний, последствием которых выступает порча земли в зоне экологического бедствия либо в зоне чрезвычайной экологической ситуации. Таким деянием, по мнению ученых, является несоблюдение требований экологического законодательства либо совершение действий, прямо нарушающих это законодательство [Комментарий к Уголовному кодексу 2005]. Таким образом, деяние может быть выражено в форме как действия, так и бездействия. Обязательное условие совершения преступления – наступление последствий, указанных в диспозиции ч. 2 ст. 254 УК РФ; можно сделать вывод, что данный состав является материальным.

Кроме того, ч. 2 ст. 254 УК РФ содержит отсылку к деяниям, указанным в ч. 1 той же статьи («те же деяния...»). Согласно ч. 1 ст. 254 УК РФ это отравление, загрязнение или иная порча земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности вследствие нарушения правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке, повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среде.

Можно заключить, что условием окончания преступления, ответственность за которое установлена ч. 1 ст. 254 УК РФ, является наступление таких последствий, как причинение вреда здоровью или окружающей среде. В силу п. 2 постановления Пленума Верхов-

ного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды» под причинением вреда здоровью человека при совершении преступлений, предусмотренных, в том числе, чч. 1 и 2 ст. 254 УК РФ, нужно понимать причинение вреда здоровью любой степени тяжести одному или нескольким лицам.

Порча земли в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации – более узкое понятие, чем причинение вреда здоровью человека или окружающей среде. Другими словами, следствия, предусмотренные ч. 2 ст. 254 УК РФ, априори являются следствиями, предусмотренными диспозицией ч. 1 той же статьи. Соответственно для наступления момента окончания преступления (ч. 2 ст. 254 УК РФ) необязательно причинить вред здоровью человека, достаточно, чтобы был причинен вред окружающей среде в виде порчи земли в зоне экологического бедствия либо в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

При квалификации таких деяний возникает трудность ввиду смежности составов, установленных разными частями ст. 254 УК РФ, и составов правонарушений, закрепленных ст. 8.6 КоАП РФ «Порча земель». Важным критерием для квалификации деяний является именно наступление последствий, указанных в уголовном законодательстве, поскольку деяния, описанные в ст. 8.6 КоАП РФ, во многом схожи с деяниями, описанными в диспозициях ч. 1 (на которую законодатель ссылается в чч. 2 и 3) ст. 254 УК РФ.

Квалифицирующий признак данного состава – место совершения преступлений: зона экологического бедствия либо зона чрезвычайной экологической ситуации. Диспозиция нормы альтернативная: законодатель перечисляет два места совершения преступления. В законодательстве Российской Федерации нет легального определения понятий «зона экологического бедствия» и «зона чрезвычайной экологической ситуации», однако такие определения предлагаются в научных источниках.

С. А. Боголюбов под зонами экологического бедствия понимает участки территории России, где в результате хозяйственной либо иной деятельности произошли глубокие необратимые изменения окружающей природной среды, повлекшие за собой существенное ухудшение здоровья населения, нарушение

природного равновесия, разрушение естественных экологических систем, деградацию флоры, фауны иных природных ресурсов и объектов [Боголюбов 2009: 62]. Зонами чрезвычайной экологической ситуации автор предлагает считать участки территории Российской Федерации, где в результате хозяйственной и иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения в окружающей природной среде, угрожающие здоровью населения, состоянию естественных экологических систем, генетических фондов растений и животных [Там же: 63].

В законодательстве Российской Федерации нет легального определения понятий «зона экологического бедствия» и «зона чрезвычайной экологической ситуации», однако такие определения предлагаются в научных источниках

Субъектом данного преступления согласно ст. 19 и ч. 1 ст. 20 УК РФ является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. В законе и в научной литературе не говорится, что этот субъект обязательно должен обладать квалифицирующими признаками, однако можно предположить, что субъектом рассматриваемого преступления, скорее всего, будет лицо, имеющее доступ к химикатам и иным веществам, использование которых может привести к порче земель. При этом исполнитель должен находиться непосредственно в зоне экологического бедствия либо в зоне чрезвычайной экологической ситуации. Другие участники (организатор, подстрекатель, пособник) могут и не находиться в указанных зонах в момент совершения преступного деяния. В таком случае их деяния будут квалифицироваться по ч. 2 ст. 245 со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Субъективная сторона преступления выражается в форме прямого умысла или неосторожности: лицо может осознавать либо не осознавать общественную опасность, которую могут нести его действия, желать наступления негативных последствий, либо нет. Для квалификации преступного деяния сегодня это не имеет большого значения.

В связи с этим предлагается дополнить ст. 245 УК РФ частью 4, устанавливающей ответственность за умышленные деяния,

предусмотренные чч. 1–3 данной статьи, лицом, обладающим специальными знаниями. Наказание предлагается ввести более суровое, чем в чч. 1–3 ст. 245 УК РФ, поскольку, на наш взгляд, человек, обладающий специальными знаниями и наносящий вред земле в зонах экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации, гораздо более опасен для общества, чем человек, не обладающий такими знаниями и действующий по неосторожности. Квалифицировать деяние возможно по совокупности частей ст. 245 УК РФ. Например, если лицо, обладающее специальными знаниями в сфере экологии, умышленно осуществит порчу земли в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, его деяние предлагается квалифицировать по чч. 2, 4 ст. 245 УК РФ.

Подводя итоги, нужно подчеркнуть важность сохранения земли для ныне живущих

и будущих поколений России. Значимую роль в этом играет и уголовно-правовая охрана отношений по охране и рациональному использованию земли, обеспечению экологической безопасности. В связи с этим необходимо:

актуализировать санкции, предусматривающие ответственность за порчу земель в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, в частности дифференцировать наказание в виде лишения свободы (для возможности применения данной санкции в различных ситуациях);

дать легальное определение понятиям «земля», «зона экологического бедствия», «зона чрезвычайной экологической ситуации»;

установить уголовную ответственность за умышленную порчу земель лицом, обладающим специальными знаниями.

Список литературы

Боголюбов С. А. Зоны экологического бедствия, зоны чрезвычайных ситуаций // Аграрное и земельное право. 2009. № 11. С. 62–67.

Болтанова Е. С. Правовой режим зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации // Экологическое право. 2017. № 1. С. 33–39.

Воронин Б. А., Круглов В. В., Руцицкая О. А. и др. Правовое регулирование рационального использования и охраны земель в современной России: моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. аграр. ун-та, 2021. 152 с.

Демичев А. А., Грачева О. С. Экологическое право: учеб. М.: Прометей, 2017. 348 с.

Игнатова М. А., Кузнецова О. А. О разграничении уголовной и административной ответственности за порчу земли // Российский следователь. 2018. № 8. С. 55–59.

Клочкова А. А. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного ст. 254 УК «Порча земли» // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1104 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX. 298 с.

Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: моногр. М.: Юрлитинформ, 2017. 526 с.

Старк Е. Ю. Земля как объект преступного посягательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2007. № 1. С. 199–204.

Михаил Юрьевич Карпухин – кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по научной работе и инновациям Уральского государственного аграрного университета. 620075, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 42. E-mail: mkarpuhin@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-8009-9121

Маргарита Александровна Хомякова – магистр садоводства, специалист по выставочной и грантовой деятельности Уральского государственного аграрного университета. 620075,

Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 42. E-mail: homyakovama@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-5244-4071

Criminal Liability for Damage to Land in an Environmental Disaster Zone or in an Environmental Emergency Zone

One of the constitutional values, protected by the criminal legislation of the Russian Federation, is the right to a favorable environment. Criminal punishment for damage to land in an environmental disaster zone or in an environmental emergency zone helps to restore justice and create general and private prevention, thereby protecting the lands of these territories from damage in the future.

The authors analyzed the composition of the crime provided for in Part 2 of Article 254 of the Criminal Code of the Russian Federation («Damage to Land in an Environmental Disaster Zone or in an Environmental Emergency Zone»). Due to the imperfection of criminal legislation, difficulties arise in definition of crimes according to this article and in imposing punishment in the form of real imprisonment. To solve these problems, the authors propose to introduce variable sanctions in the form of imprisonment for up to two years (currently the law provides for imprisonment for only two years); to give legal definitions to the concepts of «land», «environmental disaster zone», «environmental emergency zone»; to introduce criminal liability for persons with special knowledge who deliberately spoil the land.

Keywords: *environmental crimes, environmental disaster zone, environmental emergency zone, land damage, ecology*

Recommended citation

Karpukhin M. Yu., Khomyakova M. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za porchu zemli v zone ekologicheskogo bedstviya ili v zone chrezvychainoi ekologicheskoi situatsii [Criminal Liability for Damage to Land in an Environmental Disaster Zone or in an Environmental Emergency Zone], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 73–78, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_73.

References

Bogolyubov S. A. Zony ekologicheskogo bedstviya, zony chrezvychainykh situatsii [Environmental Disaster Zones, Emergency Zones], *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 2009, no. 11, pp. 62–67.

Boltanova E. S. Pravovoi rezhim zon ekologicheskogo bedstviya i zon chrezvychainoi situatsii [Legal Regime of Environmental Disaster Zones and Emergency Zones], *Ekologicheskoe pravo*, 2017, no. 1, pp. 33–39.

Demichev A. A., Gracheva O. S. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental Law], Moscow, Prometei, 2017, 348 p.

Ignatova M. A., Kuznetsova O. A. O razgranichenii ugovovnoi i administrativnoi otvetstvennosti za porchu zemli [On the Differentiation of Criminal and Administrative Responsibility for Land Damage], *Rossiiskii sledovatel'*, 2018, no. 8, pp. 55–59.

Klochkova A. A. K voprosu o predmete prestupleniya, predusmotrennogo st. 254 UK «Porcha zemli» [To the Question of the Subject of the Crime under Article 254 of the Criminal Code «Damage to the Land»], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2009, no. 2.

Kruglikov L. L. (ed.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], Moscow, Wolters Kluwer, 2005, 1104 p.

Lebedev V. M. (ed.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Article-by-Article Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], in 4 vols., Moscow, Yurait, 2017, vol. 3, 298 p.

Lopashenko N. A. *Ekologicheskies prestupleniya: ugovovno-pravovoi analiz* [Environmental Crimes: Criminal Law Analysis], Moscow, Yurlitinform, 2017, 526 p.

Stark E. Yu. Zemlya kak ob"ekt prestupnogo posyagatel'stva [Land as An Object of Criminal Encroachment], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2007, no. 1, pp. 199–204.

Voronin B. A., Kruglov V. V., Rushchitskaya O. A. et al. *Pravovoe regulirovanie ratsional'nogo ispol'zovaniya i okhrany zemel' v sovremennoi Rossii* [Legal Regulation of Rational Use and Protection of Land in Modern Russia], Ekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. agrar. un-ta, 2021, 152 p.

Mikhail Karpukhin – candidate of agricultural sciences, vice-rector for research and innovation, Ural State Agrarian University. 620075, Russian Federation, Ekaterinburg, Karla Libknehta str., 42. E-mail: mkarpukhin@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-8009-9121

Margarita Khomyakova – master of horticulture, specialist in exhibition and grant activities, Ural State Agrarian University. 620075, Russian Federation, Ekaterinburg, Karla Libknehta str., 42. E-mail: homyakovama@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-5244-4071

Дата поступления в редакцию / Received: 20.07.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 29.10.2021

М. С. Кургузиков, В. А. Петри
Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВАХ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Исследуется термин «будущее поколение» в контексте российского законодательства, рассматриваются правовые акты, в которых он упоминается, изучается проблема сохранения благоприятной окружающей среды для потомков. Авторы задаются вопросом о возникновении правоспособности у еще не родившегося человека, оценивают потенциал российского законодательства в части развития института экологических прав будущих поколений. В работе исследуются различные мнения о необходимости закрепления этого института и его месте, затронут вопрос применения в отношении прав будущих поколений концепции устойчивого развития.

Кроме того, критически анализируются следующие предложения ученых по предупреждению нарушений прав будущих поколений: внесение изменений в Конституцию РФ, внедрение концепции ограниченного потребления, установление значительных финансовых санкций и персональной уголовной / административной ответственности для руководителей предприятий, допустивших загрязнение окружающей среды. Авторы также предприняли попытку описать примерный механизм защиты экологических прав будущих поколений.

Ключевые слова: конституция, экология, конституционное право, экологическое право, экологические права будущих поколений, устойчивое развитие, права человека, благоприятная окружающая среда

Для цитирования

Кургузиков М. С., Петри В. А. Об экологических правах будущих поколений // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 79–84. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_79.

УДК 349.41

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_79

С каждым днем скорость развития человечества увеличивается, разрабатываются новые технологии, происходят прорывы в области науки, техники и медицины, однако иногда – ценой, в том числе, расходования природных ресурсов, выбросов в окружающую среду. В связи с этим часто звучат идеи о «правильном», экологичном (с точки зрения контрагентов и потребителей) ведении бизнеса, безотходном производстве, сохранении природного наследия для потомков, но декларация указанных целей – это только отправная точка. Пандемия новой коронавирусной инфекции продемонстрировала, что человечество может столкнуться с проблемами, которые невозможно решить в короткие сроки [Головина, Раманкулов, Томашевский и др. 2020].

Итак, вопрос сохранения благоприятной окружающей среды является актуальным [Кургузиков, Войта 2021]. Нас как юристов интересует в первую очередь правовой аспект. Сразу обозначим вопрос: а имеет ли вообще право на благоприятную окружающую среду поколение людей, которые еще не родились?

Согласно ст. 17 ГК РФ правоспособность – это способность иметь права и обязанности, которая возникает с момента рождения, поэтому кажется, что рассуждения на выбранную нами тему излишни: если субъекта правоотношений еще не существует, то говорить о его правах преждевременно. Впрочем, не все так просто.

Обратимся к действующему законодательству за дефиницией термина «будущее поколение». В Конституции Российской Феде-

рации ее нет, при этом в преамбуле указано, что Основной закон государства принимается многонациональным народом исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями. Таким образом, законодатель признает ответственность перед потомками и предполагает, что граждане должны прогнозировать итоги своих действий и не навредить потомкам.

Отсылки к правам будущих поколений имеются и в других отечественных нормативных правовых актах. В Федеральном законе от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» понятие «радиационная безопасность» означает состояние защищенности настоящего и будущих поколений людей от вредного для их здоровья воздействия ионизирующего излучения. В преамбуле Федерального закона от 10 октября 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» декларируются правовые основы государственной политики в области охраны

нных Наций от 26 июня 1945 г., Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения от 20 октября 2005 г., Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. 61/295. По мнению Д. С. Велиевой, уместно говорить о конституционном праве настоящего и будущих поколений людей на благоприятную окружающую среду [Велиева 2010].

Таким образом, в российском и зарубежном законодательстве термин «будущие поколения» используется с указанием на то, что эти поколения имеют право на благоприятную окружающую среду. Это говорит о признании отечественным законодателем наличия экологических прав у еще не родившихся субъектов¹.

Активное применение термина «право будущих поколений» закономерно привело к возникновению прогнозов и предположений о том, что будущее поколение в определенном смысле является особым субъектом права [Мальшева, Ронжина, Хайрусов 2019] или впоследствии сможет им стать. Так, по мнению М. И. Васильевой, «особенностью субъектного состава права граждан на благоприятную окружающую среду в перспективе может стать его формально-юридическое распространение на будущие поколения людей» [Васильева 2009: 19]. Рано или поздно отечественный законодатель будет вынужден формально-юридически определить правовой статус будущих поколений [Там же].

Интересно в связи с этим отметить, что правоспособность возникает у гражданина с момента рождения, но законодатель четко установил, что гарантии, закрепленные Законами РФ от 20 мая 1993 г. № 4995-1 «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении „Маяк“» и от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», распространяются на детей, которые еще не родились на момент возникновения неблагоприятной ситуации, т. е. еще не имели правоспособности, но находились на стадии внутриутробного развития. Таким образом,

¹ Подробнее об истории развития и становления экологического законодательства см.: [Пчельников 2017].

В российском и зарубежном законодательстве термин «будущие поколения» используется с указанием на то, что эти поколения имеют право на благоприятную окружающую среду

окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Рассматриваемый термин встречается в Федеральных законах от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», от 21 октября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии», в Законе РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» и в Градостроительном кодексе Российской Федерации.

Стоит отметить, что права будущих поколений упоминаются в конституциях Грузии, Армении, Таджикистана, Казахстана и Молдовы, а также в ряде важнейших международных актов: Уставе Организации Объеди-

законодатель признал, что еще не родившийся ребенок, который не имеет правоспособности, наделяется ей в определенных случаях и обстоятельствах.

Основу для правового регулирования статуса будущих поколений можно попытаться найти, рассмотрев вопрос о том, с какого момента начинается жизнь человека. Тем не менее здесь тоже возникают нюансы, поскольку к категории «будущее поколение» может относиться зачатый, но еще не родившийся человек, а также ребенок, который еще не зачат, но, возможно, будет и родится через год или несколько лет. Насколько в таком случае законодателю необходимо смотреть вперед и защищать экологические права будущих поколений? Пока что дать четкий ответ на эти вопросы невозможно.

В поиске отправных точек можно обратить внимание на концепцию устойчивого развития, под которой понимается развитие, удовлетворяющее потребности настоящего времени, но не подвергающее угрозе способность будущих поколений удовлетворять собственные потребности. М. М. Бринчук считает, что экологические права будущих поколений основаны на вышеуказанной концепции¹.

Что сегодня может сделать законодатель для защиты еще не оформленных правомочий будущих поколений?

По мнению М. М. Бринчука, необходимо внести изменения в саму Конституцию РФ. Такое решение позволит укрепить в отечественном законодательстве концепцию устойчивого развития, последовательно разрешать вопросы охраны окружающей среды и обеспечить рациональное природопользование. Ученый предлагает закрепить в ст. 9 Конституции РФ обязанность государства и других субъектов обеспечить учет экологических интересов будущих поколений при принятии экологически значимых решений, а также в процессе природоохранной деятельности и природопользования, а ст. 42 дополнить признанием права каждого на защиту экологических прав и интересов будущих поколений.

На наш взгляд, указанная инициатива не устраняет правовую неопределенность ста-

туса будущих поколений и является сложно-осуществимой в силу невозможности пересмотра положений главы 2 Конституции РФ. Кроме того, в Конституции уже заложен механизм защиты экологических прав. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 5-П по делу о проверке конституционности статьи 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тополь» установлено, что обязанность, закрепленная ст. 58 Конституции РФ, имеет всеобщий характер и, будучи частью обеспечительного механизма реализации экологических прав граждан, распространяется как на граждан, так и на юридических лиц, что предполагает их ответственность за состояние экологии.

С точки зрения М. И. Васильевой, на уровне федерального законодательства в перспективе в качестве гражданской обязанности будет необходимо введение рационализации потребностей. Имеется в виду сознательное и добровольное ограничение граждан в потреблении тех или иных товаров или услуг. Указанная концепция вызывает некоторые опасения, поскольку уровень нормы и минимально необходимого у населения многонационального государства очень различается, а ограничение в потреблении закономерно вызовет кризис перепроизводства, что негативно скажется на производителях товаров или услуг, а значит, на экономике в целом. В настоящий момент экологически мотивированное ограничение потребления нормативно не урегулировано, но может стать перспективной задачей законодателя [Васильева 2009: 18].

Неурегулированным остается вопрос об оценке тяжести нанесенного природе ущерба, а следовательно, и экологическим правам будущих поколений. Очевидно, что для определения объема ущерба придется обращаться к профильным специалистам, экологам, но их заключение об объеме ущерба будет носить вероятностный характер. Кроме того, если под будущими поколениями понимать несколько следующих друг за другом поколений, то специалисты будут вынуждены

¹ Бринчук М. М. Конституционные основы развития экологического права. 2017 // URL: <http://igpran.ru/public/publiconsite/Brinchuk.%20Konstitucia.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).

не только давать заключения в отношении каждого поколения, но и, возможно, определять, как изменяется степень вреда в течение жизни конкретного поколения. Очевидно, что для поиска ответов на обозначенные вопросы нужны значительные временные ресурсы.

21 апреля 2021 г. Президент РФ в ежегодном послании Федеральному Собранию РФ указал на необходимость принятия закона, который установит финансовую ответственность собственников предприятий за ликвидацию накопленного вреда, за рекультивацию промышленных площадок. Отрадно, что на эту проблему обратило внимание высшее руководство государства. Предполагается, что после разработки на промышленной площадке предприятие, работавшее на ней, обязано провести мероприятия, направленные на восстановление разработанного участка [Ларин, Мнацаканян, Честин 2003].

На момент подготовки данной статьи прошло более четырех месяцев со времени обращения Президента к законодателю, но мы еще не нашли законопроектов на данную тему. В связи с этим рассмотрим несколько важных вопросов.

До начала работ руководство предприятия обязано понимать, до какого предела можно разрабатывать участок, чтобы восстановительные мероприятия действительно восстановили его, а не были проведены «для галочки». Законодателю следует закрепить пределы восстановления разработанного участка и сроки восстановительных работ, для того чтобы руководство предприятия еще до начала работ знало сроки работы на участке, технический процесс и спланировало бюджет.

Кроме того, установление исключительно финансовых санкций, даже значительных, будет полумерой. Материальное наказание без возможности его скорого исполнения – взыскания (например, при несостоятельности предприятия, которая может длиться годами) – не приводит к восстановлению разработанного участка и нормализации экологической обстановки. Каким инструментом при таких обстоятельствах можно обеспечить финансирование восстановительных мероприятий? Установлением персональной уголовной / административной ответственности руководства предприятия? Думается, такой подход потребует от органов государственной власти значительных трудовых и временных

затрат, поэтому он малоэффективен для восстановления экологических прав.

Возможно, оптимальным вариантом будет создание финансируемых предприятиями-разработчиками и подотчетных государству специализированных фондов, направляющих денежные средства на восстановление разработанного участка. Однако очевидно, что средств такого фонда не хватит для погашения задолженности одновременно по обязательствам всех участников, тогда фонд будет бесполезен. Рабочей альтернативой здесь может стать институт страхования ответственности предприятия-разработчика.

Итак, в 2021 г. руководство государства осознало необходимость защиты экологических прав и восстановления экологической обстановки и сделало важный шаг на пути разрешения проблемы «выжженной земли» на месте промышленных площадок. Очевидно, что наши предложения в силу особенного субъектного состава и своей глобальности не будут работать в отношении граждан РФ. В таком случае развитию каких правовых норм следует уделить внимание законодателю? Возможно, следует «сильнее» обязать граждан соблюдать экологические правила? По мнению М. И. Васильевой, «практическое значение норма об обязанностях граждан будет иметь только в корреспондировании с нормами, устанавливающими ответственность за экологические правонарушения, выражающиеся в неисполнении гражданами каких-либо конкретных обязанностей. В противном случае обязанности имеют гуманитарный характер (их исполнение невозможно проконтролировать, а меры юридической ответственности невозможно применить, даже если они гипотетически были бы установлены) и направлены, скорее, на юридическое уравнивание положения граждан» [Васильева 2009: 20].

Представляется, что установление дополнительной ответственности или ужесточение действующих санкций за экологические нарушения является экстраординарной мерой, дающей быстрый, но неустойчивый результат (кроме того, возможен обратный эффект, экологический нигилизм). Напротив, перспективными могут стать путь мягкого воспитания экологической культуры у граждан на протяжении всей их жизни, пропаганда заботы об окружающей среде. Такой подход будет

способствовать профилактике и предотвращению экологических нарушений, увеличит вовлеченность граждан в охрану окружающей среды благодаря активному развитию федеральных и региональных программ. Ве-

рится, что Российская Федерация встала на этот путь, так как последние поправки к Конституции РФ значительно расширили полномочия Правительства РФ в сфере экологии [Воронин, Круглов, Рущицкая и др. 2021].

Список литературы

Васильева М. И. Субъекты экологических правоотношений // Вестник Московского университета. Сер. Право. 2009. № 5. С. 3–27.

Велиева Д. С. Народ как субъект права на благоприятную окружающую среду // Современное право. 2010. № 10. С. 29–33.

Воронин Б. А., Круглов В. В., Рущицкая О. А. и др. Правовое регулирование рационального использования и охраны земель в современной России: моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. аграр. ун-та, 2021. 152 с.

Головина С. Ю., Раманкулов К. С., Томашевский К. Л. и др. Трудовое право и социальное обеспечение в государствах ЕАЭС в условиях пандемии COVID-19: опыт Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 13–33.

Кургузиков М. С., Войта У. А. К вопросу об экологической культуре и защите права на благоприятную окружающую среду // Аграрное образование и наука. 2021. № 2. С. 11.

Ларин В., Мнацаканян Р., Честин И. Охрана природы России: от Горбачева до Путина. М., 2003. 416 с.

Мальшева А. А., Ронжина Н. А., Хайрусов Д. С. Будущие поколения как субъекты экологического права // Научные исследования в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (19 мая 2019 г.). Уфа, 2019. С. 46–52.

Пчельников М. В. Особенности развития экологических прав человека на мировом, национальном и региональном (местном) уровнях // Юристы-Правовед. 2017. № 1. С. 159–162.

Максим Сергеевич Кургузиков – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, Комсомольская, д. 23. E-mail: Jurist796@ya.ru. ORCID: 0000-0003-2645-3377

Виктор Александрович Петри – студент Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, Комсомольская, д. 23. E-mail: petry001@ya.ru. ORCID: 0000-0003-1673-2049

On the Environmental Rights of Future Generations

This article examines the term «future generation» in the context of Russian legislation, and the legal acts in which it is mentioned. The issue of maintaining a favorable environment for future generations is considered, as well as the issue of the emergence of legal capacity of an unborn person. The authors assess the potential of Russian legislation in the development of the institution of environmental rights for future generations. The paper examines various points of view regarding the need for consolidation of this institution, questions whether it is appropriate to apply the concept of sustainable development in relation to the rights of future generations.

In addition, the authors critically review the proposals of scholars on the prevention of violations of the rights of future generations. These proposals include amending the Constitution of the Russian Federation; introduction of the concept of limited consumption; imposing significant financial sanctions; establishing personal criminal / administrative liability for the heads of enterprises who

have allowed environmental pollution. The authors attempted to describe a possible mechanism for protecting the environmental rights of future generations.

Keywords: constitution, ecology, constitutional law, environmental law, environmental rights of future generations, sustainable development, human rights, favorable environment

Recommended citation

Kurguzikov M. S., Petri V. A. Ob ekologicheskikh pravakh budushchikh pokolenii [On the Environmental Rights of Future Generations], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 79–84, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_79.

References

Golovina S. Yu., Ramankulov K. S., Tomashevskii K. L. et. al. Trudovoe pravo i sotsial'noe obespechenie v gosudarstvakh EAES v usloviyakh pandemii COVID-19: opyt Belarusi, Kazakhstana, Kyrgyzstana i Rossii [Labor Law and Social Security in the EAEU States in the Context of the COVID-19 Pandemic: the Experience of Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2020, no. 4, pp. 13–33.

Kurguzikov M. S., Voita U. A. K voprosu ob ekologicheskoi kul'ture i zashchite prava na blagopriyatnyuyu okruzhayushchuyu sredu [On the Issue of Ecological Culture and Protection of the Right to a Favorable Environment], *Agrarnoe obrazovanie i nauka*, 2021, no. 2, p. 11.

Larin V., Mnatsakanyan R., Chestin I. *Okhrana prirody Rossii: ot Gorbacheva do Putina* [Russian Nature Protection: From Gorbachev to Putin], Moscow, 2003, 416 p.

Malysheva A. A., Ronzhina N. A., Khairusov D. S. Budushchie pokoleniya kak sub"ekty ekologicheskogo prava [Future Generations as Subjects of Environmental Law], *Nauchnye issledovaniya v sovremennom mire: opyt, problemy i perspektivy razvitiya* [Scientific Research in the Modern World: Experience, Problems and Development Prospects]: conference papers, Ufa, 2019, pp. 46–52.

Pchel'nikov M. V. Osobennosti razvitiya ekologicheskikh prav cheloveka na mirovom, natsional'nom i regional'nom (mestnom) urovnyakh [Features of the Development of Environmental Human Rights at the Global, National and Regional (Local) Levels] *Yurist"-Pravoved*, 2017, no. 1, pp. 159–162.

Vasil'eva M. I. Sub"ekty ekologicheskikh pravootnoshenii [Subjects of Environmental Legal Relations], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Pravo*, 2009, no. 5, pp. 3–27.

Velieva D. S. Narod kak sub"ekt prava na blagopriyatnyuyu okruzhayushchuyu sredu [The People as a Subject of the Right to a Favorable Environment], *Sovremennoe pravo*, 2010, no. 10, pp. 29–33.

Voronin B. A., Kruglov V. V., Rushchitskaya O. A. et al. *Pravovoe regulirovanie ratsional'nogo ispol'zovaniya i okhrany zemel' v sovremennoi Rossii* [Legal Regulation of Rational Use and Protection of Land in Modern Russia], Ekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. agrar. un-ta, 2021, 152 p.

Maksim Kurguzikov – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of constitutional law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: Jurist796@ya.ru.

ORCID: 0000-0003-2645-3377

Victor Petri – student of the Institute of public prosecutor's office, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: petry001@ya.ru.

ORCID: 0000-0003-1673-2049

Дата поступления в редакцию / Received: 29.08.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 29.10.2021

О. Ф. Листопад

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОМФОРТНОЙ СРЕДЫ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ИСКОННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Культурные противоречия между урбанизированным населением страны и аборигенными сообществами являются основой различий в комфортности их проживания. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока приобрели навыки жизни в условиях крайне трудных для человека и благодаря преемственности поколений сохранили собственные культурные особенности, в том числе кочевой образ жизни.

Наступление промышленной цивилизации может создать угрозу для сохранения традиционной комфортной среды проживания аборигенов. Автор считает актуальной задачей совершенствование законодательных актов в сфере обеспечения и сохранения этой среды, особенно в период промышленного освоения северных территорий. Для решения данного вопроса автор предлагает применять принцип экологического права – презумпцию опасности любой намечаемой хозяйственной деятельности, а также разработать порядок проведения этнологической экспертизы и законодательно закрепить возможность ее проведения.

Ключевые слова: *комфортная среда проживания, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, традиционный образ жизни, этнологическая экспертиза, промышленная экспансия, этнокультурное разнообразие*

Для цитирования

Листопад О. Ф. Обеспечение комфортной среды проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на исконных территориях // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 85–91. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_85.

УДК 349.41

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_85

Элементы такой конструкции, как «комфортная среда обитания» («жизнеспособность» или «качество жизни») для граждан, проживающих на урбанизированных территориях, и для коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – коренные народы, аборигены), ведущих традиционный образ жизни, будут иметь различия. В настоящей статье остановимся только на отличительных элементах этой конструкции. В первую очередь различия заключаются в разнопорядковой системе ценностей пришлых на Север народов и коренного населения, которое много веков проживало на территориях с суровым климатом.

Например, коренные народы, существующие в гармонии с природой и живя по ее правилам, смешивают природные и культурные элементы, не видят конфликта между ними,

это традиционно для Севера [Налетов 2005: 12]. Ценностями коренных народов являются сама окружающая природная среда, ее охрана и сохранение традиций. Поэтому сохранение накопленного коренными народами опыта адаптации к трудным климатическим условиям и защита исконной территории проживания этих народов имеют большое значение.

Урбанизированное же общество, избрав путь индустриализации, противопоставляет свою культуру природному порядку. Это подтверждается общеизвестным выражением советского ученого-селекционера И. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача». В век цифровизации и глобализации данный разрыв становится все более очевидным. Доминирующие ценности цивилизованного

общества – социально-экономическое развитие и рост материального благополучия, которые обеспечиваются, в том числе, добывающей промышленностью. И одним из путей развития современного общества является совершенствование городского пространства, создание комфортной среды проживания городского населения. В соответствии с докладом ООН «Города и изменение

пример, такие индикаторы, как аварийность жилых строений, оборудование их сетью коммуникаций, разнообразие жилой застройки, разнообразие услуг в жилой зоне и т. п.

Данные критерии обязательны для определения комфортности проживания граждан исключительно в населенных пунктах. Коренные же народы, традиционно проживая на территориях расселения своих предков, сохранили собственные культурные особенности, приобрели навыки жизни в природных условиях, крайне трудных, если не сказать невозможных, для пришлого населения. В их формах организации быта, в культуре, самоидентификации и в использовании родного языка можно проследить историческую преемственность. Для коренного населения свойственно заниматься охотой и рыболовством, разведением оленей и собирательством [Мостахова 2018]. Поэтому живые ресурсы Севера для аборигенов не только являются продуктами питания и поддерживают их в экономическом плане, но и выступают основой их культурной идентичности и духовной жизни [Территории традиционного природопользования 2010: 11]. Традиционное природопользование является основой комфортного существования этих народов как самостоятельных этносов, и сохранение условий их привычной жизни означает создание комфортной среды проживания.

Коренные народы прежде всего нуждаются в экологически чистых и немалых по размеру территориях. В деле малочисленных народов *Mayagna (Sumo) Awas Tingni* против Никарагуа Межамериканский суд по правам человека впервые в начале 2000-х гг. признал, что коренные народы в силу своего существования имеют право свободно жить на своей территории. Тесные связи коренных народов с землей следует признать и понимать как основополагающие для их культуры, духовной жизни, целостности и экономического выживания².

Наступление же промышленной цивилизации создает угрозу исчезновения самобытности указанных народов и оказывает негативное воздействие на их жизнедеятельность.

Традиционное природопользование является основой комфортного существования коренных народов как самостоятельных этносов, и сохранение условий их привычной жизни означает создание комфортной среды проживания

климата: направления стратегии»¹ количество городского населения в мире с каждым годом только прибывает. Идет постоянная работа над совершенствованием законодательства, регулирующего отношения в сфере развития комфортной городской среды, в понятие которой включаются новые элементы. В первую очередь это градостроительное законодательство, нацеленное на комплексное и устойчивое развитие территорий и предусматривающее обеспечение безопасности проживания, в том числе экологической, а также благоприятных условий жизнедеятельности.

Согласно Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» окружающая среда состоит из природных, природно-антропогенных и антропогенных объектов, т. е. населенных пунктов, и одними из первых принципов ее защиты являются соблюдение прав человека на благоприятную окружающую среду и обеспечение благоприятных условий для жизни горожан.

Благоприятные условия жизни более детально раскрываются в Методике формирования индекса качества городской среды (утв. распоряжением Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р). При определении комфортности жизни берутся во внимание, на-

¹ Города и изменение климата: направления стратегии. Глобальный доклад о населенных пунктах 2011 года // URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/Cities%20and%20Climate%20Change%20Global%20Report%20on%20Human%20Settlements%202011%20%20ABRIDGED%20%28RUSSIAN%29.pdf>.

² Inter-American Court of Human Rights. Case of the Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua, Judgment of August 31, 2001 Merits, Reparations and Costs // URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_79_ing.pdf.

При психологической и социальной адаптации к новым условиям возникает риск изменения уровня психологического здоровья коренного населения, что в свою очередь влияет на клинические проявления и течение любых заболеваний [Попова, Лобанов 2018: 115]. Особенно актуально это в условиях освоения новых территорий и существующих промышленных зон Севера [Государственно-правовые основы 2018].

В Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 22 декабря 2018 г. № 2914-р) говорится, что за счет развития Северного морского пути создаются условия для освоения недр Арктической зоны Российской Федерации. С целью экономического роста и обеспечения целей развития Севера в 2020 г. также были приняты Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (утв. постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 (в ред. от 31 марта 2020 г.) и Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р).

Вопрос, возникающий при правовом регулировании отношений, связанных с использованием территорий исконного проживания в целях добычи полезных ископаемых, является самым актуальным при защите прав коренных народов. Сегодня их культура – под угрозой, а механизмы защиты прав – неэффективны.

Пренебрежение интересами коренных народов при промышленной разработке новых высокодоходных месторождений, одновременно являющихся местом их традиционного проживания, приводит к утрате территорий, пригодных для оленеводства, рыболовства, охоты, и таким образом делает их традиционный образ жизни невозможным. Ученые уже в конце XX в. предупреждали о сокращении площади оленьих пастбищ из-за освоения новых месторождений [Новикова 2000; Кряжков 1994]. Между тем в п. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (ратифицирован Указом Президиума ВС СССР в 1973 г.), установлено, что ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования.

Проанализируем действующие законодательные акты РФ на предмет обеспечения прав коренных народов на самобытность и исконную среду обитания. Соблюдение данных прав является отличительным элементом конструкции «комфортная среда проживания» для коренных народов.

Конституция Российской Федерации гласит, что государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации и гарантирует сохранение этнокультурного и языкового разнообразия (ст. 69). Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р) направлена на концентрацию населения и экономики в крупнейших формах расселения, в котором лидирующие позиции занимают крупнейшие городские агломерации, гарантирует защиту прав коренных народов на исконную среду обитания, традиционное природопользование и образ жизни. Защита этих прав также закреплена в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666), документ гарантирует участие коренных народов в решении вопросов, затрагивающих их права и интересы.

Для того чтобы сохранить самобытность коренных народов в период промышленного освоения Севера, необходимо развивать установленные государством гарантии [Харючи 2012]. В связи с этим мониторинг законодательных актов в сфере обеспечения гарантий и защиты прав и интересов коренных народов является актуальной задачей органов власти. Юридические конструкции, термины и определения должны быть сформулированы однозначно и не иметь двойного смысла, в противном случае возникает вероятность коррупции. А нормы права должны развивать документы стратегического планирования и не противоречить им.

Так, Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» закрепляет право органов государственной власти принимать федеральные законы и иные нормативные акты в целях защиты исконной среды обитания коренных народов, традиционного образа жизни, хо-

зяйствования и промыслов. Однако в силу ч. 1 ст. 5 Закона федеральные органы государственной власти имеют право (но не обязаны!) принимать нормативные правовые акты Российской Федерации в рассматриваемой сфере и могут (но не обязаны!) привлекать уполномоченных представителей малочисленных народов к разработке и экспертизе проектов указанных федеральных законов и иных нормативных правовых актов.

Как видим, данный нормативный акт оставляет привлечение представителей коренных народов на усмотрение органа власти. Кроме того, Законом не установлены критерии и порядок их привлечения к подобного рода экспертной работе, что может способствовать возникновению коррупции.

Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» устанавливает общие принципы организации и деятельности общин коренных народов, создаваемых в целях защиты их прав и интересов. При этом абз. 8 п. 1 ст. 7, регулирующий учет мнения общин при решении вопросов, затрагивающих интересы коренных малочисленных народов, с 2004 г. исключен из данного Закона. Анализируя действующее законодательство, В. А. Кряжков приходит к выводу, что законодательство о коренных народах в настоящее время «характеризуется правовой стагнацией и откатом от прежних позиций» [Кряжков 2012: 44]. Об этом говорила и Н. И. Новикова еще в 2000 г. [Новикова 2000].

Также следует рассмотреть ст. 12 Федерального закона от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Согласно ей изъятие земельных участков у коренных малочисленных народов для государственных и муниципальных нужд регулируется, в том числе, Земельным кодексом РФ. Однако он не учитывает специальные права коренных народов при изъятии указанных участков.

Очень важно, что совпадение мест традиционного природопользования и мест залегания полезных ископаемых не может способствовать обеспечению комфортной среды проживания коренных народов и законодательно не урегулировано. Противоречие тра-

диционного природопользования коренных народов принципам ведения современного бизнеса приводит к конфликтным ситуациям [Транин 2008].

Применяя закрепленный в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» международный принцип экологического права – презумпцию опасности любой намечаемой хозяйственной деятельности, решить данный вопрос можно путем проведения этнологической экспертизы. Согласно Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» под этнологической экспертизой понимается научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса.

Следует отметить, что в 2005 г. Правительство Российской Федерации рассмотрело проект федерального закона № 146315-4 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об экологической экспертизе“», однако не поддержало его по следующим причинам:

экологическая и этнологическая экспертизы являются самостоятельными видами экспертиз;

цели указанных экспертиз различны и не могут быть достигнуты одновременно в рамках проведения экологической экспертизы.

Соглашаясь с данными выводами, считаем, что необходимо принять федеральный закон об этнологической экспертизе. Одни из задач, которые сможет решить эта экспертиза, – выявление качества жизни коренных народов и повышение его до среднероссийского уровня. Экспертиза установит социальные обязательства промышленных компаний в отношении коренного народа, проживающего на территории, на которой компании ведут хозяйственную деятельность. Указанный закон должен предусматривать:

1) конкретные критерии и способы проведения экспертизы;

2) состав экспертной комиссии. Поскольку под этнологической экспертизой следует понимать механизм взаимодействия органов государственной власти, промышленных компаний, науки и коренных народов, то в состав комиссии должны войти:

Полномочный представитель Президента Российской Федерации как гаранта Конституции Российской Федерации;

представитель народов, права которых напрямую затрагиваются экономической деятельностью на соответствующей территории;

председатель общины;

Уполномоченный по правам человека субъекта Российской Федерации;

представители органов государственной власти субъекта Российской Федерации;

представители муниципального образования;

специалисты в области экологии, этнографии и права;

3) условия заключения соглашения между общинами коренных народов и хозяйствующим субъектом. Данное соглашение должно быть направлено на получение благ для коренного населения и не должно носить патерналистский характер. В настоящее время на практике такие соглашения обычно заключаются, но не являются официальными;

4) государственный надзор, муниципальный и общественный контроль за экологическим состоянием земель проживания

коренных народов, а также планируемой и осуществляемой на них хозяйственной деятельности.

Повторим, что осуществление традиционных видов хозяйствования ставит коренные народы в зависимость от природных условий, исконная среда проживания является единственной средой их привычного существования. Для обеспечения комфортности этой среды необходимо соблюдать следующие условия:

сохранение традиционных территорий проживания коренных малочисленных народов для ведения традиционного хозяйства, в том числе кочевого;

сохранение языка;

улучшение качества здравоохранения для граждан, проживающих в отдаленных районах;

обучение детей без отрыва от традиционного образа жизни;

обеспечение благоприятной экологической среды.

Список литературы

Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России: моногр. / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Изд-во ИЗиСП, 2018. 301 с.

Кряжков В. А. Законодательство о коренных малочисленных народах Севера: Современное состояние и пути совершенствования // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: сб. ст. / под общ. ред. В. А. Штырова. М.: Упр. информ. технологий и документооборота Аппарата Совета Федерации, 2012. С. 44–56.

Кряжков В. А. Правовые проблемы коренных малочисленных народов России // Государство и право. 1994. № 6. С. 3–7.

Мостахова Т. С. Этнологическая экспертиза как инструмент защиты традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера // Сбережение коренного населения в Арктической зоне РФ в условиях трансформации образа жизни и изменения климата: сб. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (24–25 мая 2018 года) / сост. Е. Н. Богданова, М. Ю. Задорин. Архангельск: КИРА, 2018. С. 15–18.

Налетов А. М. Взаимодействие быта коренных малочисленных народов Севера и культуры переселенцев в современных условиях: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2005. 176 с.

Новикова Н. И. Родовые угодья: перспективы правового плюрализма (представления представителей коренных народов и законодателей) // Государство и право. 2000. № 6. С. 102–107.

Попова Т. Л., Лобанов А. А. Нервно-психическая адаптация в условиях трансформации образа жизни коренных жителей в Арктической зоне ЯНАО // Сбережение коренного населения в Арктической зоне РФ в условиях трансформации образа жизни и изменения климата: сб. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (24–25 мая 2018 года) / сост. Е. Н. Богданова, М. Ю. Задорин. Архангельск, КИРА, 2018. С. 115–119.

Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов российского Севера (проблемы и перспективы) / отв. ред. М. М. Бринчук. М.: Изд-во Ин-та госва и права РАН, 2010. 88 с.

Транин А. А. Эколого-правовые проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов России // Государство и право. 2008. № 8. С. 19–25.

Харючи С. Н. Исторические предпосылки и современные тенденции развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: сб. ст. / под общ. ред. В. А. Штырова. М.: Упр. информ. технологий и документооборота Аппарата Совета Федерации, 2012. С. 33–43.

Оксана Федоровна Листопад – магистр юриспруденции, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права, куратор студенческой юридической клиники Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: u1062@list.ru.

ORCID: 0000-0001-8892-5224

Providing a Comfortable Living Environment for Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East in the Ancestral Territories

The cultural contradictions between the urbanized population of the country and aboriginal communities are the basis of differences in the comfort of their living, because the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East live according to the rules of nature, and a civilized society opposes itself to nature. The aboriginal people acquired the skills of living in conditions extremely difficult for humans and, thanks to the continuity of generations, retained their own cultural characteristics, including preserving a nomadic way of life. The advance of industrial civilization could threaten the traditional comfortable living environment of these people.

The author considers the improvement of legislative acts in the field of ensuring and preserving the traditional comfortable living environment to be the urgent task, especially during industrial development of the northern territories. To solve this issue, the author proposes applying the principle of environmental law – the presumption of the danger of any planned economic activity – and developing rules for conducting an ethnological expertise and legislatively establish the possibility of its conduct.

Keywords: *comfortable living environment, indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East, traditional way of life, ethnological expertise, industrial expansion, ethnocultural diversity*

Recommended citation

Listopad O. F. Obespechenie komfortnoi sredy prozhivaniya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka na iskonnykh territoriyakh [Providing a Comfortable Living Environment for Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East in the Ancestral Territories], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 85–91, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_85.

References

Brinchuk M. M. (ed.) *Territorii traditsionnogo prirodnopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov rossiiskogo Severa (problemy i perspektivy)* [Territories of Traditional Nature Use of Indigenous Peoples of the Russian North (Problems and Prospects)], Moscow, Izd-vo In-ta gos-va i prava RAN, 2010, 88 p.

Kharyuchi S. N. *Istoricheskie predposylki i sovremennye tendentsii razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii* [Historical Background and Modern Trends in the Development of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation], Shytrova V. A. (ed.) *Sovremennoe sostoyanie i puti*

razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'negο Vostoka Rossiiskoi Federatsii [The Current State and Ways of Development of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]: conference papers, Moscow, Upr. inform. tekhnologii i dokumentooborota Apparata Soveta Federatsii, 2012, pp. 33–43.

Kryazhkov V. A. Pravovye problemy korennykh malochislennykh narodov Rossii [Legal Problems of the Indigenous Peoples of Russia], *Gosudarstvo i pravo*, 1994, no. 6, pp. 3–7.

Kryazhkov V. A. Zakonodatel'stvo o korennykh malochislennykh narodakh Severa: Sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya [Legislation on Small Indigenous Peoples of the North: Current State and Ways of Improvement], Shtyrov V. A. (ed.) *Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'negο Vostoka Rossiiskoi Federatsii* [The Current State and Ways of Development of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation], Moscow, Upr. inform. tekhnologii i dokumentooborota Apparata Soveta Federatsii, 2012, pp. 44–56.

Mostakhova T. S. *Etnologicheskaya ekspertiza kak instrument zashchity traditsionnogo obraza zhizni korennykh malochislennykh narodov Severa* [Ethnological Expertise as a Tool to Protect the Traditional Way of Life of the Indigenous Peoples of the North], Bogdanova E. N., Zadorin M. Yu. (eds.) *Sberezhenie korennogo naseleniya v Arkticheskoi zone RF v usloviyakh transformatsii obraza zhizni i izmeneniya klimata* [Conservation of the Indigenous Population in the Arctic Zone of the Russian Federation in the Conditions of Lifestyle Transformation and Climate Change]: conference papers, Arkhangel'sk, KIRA, 2018, pp. 15–18.

Naletov A. M. *Vzaimodeistvie byta korennykh malochislennykh narodov Severa i kul'tury peregulnitsy v sovremennykh usloviyakh* [Interaction of the Life of the Indigenous Peoples of the North and the Culture of Immigrants in Modern Conditions]: autoabstr. of cand. philos. sc. thesis, Tyumen', 2005, 176 p.

Novikova N. I. Rodovye ugod'ya: perspektivy pravovogo plyuralizma (predstavleniya predstavitelei korennykh narodov i zakonodatelei) [Ancestral Lands: Perspectives of Legal Pluralism (Representations of Representatives of Indigenous Peoples and Legislators)], *Gosudarstvo i pravo*, 2000, no. 6, pp. 102–107.

Popova T. L., Lobanov A. A. *Nervno-psikhicheskaya adaptatsiya v usloviyakh transformatsii obraza zhizni korennykh zhitelei v Arkticheskoi zone YaNAO* [Neuropsychic Adaptation in the Conditions of Transformation of the Lifestyle of Indigenous People in the Arctic Zone of the Yamalo-Nenets Autonomous District], Bogdanova E. N., Zadorin M. Yu. (eds.) *Sberezhenie korennogo naseleniya v Arkticheskoi zone RF v usloviyakh transformatsii obraza zhizni i izmeneniya klimata* [Conservation of the Indigenous Population in the Arctic Zone of the Russian Federation in the Conditions of Lifestyle Transformation and Climate Change]: conference papers, Arkhangel'sk, KIRA, 2018, pp. 115–119.

Tikhomirov Yu. A. (ed.) *Gosudarstvenno-pravovye osnovy uskorennoy razvitiya Dal'negο Vostoka Rossii* [The State-Legal Basis for the Accelerated Development of the Russian Far East], Moscow, 2018, 301 p.

Tranin A. A. *Ekologo-pravovye problemy traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov Rossii* [Ecological and Legal Problems of Traditional Nature Management of Indigenous Peoples of Russia], *Gosudarstvo i pravo*, 2008, no. 8, pp. 19–25.

Oksana Listopad – master of jurisprudence, senior lecturer of the Department of land, urban planning and environmental law, curator of the legal student clinic, Ural State Law University, 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: u1062@list.ru.

ORCID: 0000-0001-8892-5224

Дата поступления в редакцию / Received: 29.08.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 08.11.2021

Р. С. Тараборин

Уральский институт управления РАНХиГС
(Екатеринбург)

МОСКОВСКОЕ ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Автохтонное происхождение правовых норм Свода законов гражданских 1832 г. подтверждалось ссылками на источники этих норм. Самым ранним источником было Соборное уложение 1649 г. На примере двух указанных законодательных документов автор настоящей статьи исследует проблему преемственности норм гражданского права. Проводится сравнительно-правовой анализ содержания и лексики правовых норм Свода законов гражданских и Соборного уложения: всех статей, в которых Уложение являлось единственным источником, и выборочно тех статей, в которых использовались дополнительные источники.

Исследование представляет собой последовательное, по институтам семейного, вещного, наследственного и обязательственного права, сопоставление содержания и формулировок правовых норм в указанных документах. Это позволило установить: идентичность или сходство правовых норм; способы использования основного и дополнительных источников; приемы редактирования, придававшие извлеченным из источников нормам современную форму. Автором сделаны следующие выводы: 1) гражданско-правовые нормы законодательных документов, разделенных почти двумя столетиями, в большинстве случаев обнаружили высокий уровень правовой преемственности; 2) редактирование источника заключалось в типизации исходной казуальной нормы, устранении архаизмов в юридико-лексических формулировках.

Ключевые слова: гражданское законодательство, Соборное уложение, Свод законов гражданских, правовая норма, источник, преемственность

Для цитирования

Тараборин Р. С. Московское правовое наследие в гражданском праве Российской империи первой половины XIX в. // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 92–99. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_92.

УДК 321.01

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_92

Создание в 1832 г. Свода законов Российской империи явилось завершением длительного процесса систематизации отечественного законодательства, придания ему единой целостной формы. Правовое значение Свода безусловно и общепризнанно, но не меньшее значение он имел и в политическом отношении: на внешнеполитической арене Россия теперь представляла государством, в котором действовала самостоятельная, основанная на национальной традиции система права, не уступавшая аналогичным системам европейских государств.

Достижение такого результата было во многом обусловлено исходной установкой,

данной создателям Свода императорской властью и большей частью дворянства: систематизация должна была доказать исконно русское происхождение ныне действовавшего в России права. В таком доказательстве особую роль играло установление взаимосвязи российского права эпохи империи с московским правом. Это требовало использования правового наследия Московского царства, прежде всего Соборного уложения 1649 г., не в качестве историко-правового памятника, а как непосредственного источника ряда современных правовых норм. Перед составителями Свода стояла непростая задача – найти в статьях Уложения правовые нормы,

регулирувшие те же правоотношения, что и в XIX в., и сходные по своему смыслу с нормами сегодняшнего дня. Непростой была и задача редакторов Свода: им следовало сформулировать правовую норму в статье Свода таким образом, чтобы она соответствовала правовым представлениям и практике первых десятилетий XIX в., сохраняя при этом преемственность и взаимосвязь с источником права, отделенным от нее почти двухвековой временной дистанцией.

В нашей статье использование норм Соборного уложения 1649 г. в Своде законов Российской империи 1832 г. и методы редакторской работы с источниками исследуются на примере гражданского права, нормы которого были систематизированы в основном в Своде законов гражданских (т. X ч. I Свода законов Российской империи).

Под таким углом зрения содержание Свода законов гражданских до сих пор практически не исследовалось в отечественной историко-правовой науке. Лишь в классическом труде К. А. Неволлина московское законодательство, в том числе относившееся к более раннему периоду, чем середина XVII в., рассматривалось как источник гражданских законов середины XIX в., но автор не анализировал ни состав самого Свода законов гражданских, ни методы редакторской работы с его источниками [Неволин 1851].

Возможности для проведения нашего исследования были обусловлены некоторыми правилами, по которым формировался состав Свода. «Под каждой статьей, – указывал фактический руководитель всей работы М. М. Сперанский, – означать с точностью те указы и постановления, из коих она составлена». Также он выдвигал требования, чтобы «1) те статьи Свода, кои основаны на одном действующем указе или постановлении, излагать теми самыми словами, какие стоят в тексте, без малейшего их изменения; 2) те статьи, кои составлены из двух или более указов, излагать словами указа главного с присоединением из других тех слов, кои служат ему дополнением или пояснением» [Обозрение исторических сведений 1837: 106–107].

Все требования, естественно, относились и к использованию источников московского времени. Но с их точным выполнением возникли немалые трудности. Во-первых, за истекшее время существенно изменились пра-

вовые представления как законодателей, так и той части общества, для которой это законодательство было предназначено. Не меньшие изменения претерпела и юридическая лексика. Во-вторых, московское право имело преимущественно казуальный характер, что означало тесную связь правовой нормы с социально-экономическими реалиями Московского царства. Но многие такие реалии кардинально изменились за прошедшее время: например, исчезли разделение вотчинного и поместного землевладения, категория холопов; вместо посадского населения в России сословный статус обрели купечество и мещанство и т. д.

В связи с этим было невозможно просто перенести в статью Свода сходную норму, обнаруженную в Соборном уложении: в 1830-е гг. ее вряд ли бы поняли те, для кого Свод законов гражданских предназначался. Редакторам пришлось прибегнуть к методам обработки исходного правового материала, чтобы доказать действительную связь законодательства разных столетий. Установить эти методы и оценить их эффективность позволяет сравнение содержания статей Свода, источником которых было Соборное уложение, с содержанием самих статей Уложения.

В Своде законов гражданских, состоявшем из 1471 статьи, Соборное уложение указывалось как первый источник в ссылках к 161 статье. Это означало, что, по мнению составителей Свода, именно в Уложении обозначенная правовая норма впервые фиксировалась в русском праве (более ранние источники ими не рассматривались). В 46 статьях первая ссылка оставалась единственной, указывая тем самым на непосредственное происхождение современной нормы из данной статьи Уложения. В остальных 115 статьях московский источник дополнялся позднейшими узаконениями других монархов: от царя Федора Алексеевича до императора Николая I.

В четырех книгах, которые включал в себя Свод, количество статей, в которых Соборное уложение значилось первым и единственным источником, было следующим: в кн. I «О правах и обязанностях семейственных» – соответственно 25 и 3 (из 229 статей); в кн. II «О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще» – 48 и 20 (из 333 статей); в кн. III «О порядке приобретения и укрепления прав на имущества в особен-

ности» – 58 и 11 (из 403 статей); в кн. IV «О обязательствах по договорам» – 30 и 12 (из 506 статей). Эти количественные показатели свидетельствовали лишь о достаточно широком использовании Соборного уложения как источника имперского гражданского права (почти в 11 % всех статей Свода), но не раскрывали преэминентность правовых норм и методы редакторской обработки источников.

Нами был проведен полный сопоставительный анализ всех 46 статей, в которых Уложение было указано как единственный источник, и выборочный анализ статей, в которых оно значилось первым источником, но дополнялось позднейшими законами.

Можно уподобить работу редакторов Свода работе переводчиков с одного языка на другой: с юридического языка и общественных реалий середины XVII в. на юридический язык и общественные реалии первой трети XIX в.

В результате удалось установить, что во всех 46 статьях взаимосвязь имперских и царских правовых норм действительно имела место, но степень ее выраженности различалась. В остальных статьях в редких случаях норма Уложения играла роль главного источника нормы Свода, но с соответствующими дополнениями из других источников. Чаще же норма Свода соответствовала более поздним источникам, а норма Уложения отражала частичную и косвенную взаимосвязь, либо ссылка на нее выглядела формальным следованием принципу поиска источников в московском праве.

Были выявлены и основные методы обработки Уложения редакторами Свода. Во-первых, казуальность, присущая московскому праву, заменялась такой формой выражения основного правового смысла данной нормы, что последняя становилась типичной и применимой в современных случаях возникновения аналогичного правоотношения. Во-вторых, устранялись архаичность исходной формулировки нормы, присущие времени ее действия социально-экономические реалии и способы реализации. Можно уподобить работу редакторов Свода работе переводчиков с одного языка на другой:

с юридического языка и общественных реалий середины XVII в. на юридический язык и общественные реалии первой трети XIX в.

Конечно, применение выявленных методов зависело от состояния источника (содержания и формы статьи Уложения). Приведем примеры.

Правовая норма источника сравнительно легко «переводилась» в норму, соответствующую условиям первой трети XIX в., если само регулируемое ими правоотношение не претерпевало за прошедшее время существенных изменений.

Так, в кн. I в ст. 116 устанавливалась норма, регулировавшая один из аспектов правоотношений родителей и детей: «От детей в личном отношении не приемлется на родителей никакого иска» [Свод законов гражданских 1832: 27]. Единственный указанный источник – ст. 6 из главы XXII Уложения: «А будет которой сын или дочь учнут бити челом о суде на отца или на мать, и им на отца и на мать ни в чем суда не давать, да их же за такое челобитье бить кнутом и отдать их отцу и матери» [Соборное уложение 1987: 130]. Сходство правового смысла двух норм очевидно, хорошо фиксируется перевод казуальности в типичность, достигаемый, среди прочего, за счет исключения такой социальной реалии XVII в., как использование кнута в качестве правового аргумента.

В кн. II, посвященной имущественному (вещному) праву, в ст. 372 регулировалась правовая коллизия, не менее типичная для аграрного общества XIX в., нежели XVII в.: «Если же кто за потраву хлеба или травы скотом, загнав оный к себе, не будет его кормить и уморит с голоду, то с него взыскивается в пользу хозяина цена скота по оценке» [Свод законов гражданских 1832: 91]. В качестве московских источников этой статьи редакторы указали ст. 209–210 из гл. X Уложения, имевшие явно казуальное происхождение и применение (ст. 209: «А будет кто чюжую животину загнав к себе во двор из своего хлеба или с лугов учнет держать в запоре, и держав в запоре голодом уморит...»; ст. 210: «А будет кто чье стадо конское или иные животины с своея или с чюжие земли изгонит к себе во двор насильством безвинно» и «которую животину уморит голодом или убьет...»). В обеих статьях устанавливалось взыскание с виновного в пользу истца «указной цены»

по жалобе челобитчиков и по решению суда [Соборное уложение 1987: 55]. Работа редакторов с источниками была проведена практически так же, как в предыдущем случае.

В кн. IV, включавшей нормы обязательственного (договорного) права, ту же логику редакторской работы иллюстрирует ст. 1362, входившая в институт ссуды имуществ. В ней устанавливалось, что «если кто взятое в ссуду имущество испортит своим нерадением, то обязан заплатить хозяину цену онаго; поврежденное же имущество может взять себе» [Свод законов гражданских 1832: 312]. Единственным источником выступала ст. 273 из гл. X Уложения, имевшая тот же правовой смысл, но сформулированная при помощи иной правовой лексики и носившая казуальный характер: «А будет кто у кого возмет к которому ни будь времени на ссуду платье, или же платье возмет делати портной мастер, и то платье мышми истравит или чем испортит, и в том на него будут челобитчики, и за то изъеденое платье исцом взяти на них цену, а платье им отдати» [Соборное уложение 1987: 62].

Редакторская работа усложнялась, если в статье Уложения, обычно весьма пространной, правовая норма формулировалась в тесной связи с изложенными в статье казуальными обстоятельствами возникновения данного правоотношения и его регулирования. Например, это можно проследить в кн. II в статьях, признававших неправомерными имущественные сделки, при заключении которых использовалось принуждение.

Так, в ст. 402 содержалась следующая норма: «Если же по суду откроется, что жалоба на принуждение принесена ложно, то проситель и лжесвидетели, показавшие в его пользу, должны заплатить ответчику безчестье и весь иск и сверх того подвергаются наказанию, какое в Уголовных законах установлено» [Свод законов гражданских 1832: 98]. В единственном ее источнике (ст. 252 в гл. X Уложения) речь тоже шла о ложном доносе, и виновный нес материальную ответственность. Но основное место в источнике заняло подробное изложение казуальных обстоятельств возникновения данного нарушения («А будет кто кому дав на себя какую крепость учнет на того, кому он ту крепость даст являть и бить челом государю и сказывать... а тот, кому он ту крепость на

себя даст и площадные подъячие... учнут говорить» и т. д.) и конечного решения казуса («Челобитчику за такое его ложное челобитье и тем людям, которые учнут по нем говорить ложно с ним по стачке, учинити жестокое наказание, велеть их бить кнутом нещадно при многих людех, чтобы им и иным таким впредь неповадно было так делать») [Соборное уложение 1987: 60–61].

Редакторы типизировали казус ложного доноса и перевели норму на язык юридических понятий своего времени (к примеру, заменили «кнут» простой отсылкой к уголовным законам), но тот факт, что данная норма имела в московском праве и с ней есть смысловая связь, на наш взгляд, был ими доказан.

Схожая редакторская работа была проведена в ст. 807 в кн. III. Норма гласила: «Каждому из наследников, состоящих в общем владении, дозволяется отчуждать до раздела доставшуюся ему часть; но не прежде однако же, как когда прочие сонаследники отрекутся приобрести оную для себя, с заплаатою ему за нее по оценке» [Свод законов гражданских 1832: 192]. Текст источника – ст. 14 в гл. XVII Уложения – изобилует подробностями и понятиями середины XVII в.: «А будет после кого умершего вотчина его дана будет детям его сыновьям двум же или трем человеком вопче, и один из них тое отцовские вотчины свой жеребей для своих недостатков похочет продать или заложить, и ему тот свой вотчинной жеребей продать или заложить вольно. А будет братья его тое отцовские вотчины с ним розделить не похотят и учнут бити челом государю, чтобы государь пожаловал их велел у них за тот брата их вотчинной жеребей взяти брату их деньги, и у них за тот вотчинной жеребей велеть брату их взяти деньги по оценке, чего та вотчина стоит» [Соборное уложение 1987: 85–86].

Как видим, и здесь редакторы перевели казус в типичность и избавили правовую норму от контекста московского времени, в данном случае – от подробностей наследственных вотчинных отношений.

Когда же норма Уложения обозначалась составителями как первый источник, но дополнялась позднейшими узаконениями, перед редакторами возникала наиболее сложная задача – доказать преемственность с московским правом, поскольку содержание позднейших узаконений могло «поглотить» правовую норму источника или вообще нивелировать ее.

В некоторых случаях последующие узаконения, не изменив основной правовой смысл нормы Уложения, подтверждали, дополняли и расширяли ее применимость. Тогда норма московского права использовалась редакторами как основа для формирования нормы Свода, а остальные источники служили дополнительными средствами типизирования этой нормы применительно к правоотношениям первой трети XIX в.

Так, в ст. 328 (кн. II) содержалась принципиально важная для имущественного права общая норма: «Право распоряжения в соединении его с правом собственности состоит во власти отчуждать имущество в пределах, законом означенных, и отдавать оное в пользование другому посредством найма, ссуды и других договоров» [Свод законов гражданских 1832: 78]. Первыми источниками были ст. 42 и 45 из гл. XVII Уложения. Статья 42 гласила, что «вотчинником, которым по его государеву указу вотчины даны за службы, и их детям, и внучатом, и правнучатом выслуженные вотчины вольно продать, и заложить, и в приданые и в монастырь по душе дать». В ст. 45 такое право распространялось и на владельцев купленных вотчин [Соборное уложение 1987: 90, 91]. Очевидно, что, хотя эти нормы имели казуальный характер, их содержание не противоречило содержанию нормы Свода, что свидетельствовало о нормативной преемственности. В остальных источниках ст. 328 (узаконения Екатерины II, Павла I и Александра I) данное правоотношение регулировалось с учетом условий XVIII в., и его разрешение подтверждало сохранение действительности нормы Уложения. В этом плане стоит выделить ст. 22 Жалованной грамоты дворянству, прямо подтверждающую право «благоприобретенное имение дарить, или завещать, или в приданые или на прожиток отдать, или передать, или продать, кому заблагоразсудить» [Полное собрание законов 1830. XXII: 348].

В наследственном праве (кн. III Свода) встречаются еще более показательные примеры, связанные, в частности, с неизменной направленностью наследственного права обеих эпох на сохранение земельных владений внутри дворянского рода.

Согласно ст. 684 «право наследования в порядке, законами определенном, простирается на всех членов рода, одно кровное родство составляющих, до совершенного прекращения онаго, не токмо в мужеском, но

и в женском поколении» [Свод законов гражданских 1832: 164].

В качестве первых источников были указаны ст. 2 и 4 (гл. XVII) Уложения, в которых с поправкой на юридический язык московского времени без труда обнаруживалась содержательная преемственность. Так, в силу ст. 2 «а у которых вотчинников после их останутся дочери их и сестры замужем, и об вотчинах их учнут бить челом по родству челобитчики тех умерших, дочери и сестры, которые замужем, в вотчину же, и им чинить указ по уложению, и оне тем вотчинам вотчичи. А после которых умерших учнут бить челом о вотчинах после отцов своих сыновья и дочери, и те вотчины давать сыновьям, и дочерям вотчин з братьею жеребьев не давать, покаместа братья их живы, а давать дочерям после отцов их ис поместей на прожиток по указу. А как братья их не станет, и дочери тем вотчинам вотчичи». В ст. 4 норма наследования расширялась: «У кого сыновей не останется, и родовые и выслуженные вотчины давати и дочерям их... И у которых дочерей будут дети, и те вотчины детям их и внучатом, после дедов своих и бабок их родных и з дядьями и с тетками своими родными в старинных и в выслуженных вотчинах быти им вотчичам же. А будут у которых дочерей детей не останется, и те вотчины отдавати в род, кто ближе того роду вотчичем по прежним государевым указом и уложением» [Соборное уложение 1987: 83–84].

Содержание двух других источников, указанных в ст. 684, лишь подтверждало основной смысл московских норм наследственного права. Так, в резолюции Екатерины II на один из сенатских докладов (1770 г.) говорилось, что решать спорные наследственные дела следует по правилам, «весьма сходственным с начальным законом, то есть с Уложением» [Полное собрание законов 1830. XIX: 30]. А в утвержденном в 1823 г. Александром I мнении Государственного совета были просто приведены ссылки на ст. 2 и 4 гл. XVII Уложения и упомянутый выше документ Екатерины II [Полное собрание законов 1830. XXXVIII: 827].

Таким образом, редакторы в этих случаях компоновали правовую норму статьи Свода из нескольких источников, но с сохранением основного правового смысла первого из них, что и обеспечивало необходимый уровень преемственности норм, принадлежавших к разным эпохам развития права.

Вместе с тем в некоторых статьях первая ссылка на Уложение дополнялась узаконениями, игравшими главную роль в формировании нормы Свода.

Например, в ст. 92 (кн. I) содержалась норма, определявшая, что «незаконные дети суть: 1) рожденные вне брака, хотя бы родители их впоследствии сопряжены были законным браком; 2) прижитые в незаконном браке; 3) происшедшие от прелюбодеяния» [Свод законов гражданских 1832: 23]. В качестве первых источников фигурировали ст. 280 (гл. X) и ст. 80 (гл. XX) Уложения. Но в них предметом являлись не определение незаконности детей, а другие подлежащие судебному разрешению вопросы: возмещение вреда за нанесенное личное оскорбление – обвинение в незаконнорожденности, и наказание за незаконное сожителство, в котором родились дети [Соборное уложение 1987: 63, 112]. Различные же подпадавшие под формулировки ст. 92 случаи, когда дети признавались незаконнорожденными, встречались в остальных 13 источниках, указанных в этой статье. Таким образом, норма ст. 92 была сформулирована путем редакторского обобщения содержания именно этих источников, а статьи Уложения относились к ней лишь косвенно.

Наконец, в отдельных случаях ссылка на Уложение оказывалась, по сути, формальностью, подтверждением глубокой историчности данной нормы гражданского права.

Так, в ст. 1160 (кн. IV) перечислялись «предметы казенного подряда» для заключения договоров казны с частными лицами: поставка вещей, перевозка тяжестей, работы по строительству и починке, исправление земских повинностей [Свод законов гражданских 1832: 272]. В качестве первого источника составители указали ст. 67 (гл. XVIII) Уложения. В ней говорилось следующее: «А которые государевы грамоты даны будут для государева хлебного промыслу уговорщикам, которые уговорщики под государев хлеб наймутся на Москве и в городех вести к Архангельскому городу, и в понизовые города, и в Сибирь в своих судах и своими людьми и с тех уговорщиков печатные пошлины

иметь» [Соборное уложение 1987: 98]. Конечно, эту норму можно было, хотя и не без оговорок, интерпретировать как правовое определение одного из видов казенного («государева») подряда в XVII в. Но в контексте размещения ст. 67 в Уложении такая интерпретация была бы, как минимум, преувеличением, поскольку главный смысл статьи заключался в обосновании подрядной пошлины (гл. XVIII так и называлась: «О печатных пошлинах»). Правовые нормы, в большей или меньшей степени соответствовавшие содержанию ст. 1160, устанавливались в других узаконениях, приведенных в ссылках и изданных во времена правления разных императоров – от Петра I до Александра I.

Подведем итоги.

Во-первых, действительно, ряд правовых норм, предусмотренных в статьях Свода законов гражданских 1832 г., по своему основному смыслу весьма сходны с правовыми нормами главного законодательного памятника Московского государства – Соборного уложения 1649 г. (или идентичны таковым нормам). Это доказывает наличие в данных случаях преемственности и взаимодействия норм имперского и московского гражданского права. Как точно подметил А. Н. Филиппов, «неоспоримым достоинством Свода для своего времени было то, что он во многих частях своих не был „произведением умозрения“, а потому и заключал в себе много начал, выработанных и проверенных жизнью» [Филиппов 1912: 575–576].

Во-вторых, правовая преемственность в значительной мере была достигнута за счет редакторской работы над теми 161 статьями Свода, в которых статьи Уложения являлись первыми источниками, и в особенности 46 статьями, в которых они выступали единственными источниками. В большинстве случаев редакторам удалось успешно «перевести» правовые нормы московского времени на юридический язык первой трети XIX в., доказав тем самым, что действующее гражданское право имеет основания и в гражданском законодательстве Московского государства.

Список литературы

Неволин К. А. История российских гражданских законов. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1851. Т. I–III.

Обозрение исторических сведений о Своде законов. 2-е изд. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1837. 197 с.

Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 г. по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXII. № 16187. 1168 с.; Т. XIX. № 13428. 1081 с.

Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1832. Т. X. Ч. I. 1222 с.

Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.

Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. 4-е изд., изм. и доп. Юрьев: Тип К. Маттисена, 1912. Ч. I. 796 с.

Роман Сергеевич Тараборин – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы. 620000, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66. E-mail: trs-2008@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-4494-8533

Moscow Legal Heritage in the Civil Law of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century

The autochthonous origin of the legal norms of the Code of Civil Laws of 1832 was confirmed by references to the sources of these norms. The Cathedral Code of 1649 was the earliest source. The author studies the continuity of civil law norms using the example of these two legislative documents. The research method is a comparative legal analysis of the content and vocabulary of legal norms of the Code of Civil Laws and the Cathedral Code: all the articles where the Cathedral Code was the only source, and selectively – the articles where additional sources were used.

The study presents a consistent, according to the institutions of domestic relations law, property law, succession law and law of obligation, comparison of the content and legal vocabulary in these documents. This made it possible to establish the identity or similarity of legal norms; the ways of using the main and additional sources; the editing techniques that brought up to date the norms extracted from the sources. The author concludes, that 1) civil norms of legislative documents, separated by almost two centuries, in most cases revealed a high level of legal continuity; 2) the editing of the source included the typification of the original casual norm, and the elimination of archaisms in legal vocabulary.

Keywords: civil legislation, Cathedral Code, Code of Civil Laws, legal norm, source, continuity

Recommended citation

Taraborin R. S. Moskovskoe pravovoe nasledie v grazhdanskom prave Rossiiskoi imperii pervoi poloviny XIX v. [Moscow Legal Heritage in the Civil Law of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 92–99, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_92.

References

Filippov A. N. *Uchebnik istorii russkogo prava* [Textbook of the History of Russian Law], Yur'ev, Tip K. Mattisena, 1912, pt. I, 796 p.

Nevolin K. A. *Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov* [The History of Russian Civil Laws], Saint Petersburg, Tip. Imper. Akad. nauk, 1851, vol. I–III.

Obozrenie istoricheskikh svedenii o Svode zakonov [Review of Historical Information about the Code of Laws], Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1837, 197 p.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii, povelением gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe. Sobranie pervoe. S 1649 g. po 12 dekabrya 1825 g. [The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire, Compiled by the Order of the Emperor Nicholas Pavlovich. The First Collection. From 1649 to December 12, 1825], Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1830, vol. XXII, no. 16187, 1168 p., vol. XIX, no. 13428, 1081 p.

Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii [Cathedral Code of 1649. Text. Comment], Leningrad, Nauka, 1987, 448 p.

Svod zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlenyi [The Code of Laws of the Russian Empire, Compiled by the Order of the Emperor Nicholas I], Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1832, vol. X, 1222 p.

Roman Taraborin – doctor of juridical sciences, associate professor, head of the Department of theory and history of state and law, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 620144, Russian Federation, Ekaterinburg, 8 Marta str., 66. E-mail: trs-2008@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-4494-8533

Дата поступления в редакцию / Received: 26.08.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.11.2021

O. N. Tomyuk

Ural State Law University,
Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg)

A. V. Diachkova, A. A. Kerimov

Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg)

MEDIA TRANSFORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF AN INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF GLOBAL DIGITALIZATION*

The media transformation of legal culture in the context of global digitalization requires the adaptation of all legal concepts and legal phenomena to new formats of the media sphere and digital reality (Twitter, Instagram, YouTube, VKontakte, TikTok, podcast managers). The aim of the article is to study the media transformation of the legal culture of an individual in the context of global digitalization through the prism of new IT technologies and media innovations that contribute to the development of law in modern digital reality, pointing out important changes and transformations. Legal media content in the blogosphere and podcasting has educational potential. It was revealed that Internet users show their need for legal information, effective ways to resolve situations of a legal nature, offered by bloggers or podcasters.

As a result of the study, the authors substantiated the fact that there is a transformation of legal culture into legal media culture, legal education into legal media education, legal space into legal media space, thanks to the demand and popularization of legal content by Internet users.

Keywords: *media sphere, legal culture, media transformation, global digitalization, legal media culture, legal media education, legal media space*

Recommended citation

Tomyuk O. N., Diachkova A. V., Kerimov A. A. Media Transformation of the Legal Culture of an Individual in the Context of Global Digitalization, *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 6, pp. 100–110, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_100.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_100

The media sphere in the 21st century has highlighted the issues of the relationship between media and society in various aspects: from sociological, psychological to legal. The media sphere clearly outlined the spirit of the era, became a mirror that reflects movement,

* The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00813 «Educational potential of the media sphere as a space for the development of legal culture and human rights culture in modern Russia» / Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00813 «Образовательный потенциал медиасферы как пространства развития правовой культуры и культуры прав человека в современной России».

changes in time [Castells 2010; Amzin et al 2016]. New media such as media text, video hosting sites, digital photography, the Internet and other phenomena of the digital era have characterized the emergence of a new legal culture and a culture of human rights [Gies 2015; Loloçi 2019; Pavlenko 2016].

The media transformation of law in general and legal concepts in particular is set by global trends and tendencies, global digitalization, the development of modern technologies and innovations, as well as responses to pandemic threats and challenges. New media products are being developed, implemented and improved

every day, which have both educational and scientific potential. The media sphere, endowed with educational potential, is aimed at positive and successful embedding of legal culture in the media transformation of an ever-changing world in the context of global digitalization.

This paper is aimed at studying the educational potential of the media sphere and how it affects the formation of a legal culture and a culture of human rights in modern Russia. In our research, we plan to reveal not only the transformation of legal culture and culture of human rights, but also the transformation of legal education into legal media education, legal space into legal media space, legal culture into legal media culture through the media sphere and media culture, thanks to the demand for and popularization of legal content by users of Instagram, VKontakte, Twitter, YouTube, TikTok, etc. The data obtained as a result of the research is aimed at better understanding the processes and mechanisms of media transformation of legal culture and human rights culture in modern Russia. It becomes possible to identify the level of influence of the educational potential of the media sphere on the development of not only legal culture and human rights culture, but also on legal awareness and legal values in the modern digital media society.

In March 2021, VCIOM (the Russian Public Opinion Research Center) published the results of a survey on the use of the Internet and television among Russians through the prism of the age section of media activity. 53 % of Russians are active users of television and the Internet – they use the Internet and watch TV several times a week, 28 % of Russians use only the Internet and do not watch TV. The most active users of the Internet and television are the respondents aged 35–59 (61–64 %). The rejection of television in favor of the Internet is typical for age groups: 69 % among 18–24-year old, 48 % among 25–34-year old. Modern people actively use the Internet and social media. The media content influences the formation and development of the personality in general, and a culture of human rights, legal awareness, legal values, in particular. Also, in 2021 VCIOM conducted a daily all-Russian telephone survey «Internet Use». The answers to the question vary daily in the range: I use the Internet practically every day – 72–74 %; several times a week – 7–9 %; several times a month – 1–2 %; occasionally, but

at least once a half a year – 1–2 %; I do not use the Internet – 15–17 %¹.

For Russia, the priority of state interests over private ones is traditional and is expressed in the desire to create a strong state, to strengthen the vertical of power. The creation of a strong state is necessary for sustainable development and stability, restoration and maintenance of social and legal order. On the one hand, the political power of modern Russia has managed to achieve a certain stability in society, and, on the other hand, the stability achieved in practice is not sufficiently effective and stable, including due to the low level of development of legal culture and a culture of human rights. The website «7×7 Horizontal Russia» publishes a rating «TOP–30 Bloggers» (human rights defenders) every two months, the active work of human rights bloggers indicates a large number of offenses in the modern world². The activities of human rights defenders, bloggers or podcasters, both in our country and abroad, are aimed not only at eliminating human rights violations, but also at the formation and development of legal culture, human rights culture, legal values, legal education, legal education personality. A number of important positions can be identified that will emphasize the relevance of the study on the media transformation of the legal culture of an individual in the context of global digitalization:

growing challenges to the sustainable development of Russian society and the preservation of Russian statehood [Alekseev 2000; Glushkova 2005; Semitko 1996];

orientation of modern Russia to the formation of civil society;

the influence of the media sphere on the formation and development of legal culture, legal awareness, legal values of a modern person;

activation of the movement of human rights defenders in the media space (for example, the site «7×7 Horizontal Russia», YouTube, Instagram, TikTok, VKontakte, etc.);

active use of the Internet, new and social media by a modern person, being immersed in the field of media;

the formation of mega digital content, the threat of a «digital Leviathan» [Yanhui 2015],

¹ Internet Use. VCIOM Data from September 19, 2021, available at: <https://wciom.ru/ratings/polzovanie-internetom> (accessed: 21.09.2021).

² TOP-30 Bloggers in Two Months. 7×7 Horizontal Russia Website, available at: <https://7x7-journal.ru/rating> (accessed: 30.09.2021).

requiring its conscious and adequate perception and interpretation;

the virtual nature and automation of legal processes, on the one hand, and the need for social security and fair legal proceedings, on the other [Langford 2020].

A combination of general scientific and specific scientific methods was used as a methodological basis for the research. The variety of research methods is associated with the consideration of the educational potential of blogs and podcasts as a new format and new opportunity of the media sphere for the formation of the legal culture of an individual, which is due to a variety of approaches aimed at identifying and comprehending the essence of media transformation of legal concepts and legal phenomena in the context of global digitalization.

The main methodological approaches of this study are: synergetic, historical and cultural, institutional, comparative legal, contextual and personality-oriented approach. A synergetic approach studies the transition processes associated with the development of the media sphere, the formation of a new system of relations between media and society [Prigozhin, Stengers 1986; Haken, 1980]. The historical and cultural approach reveals the media sphere in the context of the dynamic development of legal culture and a culture of human rights [Lotman 1992]. The institutional approach analyzes the properties of the media sphere as a space for the development of legal media culture and media culture of human rights [Kont 2011; Dyurkgeim 1995; Veber 1980]. The comparative legal approach allows to study legal concepts, identifies and analyzes the similarities and differences [Marchenko 2008]. The contextual approach emphasizes the role of society in personal development [Lerner, Fischer, Weinberg 2000; Fischer 1998]. The personality-oriented approach considers the personality as a self-developing and self-regulating personality in the process of forming a legal culture [Yakimanskaya 1996; Bondarevskaya 2000]. To study the media transformation of legal phenomena, it is valuable to use the «assembly method» (Anne-Marie Mol, John Lowe, J. Butler), focused on studying how, under the influence of digital technologies, virtual environments, relations between people are created and developed [Baranov et al. 2019].

Legal culture is the entire legal space, covering all aspects of the legal form of social life,

and it is also «a system of materialized and ideal elements related to the sphere of action of law» [D'yachkova 2007]. The high legal culture of an individual acts as a phenomenon that is intolerant to all offenses and violations of law and order in the modern world. The quality of legal culture depends on the availability of legal values, observance of human rights, the manifestation of developed legal awareness, the ability to analyze legal texts, the implementation of legal activities and legal behavior. A developed legal culture completely depends on the legal worldview, legal values and legal consciousness, as well as in the process of forming a legal culture and legal education of an individual using new media formats, it is important to take into account the problems of educating a humanistic orientation of an individual, pedagogical conditions and a complex of methodological and technological means of educating a humanistic orientation personality in the context of transformation of law and global digitalization [D'yachkova 2014].

Speaking about legal phenomena, the researchers note that the possibilities of traditional law are very limited in relation to digital technologies. And for many of them, qualitatively new legal models should be developed [Sidorenko, Arx 2000].

Media transformation of law is a change in the entire system of law, entailing the formation of new legal priorities and standards, new meanings of legal concepts and phenomena, new legal values, transformation of the structure of elements of law, taking into account new IT-technologies, media formats and media products [Emirbekov 2020]. At the same time, the implementation of this process «directly depends on how modern jurisprudence will assess the legal identity of, and the ability to protect, digital technologies» [Sidorenko, Arx 2000: 34].

In the 21st century we are considering the media transformation of law and legal culture in the context of global digitalization through the prism of universalization, internationalization (transnationalization) and integration. In the media sphere, legal concepts and approaches to legal regulation acquire a universal character, as a result of which the law goes beyond one legal system. On the one hand, there is a process of internationalization of law. Media content in the context of global digitalization erases the boundaries of the legal system, law interpenetrates

into other legal systems, cultures and branches of law, which entails not only media transformation, but also the integration of law [Emirbekov 2020]. At the moment, in the modern world there are new processes, changes that do not fit into the established legal stereotypes and legal concepts. The transformation of law can lead to the development of a new type of law, a new international jurisdiction, to global law [Vasiliev et al. 2020]. Borisova-Zharova's research talks about the need to work on «digital law» as «an effective alternative to existing rights, opening up new perspectives for subjects of civil legal relations» [Borisova-Zharova 2021].

The formation of a fundamentally new virtual reality, using modern digital technologies in the context of global digitalization and pandemic threats and challenges, has a significant impact on the development of the digital economy, politics, law, on the entire structure of public relations [Kartskhia 2019]. The media sphere has become a living environment for a modern person, a condition for his life. The media sphere is a new sphere of public life, it is the sphere of stable relations between society, where media reality encompasses a huge amount of information in the form of media content, media texts, blogs, podcasts, etc. It is this initial interpretation of mediology that indicates that any media product, for example, with legal content, can positively and / or negatively influence the formation of a person's legal culture through the educational potential of the media sphere [Debre 2010]. In the process of media transformation of legal culture into legal media culture, legal education into legal media education, legal space into legal media space, it is important to analyze whether the meaning and content of legal concepts and legal phenomena are being substituted.

Human media culture can be assessed through the prism of how a person works, how he interprets the media text, media content. The fact that the media influence the emergence of mass culture was recorded by philosophers [Ortega-i-Gasset 2008; Yaspers 1991; Schpengler 2009; Bodriiar 2006], and also the trend towards the commercialization of media was noted. The media sphere is aimed at developing media literacy that resists information chaos. M. McLuhan emphasizes that it is impossible to be an educated person in the modern world without media literacy [Maklyuen 2011]. The modern media space has fully become a legal actor and at the

same time an ideal platform for the formation of legal discourse, free commenting on the current legal agenda and the influence of one's ideas on its promotion among the audience.

In this part of the study, we turn to the analytical report of VCIOM «From Bloggers to Influencers: the Struggle for Attention and Influence on the Audience. New Trends»¹. The report was caused by serious transformations in the information space, that is, the growth in the number and influence of the opinions of bloggers and podcasters on the Internet. It is extremely difficult to understand the initial motivation of their media content, the presence (or absence)

In the process of media transformation of legal culture into legal media culture, legal education into legal media education, legal space into legal media space, it is important to analyze whether the meaning and content of legal concepts and legal phenomena are being substituted

of a customer, criteria for the reliability of media texts, blogs, podcasts. The uniqueness of the media sphere lies in the free access to the content of the media market for any user. Today, a blogger or podcaster is a trendsetter, social activist and businessman, a person who conveys his opinion to others. The main audience of media content are young users who have been successfully integrated into information media consumption. Blogging and podcasting has not yet earned lasting public trust. On the one hand, we see a rift between the young and older generations of Internet users in assessing the social usefulness of blogging and podcasting, and, on the other hand, we can trace the bright educational potential of the media sphere and the influence of media content on the young audience of Internet users.

The media sphere is a collection of ideas, themes, opinions and other intangible entities, represented by media texts (mass communication text) with the following characteristics: importance, significance for different groups of audience, urgency, topicality, openness to mul-

¹ From Bloggers to Influencers: the Struggle for Attention and Influence on the Audience. New Trends. Analytical Report VCIOM from 24, September 2020, available at: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-bloggerov-k-influenseram-borba-za-vnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy> (accessed: 26.09.2021).

tiple interpretations. At the same time, the media sphere is a set of processes related to the functioning of information in the space represented by media texts [Kirillova 2005]: digital photo, Internet video hosting sites, new media digital TV, interactive electronic publications and other phenomena.

A. N. Novgorodtseva and N. I. Sivkova note that «social networks and blogs have their strengths and weaknesses as a communicative and information channel». For example, the strengths are: free communication outside geographic boundaries; the ability to unite into communities of interest; efficiency of information transfer, etc.; the weaknesses include deliberate distortion of information (it is impossible to verify the information); imitation of cohesion; availability of information of a destructive nature; lack of personal responsibility, etc. [Novgorodtseva, Sivkova 2015]. The presence of the strengths and weaknesses of blogs, podcasts once again proves that new media formats are endowed with educational potential, since they can quickly transmit a large amount of, for example, legal information, and form a legal culture, especially among the young audience of Internet users.

The development of modern Russia is impossible without the formation and development of legal culture. At present, the issues of legal culture and legal education in Russia are widely covered. The study of legal culture is traditionally included in a number of legal sciences, first of all, jurisprudence and philosophy of law. The study of law, the development of the legal culture of citizens are associated with the meta-foundations of law, which exist in the socio-cultural, historical context of the life of society at a certain stage of its evolution [Chestnov 2010]. Thanks to the digitization of laws and other regulatory documents, the formation of media legal legislative content occurs [Baranov et al. 2019], which can be considered the basis for the formation of legal literacy and legal awareness.

Meanwhile, it would be fair to admit that the availability of digital legal content actualizes the problem of its perception and interpretation [Langford 2020]. This means that it raises the issue on an educational level.

The development of legal culture and culture of human rights in modern Russia through IT-technologies, media innovations and pedagogical innovations is one of the urgent tasks of the

education system and is impossible without assessing the real level of legal culture and legal consciousness. The problem of devaluation of the value and meaning of law is associated with the fact that the media sphere does not always form the proper positive legal attitudes and, at a high level, the legal culture of an individual. To improve the competencies in the studied area of knowledge among students, the teacher can use pre-selected blogs and podcasts. Lars König conducted an experiment among students and made a conclusion that the teacher's enthusiasm, if he uses new media formats such as blogs, podcasts, has a positive effect on the learning process and students' results. The learners become more motivated and immerse themselves in the studied topic with even greater interest [König 2021].

It is important to note that UNESCO in 2002 defined media education as the human right to freedom of expression and information. In the resolutions and recommendations developed by UNESCO (Grunwald, 1982; Toulouse, 1990; Paris, 1997; Vienna, 1999; Seville, 2002, etc.), media education is presented as a direction of support in the educational process. Recognizing the differences in approaches and development of media education in different countries, it is recommended that it be introduced into educational programs at all levels of education. Global digitalization, new forms of communication, new media products are included, on the one hand, in the process of forming a worldview, individuality, thinking, and, on the other hand, in the process of forming a legal culture and a culture of human rights [Fedorov 2007; Lazutkina 2015]. However, it should be noted that a person must be able to critically perceive, analyze, evaluate media content and to understand the socio-cultural context of the functioning of media. Global digitalization is a change to turn the global space into a single digital reality, where finance, goods, services move with the help of digital technologies, ideas are easily disseminated thanks to virtual communication, etc. [Chechil 2018].

Despite the relevance of the topic under study in modern Russia, it is also necessary to conduct fundamental research in the following areas: identification and understanding of the educational potential of the media sphere as a space for the development of the legal culture of an individual; analysis of social media as

platforms for the development of a person's legal culture; research of media texts, discourses presented in new media with a legal nature; definition of formats and platforms with legal content; comprehending the specifics of the activities of virtual human rights communities; highlighting the problems of the development of the legal culture of an individual in the media space; the formation of strategies and mechanisms for the development of the legal culture of an individual through the media sphere; characterization of media content and its interpretation from the standpoint of benefit and harm.

In some of our works [Kerimov, Tomyuk, Dyachkova et al. 2020; Tomyuk, Golysheva, Dudchik et al. 2020] we studied the legal content of the most popular platforms Instagram, VKontakte, Twitter, YouTube, TikTok; it was revealed that the blogosphere and podcasting are popular media resources that have educational potential. A huge array of legal information, practices of behavior in situations of a legal nature are placed in open access. It was revealed that Internet users show a need for legal information, effective ways to resolve situations of a legal nature, offered by bloggers or podcasters.

Thus, the modern processes of media transformation of the meaning and content of the conceptual apparatus of philosophy of law are reflected in the following concepts.

Legal media culture covers all aspects of the legal form of people's media life. Legal media culture is intolerant to violations of law and order in the modern world in general and the media world in particular. New legal values and special legal awareness are emerging in the media sphere.

Legal education is aimed at broadcasting, transferring the meanings and values of «legal culture, legal ideals, legal experience and mechanisms for resolving conflicts in society from one generation to another» [Semitko 2007].

The positive and / or negative components of the educational potential of the media sphere, influencing the formation of the legal culture of an individual in the context of global digitalization, must be studied not only through the prism of introducing new IT technologies and media innovations, but also through the prism of personality psychology and age characteristics of the young Internet users.

References

- Alekseev S. S. *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: nekotorye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoi epokhi* [Law on the Threshold of a New Millennium: Some Trends in the World Legal Development – the Hope and Drama of the Modern Era], Moscow, Statut, 2000, 256 p.
- Amzin A. et al. *Kak novye media izmenili zhurnalistiku* [How New Media Have Changed Journalism], Ekaterinburg, Gumanitar. un-t, 2016, 304 p.
- Baranov P. et al. Digital Transformation of Law and Socio-Political Relations in the Eurasian Space – On the Example of the Russian Federation, *Journal of Politics and Law*, 2019, no. 12, p. 87.
- Bodriiar Zh. *Obshchestvo potrebleniya* [The Consumer Society], Moscow, Respublika, 2006, 272 p.
- Bondarevskaya E. V. *Teoriya i praktika lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya* [Theory and Practice of Personality-Oriented Education], Rostov-na-Donu, Izd-vo Rostov. ped. un-ta, 2000, 352 p.
- Borisova-Zharova V. Digital Rights as a Consequence of the Digital Transformation of Law, *SHS Web of Conferences. EDP Sciences*, 2021, no. 106, p. 6.
- Castells M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture*, Blackwell Publishers, John Wiley & Sons Ltd, 2010, vol. 3, 488 p.
- Cechil' M. V. Transformatsiya ekonomiki, politiki i prava v usloviyakh globalizatsii [Transformation of Economics, Politics and Law in the Context of Globalization], *Alley of Science*, 2018, no. 5, pp. 113–115.
- Chestnov I. L. Sotsial'noe konstruirovaniye pravovoi identichnosti v usloviyakh globalizatsii [Social Construction of Legal Identity in the Context of Globalization], *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Ser. Economy. Control. Right*, 2010, no. 14, pp. 15–20.
- Debre R. *Vvedenie v mediologiyu* [Introduction to Mediology], Moscow, Praksis, 2010, 368 p.

- D'yachkova M. A. *Kontsept «gumanisticheskaya napravlennost' lichnosti»* [Concept «Humanistic Orientation of Personality»], Ekaterinburg, Izd. dom «Azhar», 2014, 108 p.
- D'yachkova O. N. *Pravovaya kul'tura i prava cheloveka* [Legal Culture and Human Rights], *Filosofskii slovar' po pravam cheloveka*, Ekaterinburg, AMB, 2007, pp. 423–426.
- Dyurkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose], Moscow, Kanon, 1995, 352 p.
- Emirbekov F. Ya. *Tendentsii razvitiya konstitutsionnogo prava v XXI stoletii i transformatsiya sovremennogo prava* [Trends in the Development of Constitutional Law in the 21 Century and the Transformation of Modern Law], *Transformatsiya prava v informatsionnom obshchestve* [Transformation of Law in the Information Society]: conference papers, Ekaterinburg, Ural. gos. yurid. un-t, 2020, pp. 193–200.
- Fedorov A. V. *Razvitie mediakompetentnosti i kriticheskogo myshleniya studentov pedagogicheskogo vuz* [Development of Media Competence and Critical Thinking of Students of a Pedagogical University], Moscow, Izd-vo MOO VPP YuNESKO «Informatsiya dlya vsekh», 2007, 616 p.
- Fischer K. W. A Theory of Cognitive Development: The Control and Construction of Hierarchies of Skills, *Psychological Review*, 1998, no. 87, pp. 477–531.
- Gies L. *Mediating Human Rights. Media, Culture and Human Rights Law*, New York, Routledge, 2015, 180 p.
- Glushkova S. I. *Prava cheloveka v Rossii* [Human Rights in Russia], Moscow, Yurist, 2005, 494 p.
- Kartskhia A. A. Tsifrovaya transformatsiya prava [Digital Transformation of Law], *Monitoring of Law Enforcement*, 2019, no. 1, pp. 25–29.
- Kerimov A. A., Tomyuk O. N., Dyachkova M. A. et al. Educational Potential of the Blogosphere as a Factor in the Formation of Human Legal Culture, *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2020, no. 3, pp. 459–474, DOI: 10.32744/PSE.2020.3.33.
- Haken G. *Sinergetika* [Synergetics], Moscow, Mir, 1980, 405 p.
- Kiril'lova N. B. *Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu* [Media Culture: from Modern to Postmodern], Moscow, Akad. proekt, 2005, 448 p.
- König L. Podcasts in Higher Education: Teacher Enthusiasm Increases Students' Excitement, Interest, Enjoyment, and Learning Motivation, *Educational Studies*, 2021, no. 47:5, pp. 627–630.
- Kont O. *Dukh pozitivnoi filosofii: Slovo o polozhitel'nom myshlenii* [Spirit of Positive Philosophy: A Word about Positive Thinking], Moscow, LIBROKOM, 2011, 80 p.
- Langford M. Taming the Digital Leviathan: Automated Decision-Making and International Human Rights, *American Journal of International Law*, 2020, no. 114, pp. 141–146.
- Lazutkina E. V. Mediaobrazovanie vzroslykh v usloviyakh transformatsii sovremennoi mediasredy [Media Education of Adults in the Context of the Transformation of the Modern Media Environment], *Open and Distance Education*, 2015, no. 1, pp. 9–14.
- Lerner R. M., Fisher K. W., Weinberg R. A. Toward a Science for and of the People: Promoting Civil Society Through the Application of Developmental Science, *Child Psychology*, 2000, no. 1, pp. 11–20.
- Loloçi R. *The Usage of the Social Media by the Politics, the Albanian Case, Proceedings of the 6th European Conference on Social Media, ECSM 2019*, Brighton, 2019, pp. 181–188.
- Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion], Moscow, Gnozis, 1992, 272 p.
- Maklyuen M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External Extensions of Man], Moscow, Kuchkovo pole, 2011, 464 p.
- Marchenko M. N. Problemy kachestva yuridicheskogo obrazovaniya v sovremennoi Rossii [Problems of the Quality of Legal Education in Modern Russia], *Accreditation in Education*, 2008, no. 23, pp. 10–11.
- Novgorodtseva A. N., Sivkova N. I. *Sotsial'nye seti kak kanal sotsial'no-politicheskoi kommunikatsii* [Social Networks as a Channel of Socio-Political Communication], *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya* [Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research]: conference papers, Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2015, pp. 1667–1675.

- Ortega-i-Gasset Kh. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses], Moscow, AST, 2008, 352 p.
- Pavlenko E. M. *Obrazovanie v oblasti prav cheloveka kak osnova formirovaniya pravovoi kul'tury i kul'tury prav cheloveka v Rossiiskoi Federatsii* [Education in the Field of Human Rights as the Basis for the Formation of Legal Culture and Culture of Human Rights in the Russian Federation], Moscow, Prava cheloveka, 2016, 216 p.
- Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa* [Order from Chaos], Moscow, Progress, 1986, 432 p.
- Semitko A. P. *Pravovoe vospitanie* [Legal Nurturing], *Filosofskii slovar' po pravam cheloveka*, Ekaterinburg, AMB, 2007, pp. 423–426.
- Semitko A. P. *Razvitie pravovoi kul'tury kak pravovoi progress* [Development of Legal Culture as Legal Progress], Ekaterinburg, Ural. gos. yurid. akad., Gumanitar. un-t, 1996, 313 p.
- Schpengler O. *Zakat Evropy. Obraz i deistvitel'nost'* [The Decline of Europe. Image and Reality], Minsk, Popuri, 2009, 656 p.
- Sidorenko E. L., Arx P. von. Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the Correct Priorities, *Digital Law Journal*, 2020, no. 1, pp. 24–38.
- Tomyuk O. N., Golysheva M. V., Dudchik A. Yu. et al. On the Blog Content Quality in the Context of Legal Culture Formation, *Perspektivy nauki i obrazovania*, 2020, no. 4, pp. 441–454, DOI: 10.32744/PSE.2020.4.31.
- Vasiliev A. A. et al. *Transformatsiya prava v tsifrovuyu epokhu* [Transformation of Law in the Digital Era], Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2020, 432 p.
- Veber M. *Issledovaniya po metodologii nauk* [Research on the Methodology of Sciences], Moscow, INION, 1980, 202 p.
- Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of History], Moscow, Politizdat, 1991, 527 p.
- Yakimanskaya I. S. *Lichnostno-orientirovannoe obuchenie v sovremennoi shkole* [Personality-Oriented Learning in Modern School], Moscow, Izdat. firma «Sentyabr'», 1996, 95 p.
- Yanhui Y. U. N. Digital Leviathan: The New Crisis of Information Society, *Journal of the Party School of the Central Committee of the CPC*, 2015, iss. 3, pp. 46–51.

Olga Tomyuk – candidate of philosophical sciences, senior lecturer of the Department of theory of state and law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: helgago@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9524-8364

Anna Diachkova – candidate of economic sciences, associate professor of the Department of economic theory and economic policy, Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. 620002, Russian Federation, Ekaterinburg, Mira str., 19. E-mail: a.v.diachkova@urfu.ru.

ORCID: 0000-0003-4970-1820

Alexander A. Kerimov – doctor of political sciences, associate professor of the Department of political science and sociology, Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. 620075, Russian Federation, Ekaterinburg, Lenina av., 51. E-mail: kerimov68@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-5807-9810

Медиатрансформация правовой культуры личности в условиях глобальной цифровизации

Медиатрансформация правовой культуры в условиях глобальной цифровизации требует адаптации всех правовых понятий и явлений к новым форматам медиасферы и цифровой реальности (Twitter, Instagram, YouTube, ВКонтакте, TikTok, подкаст-менеджеры). Цель статьи – изучить медиатрансформацию правовой культуры личности через призму новых IT-технологий и инноваций в медиа. Медиа контент правового характера в блогосфере и подкастинге обладает образовательным потенциалом. Выявлено, что пользователи Интернета проявляют свою потребность в правовой информации и предлагаемых блогерами или подкастерами эффективных способов решения ситуаций правового характера.

Авторами было обосновано то, что происходит трансформация правовой культуры в правовую медиакультуру, правового воспитания – в правовое медиавоспитание, правового образования – в правовое медиаобразование, правового пространства – в правовое медианпространство благодаря популяризации контента правового характера пользователями сети Интернет.

Ключевые слова: медиасфера, правовая культура, медиатрансформация, глобальная цифровизация, правовая медиакультура, правовое медиавоспитание, правовое медиаобразование, правовое медианпространство

Для цитирования

Tomyuk O. N., Diachkova A. V., Kerimov A. A. Media Transformation of the Legal Culture of an Individual in the Context of Global Digitalization // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 100–110. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_100.

Список литературы

Baranov P. et al. Digital Transformation of Law and Socio-Political Relations in the Eurasian Space – On the Example of the Russian Federation // Journal of Politics and Law. 2019. № 12. P. 87–92.

Borisova-Zharova V. Digital Rights as a Consequence of the Digital Transformation of Law // SHS Web of Conferences. EDP Sciences. 2021. № 106. P. 6.

Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Blackwell Publishers. John Wiley & Sons Ltd, 2010. Vol. 3. 488 p.

Fischer K. W. A Theory of Cognitive Development: The Control and Construction of Hierarchies of Skills // Psychological Review. 1998. Vol. 87. P. 477–531.

Gies L. Mediating Human Rights. Media, Culture and Human Rights Law. New York: Routledge, 2015, 180 p.

Kerimov A. A., Tomyuk O. N., Dyachkova M. A. et al. Educational Potential of the Blogosphere as a Factor in the Formation of Human Legal Culture // Перспективы науки и образования. 2020. № 3. С. 459–474. DOI: 10.32744/PSE.2020.3.33.

Langford M. Taming the Digital Leviathan: Automated Decision-Making and International Human Rights // American Journal of International Law. 2020. № 114. P. 141–146.

Lars K. Podcasts in Higher Education: Teacher Enthusiasm Increases Students' Excitement, Interest, Enjoyment, and Learning Motivation // Educational Studies. 2021. № 47:5. P. 627–630.

Lerner R. M., Fisher K. W., Weinberg R. A. Toward a Science for and of the People: Promoting Civil Society Through the Application of Developmental Science // Child Psychology. 2000. № 1. P. 11–20.

Loloçi R. The Usage of the Social Media by the Politics, the Albanian Case // Proceedings of the 6th European Conference on Social Media, ECSM 2019. Brighton, 2019. P. 181–188.

Sidorenko E. L., Arx P. von. Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the Correct Priorities // Digital Law Journal. 2020. № 1. P. 24–38.

Tomyuk O. N., Golysheva M. V., Dudchik A. Yu. et al. On the Blog Content Quality in the Context of Legal Culture Formation // Перспективы науки и образования. 2020. № 4. С. 441–454. DOI: 10.32744/PSE.2020.4.31.

Yanhui Y. U. N. Digital Leviathan: The New Crisis of Information Society // Journal of the Party School of the Central Committee of the CPC. 2015. Iss. 3. P. 46–51.

Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000. 256 с.

Амзин А. и др. Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / науч. ред. С. Балмаева, М. Лукина. Екатеринбург, Гуманитар. ун-т, 2016. 304 с.

Бодрийар Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. 272 с.

Бондаревская Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. пед. ун-та, 2000. 352 с.

- Васильев А. А. и др. Трансформация права в цифровую эпоху: коллектив. моногр. / под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.
- Вебер М. Исследования по методологии наук. М.: ИНИОН, 1980. 202 с.
- Глушкова С. И. Права человека в России. М.: Юрист, 2005. 494 с.
- Дебрэ Р. Введение в медиологию / пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 368 с.
- Дьячкова М. А. Концепт «гуманистическая направленность личности»: моногр. Екатеринбург, Издат. дом «Ажур», 2014. 108 с.
- Дьячкова О. Н. Правовая культура и права человека // Философский словарь по правам человека. Екатеринбург: АМБ, 2007. С. 423–426.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
- Карцхия А. А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1. С. 25–29.
- Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Акад. проект, 2005. 448 с.
- Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 80 с.
- Лазуткина Е. В. Медиаобразование взрослых в условиях трансформации современной медиасреды // Открытое и дистанционное образование. 2015. № 1. С. 9–14.
- Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
- Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2011. 464 с.
- Марченко М. Н. Проблемы качества юридического образования в современной России // Аккредитация в образовании. 2008. № 23. С. 10–11.
- Новгородцева А. Н., Сивкова Н. И. Социальные сети как канал социально-политической коммуникации // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: XVIII Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 1667–1675.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. 352 с.
- Павленко Е. М. Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в Российской Федерации: моногр. М.: Права человека, 2016. 216 с.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
- Семитко А. П. Правовое воспитание // Философский словарь по правам человека. Екатеринбург: АМБ, 2007. С. 423–426.
- Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, Урал. гос. юрид. акад.; Гуманитар. ун-т, 1996. 313 с.
- Федоров А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 616 с.
- Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 405 с.
- Честнов И. Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2010. № 14. С. 15–20.
- Чечиль М. В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации // Аллея науки. 2018. Т. 8. № 5. С. 113–115.
- Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. Мн.: Попурри, 2009. 656 с.
- Эмирбеков Ф. Я. Тенденции развития конституционного права в XXI столетии и трансформация современного права // Трансформация права в информационном обществе: сб. материалов III Всерос. науч-практ. форума молодых ученых и студентов. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2020. С. 193–200.
- Якиманская И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М.: Изд. фирма «Сентябрь», 1996. 95 с.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Ольга Николаевна Томюк – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права, старший научный сотрудник Уральского государственного

юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: helgago@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9524-8364

Анна Викторовна Дьячкова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. E-mail: a.v.diachkova@urfu.ru.

ORCID: 0000-0003-4970-1820

Александр Алиевич Керимов – доктор политических наук, доцент кафедры политических наук Департамента политологии и социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620075, Российская Федерация, Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51. E-mail: kerimov68@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-5807-9810

Дата поступления в редакцию / Received: 26.10.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.12.2021

**ИНДЕКС СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ОБРАЗОВАНИЕ, ПРАКТИКА, НАУКА» В 2021 г.**

Аничкин Е. С., Серебряков А. А. (Барнаул) Модели нормативно-правового обеспечения международного научного и научно-технического сотрудничества и управления результатами совместных исследований	№ 4 (124)
Бадретдинов В. Р. (Екатеринбург) Определение пределов реализации права на свободное выражение мнения (на примере прав ребенка)	№ 1 (121)
Бажина М. А. (Екатеринбург) Уровень качества транспортного законодательства РФ	№ 3 (123)
Балицкий К. С. (Екатеринбург) Подготовка и дополнительное профессиональное образование работников: дефекты правового регулирования и судебной практики	№ 3 (123)
Бендюрина С. В. (Екатеринбург) Рецензия на коллективную монографию М. С. Саликова, С. Э. Несмеяновой, А. Н. Мочалова и др. «Права человека в сети Интернет»	№ 2 (122)
Брановицкий К. Л., Ярков В. В. (Екатеринбург) Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие	№ 4 (124)
Бублик В. А., Семякин М. Н. (Екатеринбург) Идеи становления и развития вещного права за рубежом	№ 4 (124)
Былинкина Е. В. (Москва) Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ	№ 5 (125)
Ватаманюк В. О. (Москва) Заключение мирового соглашения в групповом производстве иностранных государств	№ 4 (124)
Ведель И. А. (Екатеринбург) Международно-правовое регулирование международной деятельности субъектов Российской Федерации: регионализм при отсутствии универсализма	№ 2 (122)
Вербицкая Ю. О. (Екатеринбург) Обеспеченность нестационарными торговыми объектами как гарантия разнообразия услуг на озелененных территориях	№ 6 (126)
Виницкий А. В., Вагина О. В., Гаевская Е. Ю. (Екатеринбург) Правила возведения построек на садовых земельных участках и последствия их нарушения	№ 4 (124)
Воронин Б. А., Чупина И. П., Воронина Я. В. (Екатеринбург) Аграрное право как регулятор отношений в современном сельском хозяйстве	№ 4 (124)
Гаврин Д. А. (Екатеринбург) Особенности совершения сделок с использованием финансовой платформы	№ 5 (125)
Гаврин Д. А. (Екатеринбург) Частное и публичное право: нарушая гравитацию правовой материи	№ 2 (122)
Гладыч Н. В. (Екатеринбург) Особенности квалификации финансовых преступлений в киберпространстве	№ 3 (123)
Губарева А. В. (Екатеринбург) Российское законодательство, регулирующее использование иностранной рабочей силы	№ 4 (124)
Дженасова Е. В. (Екатеринбург) О классификации субъектов правоотношения по распространению информации	№ 3 (123)

Дорошенко В. С. (Лангенас) Уголовная ответственность за преступления в сфере незаконного оборота нефти и ее продуктов: ретроспективный анализ	№ 5 (125)
Евдокимов В. Б. (Москва), Хомякова М. А. (Екатеринбург) Уголовно-правовая защита прав человека в сфере трансплантации органов и тканей	№ 1 (121)
Жабреев М. В. (Екатеринбург) Из истории развития предпринимательского права в России и на Урале в годы НЭПа	№ 4 (124)
Жабреев М. В. (Екатеринбург) Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России и на Урале в конце XIX в. – начале XX в.	№ 1 (121)
Зимилькин М. И. (Екатеринбург) Процедурно-процессуальные гарантии налогоплательщиков при проведении международных взаимосогласительных процедур	№ 3 (123)
Казаква А. В. (Екатеринбург) Является ли копия документа доказательством в российском уголовном процессе?	№ 4 (124)
Карпухин М. Ю., Хомякова М. А. (Екатеринбург) Уголовная ответственность за порчу земли в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации	№ 6 (126)
Кокотова М. А. (Екатеринбург) Определение состава участников территориального общественного самоуправления в России и советов граждан, советов кварталов во Франции	№ 1 (121)
Кокурин Г. А. (Екатеринбург) О некоторых аспектах раскрытия половых преступлений	№ 2 (122)
Колобаева Н. Е. (Екатеринбург) Качество юридического образования в условиях дистанционного взаимодействия участников образовательного процесса: обзор конференции	№ 2 (122)
Королева Е. В. (Екатеринбург) Обращение к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела	№ 1 (121)
Кравцова Е. А. (Белгород) Взаимодействие законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации с населением	№ 6 (126)
Крылатова И. Ю. (Екатеринбург) Отдельные аспекты нормативно-правовой и конституционно-судебной трансформации человеческого достоинства	№ 1 (121)
Крылатова И. Ю. (Екатеринбург) Междисциплинарный подход к соблюдению баланса частных и публичных интересов при использовании генетической и геномной информации (вопросы биоэтики и права)	№ 6 (126)
Кургузииков М. С., Петри В. А. (Екатеринбург) Об экологических правах будущих поколений	№ 6 (126)
Курдуков А. Н. (Екатеринбург) Система преступлений террористической направленности	№ 3 (123)
Листопад О. Ф. (Екатеринбург) Обеспечение комфортной среды проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на исконных территориях	№ 6 (126)
Маматказин И. Р. (Пермь) Вопросы структурно-функционального анализа в праве социального обеспечения	№ 6 (126)

Мельник Н. Н. (Екатеринбург) Вопросы исключительной юрисдикции российских судов по делам юридических лиц, являющихся субъектами секторальных санкций США и Евросоюза	№ 1 (121)
Митин А. Н., Рассохин А. В. (Екатеринбург) Управленческий процесс в органах прокуратуры: задачи и механизм совершенствования	№ 4 (124)
Михайлова Е. В. (Москва) Защита гражданских прав в нотариальной сфере	№ 2 (122)
Михайлова Е. В. (Москва) Права и свободы человека и гражданина как объекты судебной защиты	№ 5 (125)
Мурзин Д. В. (Екатеринбург) Иное имущество в гражданском праве: объекты абсолютных и относительных прав	№ 5 (125)
Налбандян Е. Л. (Сургут), Сазонова М. А. (Екатеринбург) Привлечение директора к ответственности за причиненные организации убытки	№ 2 (122)
Несмеянова С. Э., Калинина Е. Г., Грачева М. В. (Екатеринбург) Дополнительное профессиональное образование: переход в инновационный режим	№ 5 (125)
Новиков Н. А. (Москва) Судебное примирение в арбитражном судопроизводстве: теория и практика	№ 5 (125)
Окулич А. И. (Челябинск) «Белое пятно» российской правовой действительности: множественная форма дискриминации личности	№ 2 (122)
Оносов Ю. В., Бородайлюк М. А. (Екатеринбург) О судебном усмотрении при оценке судом доказательств по гражданскому делу	№ 3 (123)
Порайко В. В. (Екатеринбург) О роли принципов уголовного права в регламентации ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности	№ 5 (125)
Раменская В. С., Никитина Е. В. (Екатеринбург) Проблемы взаимодействия частного и публичного права на примере возмещения вреда в рамках уголовного процесса	№ 4 (124)
Рудич В. В. (Екатеринбург) О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения – мер пресечения	№ 3 (123)
Сабитов Т. Р., Долинина Л. А. (Екатеринбург) Дифференциация уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп	№ 3 (123)
Садовой М. В. (Екатеринбург) О подходах к пониманию категории независимости Конституционного Суда Российской Федерации	№ 5 (125)
Селькова А. А. (Екатеринбург) Обзор методов, применяемых для формирования компетенций будущих юристов	№ 3 (123)
Сидоров С. Г., Бараковских С. А. (Екатеринбург), Юлчури С. А., Кабрильо А. С. (Santander, Cantabria, Spain) Имплементация международных бизнес-технологий в современном юридическом образовании (комплаенс-система)	№ 2 (122)
Скуратовский М. Л., Мельник В. Д. (Екатеринбург) Экономическое правосудие как специализированное направление в юридическом вузе	№ 5 (125)
Сметанин Н. В. (Екатеринбург) Односторонние декларации государств в сети Интернет: пределы обязательности	№ 1 (121)
Смирнова Т. О. (Екатеринбург) Формирование инициативы в трудовом праве: соотношение воли и волеизъявления	№ 6 (126)

Соколова Л. А. (Екатеринбург) Перевод научных статей с русского языка на английский (эпидемиологический аспект)	№ 3 (123)
Тараборин Р. С. (Екатеринбург) Московское правовое наследие в гражданском праве Российской империи первой половины XIX в.	№ 6 (126)
Тихонов А. Н. (Екатеринбург) Правоотношения, возникающие в связи с заключением договора о приемной семье	№ 4 (124)
Федорова М. Ю. (Екатеринбург) Конституционализация правового регулирования социальной защиты в Российской Федерации	№ 6 (126)
Фомичева О. А. (Орск) Об определении порядка законотворческого процесса в рамках применения народного вето	№ 2 (122)
Харинов И. Н. (Екатеринбург) Проблемы защиты права на комфортную городскую среду	№ 6 (126)
Хлус А. М. (Минск, Республика Беларусь) Осмотр или обыск на месте задержания взяточполучателя? Процессуальные и тактические аспекты производства	№ 5 (125)
Цалиев А. М. (Владикавказ) О вопросах судебной власти в России в свете конституционных и законодательных новелл	№ 2 (122)
Шамсумова Э. Ф. (Екатеринбург) Трансформация советского юридического образования в 1920-х – середине 1940-х гг. и ее отражение в отечественной литературе тех лет	№ 1 (121)
Шишкина Е. В. (Екатеринбург) Проблемы защиты прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства	№ 3 (123)
Томуш О. N., Diachkova A. V., Kerimov A. A. (Ekatereburg) Media Transformation of the Legal Culture of an Individual in the Context of Global Digitalization	№ 6 (126)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Путушкина,*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 01.02.22. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,48. Уч.-изд. л. 12,16.

Тираж 100 экз. Заказ № 1

Дата выхода в свет 11.02.2022.

Цена свободная

16+

Уральский государственный юридический университет.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21